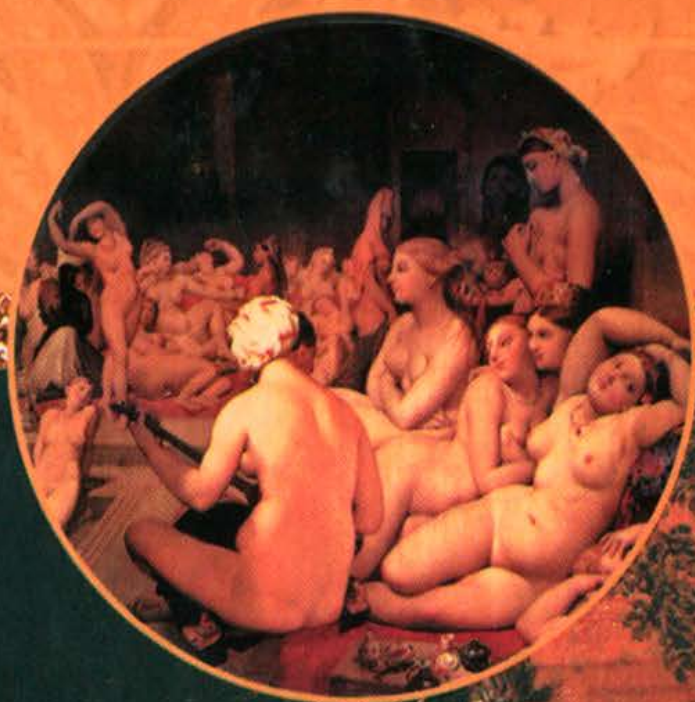

Норман Пензер

Запрет

ИСТОРИЯ
ТРАДИЦИИ
ТАЙНЫ

Норман Пензер

Laprell

N.M. Penzer

The Harem

Норман Пензер

Загреб

История, традиции, тайны

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2005

ББК 63.3(5)
П25

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Пензер Н.
П25 Гарем. История, традиции, тайны / Пер. с англ.
О.И. Миловой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. —
303 с.

ISBN 5-9524-1592-X

Сложный этикет, жесткие, почти монастырские правила гарема и полная изоляция от внешнего мира порождали множество далеких от реальности слухов. Автор увлекательно повествует о том, что в действительности происходило за высокими стенами Серая, рассказывает об иерархии султанских наложниц, жен и евнухов, призванных наблюдать за ними.

ББК 63.3(5)

ISBN 5-9524-1592-X

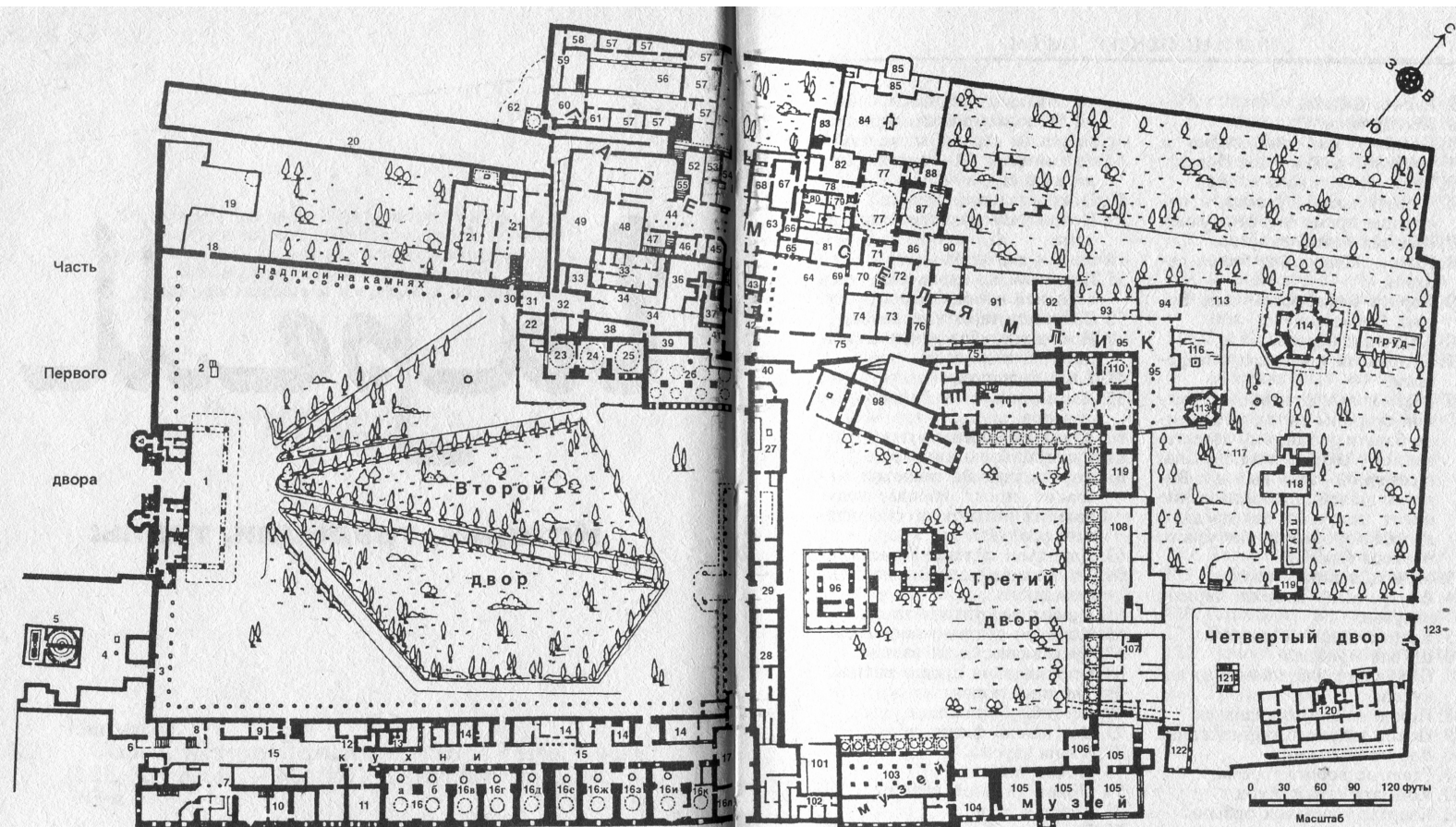
© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2005

Загреб

История, традиции, тайны

ПЛАН ДВОРЦА СЕРАЛЬ

Составлен автором по собственным рисункам, заметкам и фотографиям с использованием плана Музея Сералья

1. Центральные ворота.
2. Могила (?) и руины фонтана.
3. Небольшая железная калитка, ведущая во двор водопроводной станции.
4. Два колодца, соединенные с колодцем большего размера, находящимся за ними.
5. Колодец со спиральной каменной лестницей, стальным мостиком и гидравлическим подъемным механизмом.
6. Вход в кухонный квартал, им пользовались для подвоза продуктов.
7. Квартал разносчиков блюд.
8. Комната начальника кухонь.

9. Кладовые.
10. Квартал поваров.
11. Мечеть поваров.
12. Кладовая кухонной утвари.
13. Лудильная мастерская для кухонной утвари.
14. Квартал помощников поваров, кондитеров и прочих подсобных работников кухни.
15. Коридор кухни.
16. Кухни: а — султана; б — султан-валиде; в — кадин; г — капы-аги; д — основных членов Дивана; е — ичогланов, или

- пажей султана; ж — других обитателей Сералья; з — наложниц султана; и — рядовых членов Дивана; к — кондитеров; л — прихожая кухни кондитеров, возможно, использовалась и как кофейня кондитеров.
17. Мечеть кондитеров.
18. Ворота мертвых.
19. Мечеть и бани Бешир-аги.
20. Конюшни и хранилище конской упряжи.
21. Квартал алебардщиков.

22. Башня Дивана.
23. Зал Дивана.
24. Комната для подготовки и хранения документов Дивана.
25. Кабинет великого визиря.
26. Личная казна султана, в настоящее время Музей оружия.
27. Квартал белых евнухов.
28. Покои начальника белых евнухов.
29. Ворота блаженства, или Ворота белых евнухов.
30. Каретные ворота.
31. Купольная прихожая с буфетами.
32. Вестибюль с фонтаном; с южной стороны выход к лестнице башни и тайному зарешеченному окну в зале Дивана; в северной части выход к Воротам шалей; это же название носят ведущие за пределы дворца ворота в конце узкого прохода (см. 62).
33. Мечеть черных евнухов.
34. Внутренний дворик черных евнухов.
35. Квартал черных евнухов.
36. Школа принцев.
37. Покои начальника черных евнухов.
38. Покои главного казначея.
39. Покои главного гофмейстера.
40. Ворота птичника.
41. Главные ворота гарема.
42. Комната стражников.
43. Квартал гаремных рабынь.
44. Внутренний дворик гаремных рабынь.
45. Кухня гаремных рабынь.
46. Бани гаремных рабынь.
47. Лестница, ведущая в спальни.
48. Отделение работников охраны порядка (см. 51).
49. Прачечная гарема.
50. Бельевой склад, или одно из помещений прачечной.
51. Нижний этаж спален гаремных рабынь; в центре здания — прямоугольный колодец, идущий через все этажи; с любого из верхних этажей было видно, что происходит на нижнем; в основном спальни гаремных рабынь располагались на первом этаже помещений 48 и 51. Вход на этот этаж со стороны 47.
52. Покои главной прачки.
53. Покои распорядительницы гарема.
54. Покои главной няни.
55. Лестница из пятидесяти трех ступеней на нижнюю террасу.
56. Больница гаремных рабынь.
57. Помещения больницы: спальни, гостиные и др.
58. Бани больницы.
59. Жилые комнаты больничных поваров.
60. Кухня больницы.
61. Туалеты больницы.
62. Ворота шалей, такое же название носят ворота, ведущие из вестибюля с фонтаном (см. 32).
63. Павильон султана Ахмеда.
64. Внутренний дворик султан-валиде.
65. Приемная султан-валиде.
66. Коридор султан-валиде.
67. Трапезная султан-валиде.
68. Опочивальня султан-валиде.
69. Тронные ворота.
70. Вестибюль очага.
71. Вестибюль фонтана.
72. Казна гарема.
73. Покои кадин.
74. Покои главной кадины.
75. Золотая дорога.
76. Коридор «Место сбора джинов».
77. Зал приемов султана.
78. Банный коридор.
79. Бани султана.
80. Бани султан-валиде.
81. Кладовые и бойлерная бань султана и султан-валиде.
82. Опочивальня Абдул-Хамида I.
83. Покои Селима III.
84. Внутренний дворик Османа III с трельяжем для виноградной лозы.
85. Стенной павильон Османа III.
86. Приемная Мурада III.
87. Опочивальня Мурада III.

-
88. Библиотека Ахмеда I.
  89. Трапезная Ахмеда III.
  90. Клетка, покои наследников.
  91. Внутренний дворик Клетки.
  92. Приемная селямлика.
  93. Терраса со стеклянной перегородкой (временной).
  94. Зал Обрезания.
  95. Зал с колоннами у павильона Священной мантии.
  96. Тронный зал.
  97. Библиотека Ахмеда III.
  98. Новая библиотека, бывшая мечеть дворцовой школы.
  99. Читальня для учащихся, бывшая мечеть Ахмеда.
  100. Мечеть гарема.
  101. Внутренний дворик.
  102. Кабинеты директора музея, бывшая бойлерная бань Селима II.
  103. Зал Кампаний, в настоящее время там хранится коллекция фарфора.
  104. Бани Селима II, в настоящее время экспозиция изделий из стекла и серебра.
  105. Казна дворца, в настоящее время Музей дворцового комплекса.
  106. Посольская казна, в настоящее время тоже часть экспозиции музея.
  107. Кладовые с провизией, в настоящее время дирекция музея; под кладовыми со стороны помещения казны имеется узкий проход, соединяющий Третий и Четвертый дворы.
  108. Зал Казны, сейчас запасники музея.
  109. Хранилище казны дворца.
  110. Павильон Священной мантии.
  111. Зал Палаты султана, в настоящее время используется для официальных целей.
  112. Бывшие покои высокопоставленных членов Палаты султана.
  113. Ереванский павильон.
  114. Багдадский павильон.
  115. Терраса.
  116. Пруд.
  117. Бывший сад тюльпанов.
  118. Павильон Мустафы-паши.
  119. Кабинет главного дворцового врача.
  120. Павильон Абдул-Меджида.
  121. Павильон Одежаний.
  122. Мечеть служителей павильона Священной мантии.
  123. Третьи ворота.

ВВЕДЕНИЕ

Вероятно, на Востоке нет другого такого явления, которое, с одной стороны, широко известно всему западному миру, но, с другой, смысл которого был бы столь туманен, как гарем. Впервые о нем мы слышали, вероятно, еще в детстве: это — место, где держат взаперти сотни красивых женщин только для того, чтобы они ублажали своего единственного властелина. Мы взрослеем, но наше представление о гареме почти не меняется. Возможно, мы даже узнаем о существовании там жен и наложниц, о том, какое положение они занимали в соответствии с традициями магометанства. Нам, не исключено, также удастся выяснить, что лишь немногие турки могли позволить себе иметь двух и более жен и слуг, числом более, чем кухарка-негритянка, выполнявшая к тому же всю работу по дому. Но почти каждый из нас по-прежнему думает, что султан — это старый греховодник, все свое время проводящий в окружении сотен полуобнаженных женщин в гареме, где стоит запах терпких ароматов, журчат прохладные фонтаны, тихо играет музыка и где он предается всяческому излишествам и порокам, какие только может придумать ради удовольствия своего повелителя коллективный разум ревнивых, изголодавшихся по мужчинам женщин.

Наверное, есть две причины, почему так долго бытуют на Западе подобные совершенно не соответствующие

истине представления. Во-первых, гарем султана всегда окружала плотная завеса тайны, и лишь в очень редких случаях можно было узнать о нем что-нибудь достоверное. Во-вторых, грань, отделяющая правду от вымысла, была очень тонка и плохо различима. В Западной Европе широкая публика узнала о гареме только в начале XVIII века, когда Антуан Галлан опубликовал «Арабские ночи», и была настолько покорена новизной и очарованием самих рассказов, что у нее даже не возникло желания подробнее расспросить очевидца или постараться развеять флер романтики, плотно окутывавший эту вновь открытую сторону жизни Востока.

Туманные, а иногда явно противоречивые описания путешественников более поздних времен, сухие отчеты английских гувернанток и компаньонок, письма и дневники жен послов и секретарей были единственным источником информации. Но и это мало кто читал, что уж говорить о значительно более ценных свидетельствах очевидцев, которые так и оставались в рукописях и со временем оказывались где-то в пыльных архивах или на полках государственных библиотек забытые и некаталогизированные. Поэтому разные нелепости, преувеличения, искажения, а иногда и преднамеренная ложь, как правило, вносили изрядную путаницу к немногочисленным беспристрастным рассказам о гареме.

Искаженное представление существовало не только о каких-то тонкостях дворцового этикета, но и о более существенных вопросах, необходимых для понимания всей системы гарема. Например, до сих пор многие считают, что время существования гарема приходится на дни расцвета Османской империи — на правление первых султанов империи: Мурада, Баязида, Мехмеда, Селима и Сулеймана Великолепного. На самом же деле появление института гарема не следует связывать с расцветом империи турок-османов, его стоит рассматривать как начало ее заката и падения. Ранним правителям Турции гарем был неизвестен — тогда в нем не было нужды. Они были слишком заня-

ты борьбой с многочисленными врагами и созданием империи, и у них не было возможности систематически предаваться утонченным наслаждениям — ведь это возможно, когда ты чувствуешь себя в безопасности, твоя казна полна и у тебя много свободного времени. Тем не менее не следует делать вывод, что в конечном итоге основная причина падения Османской империи — институт гарема. Плох был не он, как таковой, а те, кто управлял им. Гарем не был женским царством, где в мраморных залах в ожидании внимания своего господина бездельничали сотни женщин, — он был небольшим самостоятельным мирком, который управлялся твердой и одновременно заботливой рукой, и совсем не мужской, а женской! У каждой из обитательниц были свои конкретные обязанности, каждая должна была придерживаться правил и законов, которые во многих отношениях были столь же строгими и жесткими, как в монастыре.

Никто не знал принятого в гареме этикета лучше, чем сам султан, и, пока этот этикет соблюдался, проблем не возникало. В противном случае, даже если султану удавалось договориться с такой влиятельной дамой, как собственная мать, и со своим визирем, оставались еще янычары, с которыми султану тоже приходилось считаться. Он мог заходить в своих действиях достаточно далеко — нельзя было только переступить определенную черту: тогда смещение с трона было неизбежным, а смертный приговор весьма вероятным.

И все же трудно винить во всем человека, который, возможно, всю жизнь провел взаперти в дворцовых покоях, а потом вдруг был провозглашен султаном и стал свободным в своих поступках. Неудивительно, что он часто мог выходить за пределы разумного, и последствия этого для окружающих были весьма печальны. Цепь прочна настолько, насколько прочно ее самое слабое звено. Нация, рожденная и выросшая в рабстве, попадает в зависимость от этой системы — ведь ее существованию ничто не угрожает до тех пор, пока все

детали механизма работают нормально, но стоит сломаться винтику, может остановиться и вся машина. В то же время на ее изучение, вероятно, есть смысл потратить время: это может оказаться для нас интересным и, возможно, даже поучительным.

Например, необычайно кипучая жизнь дворца, похоже, совершенно выпала у всех из поля зрения, и в то время, как основным предметом праздного любопытства всегда был гарем, совершенно игнорируется тот факт, что во дворце имелось отличное военное училище, более дюжины мечетей, десять двойных кухонь, две пекарни, мельница, две больницы, различные бани, кладовые, площадки для занятий спортом и т. п.

Невозможно понять, что такое гарем, если не рассматривать его как один из винтиков в большой и в высшей степени сложной системе.

По мере того как мы будем узнавать о гареме все больше и больше, нам откроется истинная картина; для нас это уже не будет всего лишь термин, используемый как синоним слова «сераль», а с помощью подробного плана и немногочисленных фотографий мы узнаем его подлинные размеры. Необходимо пояснить понятия гарем и сераль. Сначала о слове «гарем». Оно заимствовано из арабского, в котором *ḥarām* означает «то, что противоречит закону», в противоположность слову «*ḥalāl*» — «то, что соответствует закону». Таким образом, можно сказать, что весь регион вокруг городов Мекка и Медина — это *ḥarām*, и здесь есть некоторые запреты на то, что разрешено в других местах. Благодаря особому характеру тех святых мест это понятие приобрело также такие значения, как «святой», «защищенный», «неприкосновенный» и, наконец, «запретный». В светском употреблении это слово использовалось для обозначения той части мусульманского дома, где жили женщины, потому что это был их *ḥarām*, их убежище. Турки смягчили звучание до *harēm*, затем добавили суффикс «*lik*» со значением места, и слово «*harēmlik*» стало обозначать женскую часть мусульманского дома, где

живут жена, дети и слуги, буквально: «место, где есть убежище».

Краткую форму *harēm* более правильно применять по отношению к населению *harēmlik*, хотя теперь почти повсеместно принята именно она. Однако в случае со словом «*selāmlik*», означающим «покои мужа», никаких изменений не произошло. Их и не могло произойти, ведь слово «*selāmlik*» означает «приветствие», и местом в доме, служившим для приема гостей, естественно, был *selāmlik*.

Развитие взаимоотношений с государствами Запада вскоре привело к появлению слова, значение которого охватывало не только *harēmlik* и *selāmlik*, но и использовалось для обозначения всего комплекса принадлежавших султану зданий. Благодаря итальянцам, забавно искажившим персидское слово на свой манер, возник термин *seraglio* — сераль, со временем принятый и европейцами и турками. Интересна этимология этого слова, она помогает понять его точное значение. Современное слово «*seraglio*» образовано непосредственно от итальянского «*serraglio*» — «клетка для диких животных», оно легко было усвоено языком благодаря случайному сходству с персидскими *sarā* и *sarāi*, имевшими значение «здание» и «дворец». Здесь вспоминается слово «караван-сарай» — «приют для каравана верблюдов» и «гостиница для путников». В своем прямом смысле — «здание» и «дворец» — слово «*sarāi*» широко использовалось татарами, от которых пришло в русский язык, где оно обозначало неказистые хозяйственные постройки. А у франков-левантинцев оно превратилось в *serail* и *serraglio*. Именно на этом этапе и произошла ошибка: значение итальянского слова «*serrato*» — «нечто закрытое» — было перенесено на название женских покоев, недоступных для посторонних. Тем не менее в значении обоих слов — *serail* и *seraglio* (последнее стало писаться с одним «г») — сохранилась первоначальная коннотация — «дворец», и по общему согласию ими стали называть весь дворцовый комплекс, расположенный на

холме на месте древнего византийского акрополя. Собственно говоря, и сам полуостров получил название мыс Сераль, под этим названием он известен и сегодня.

Имевший место в недавнем прошлом переход на латиницу и фонетическое письмо сопровождался появлением большого числа слов весьма необычного написания, и некоторые из них можно распознать не без труда. Сегодняшнему туристу, садящемуся в такси в Пере и желающему доехать до Сераля, следует просить отвезти себя до Топкапы Сарайи, ибо только это название сразу же объяснит место назначения. Как уже было отмечено, словосочетание *Torcarı Sarayı* означает «дворец у Пушечных ворот» — имеются в виду старые ворота, охраняемые пушкой, которые когда-то стояли на мысу Сераль. Несколько фрагментов этой пушки сейчас хранятся в Музее оружия, находящемся в древней церкви Святой Ирины. Путеводитель 1933 года по Сералю называет это учреждение Дворец у Пушечных ворот. Однако, несмотря на это, термин сераль используется очень широко, особенно среди иностранцев.

И все же приезжий может быть весьма озадачен, когда гид отеля спросит его, успел ли он посетить Старый Сераль, или *Eski Serai*. Недоумение гостя будет особенно велико, если ему известно, что Старый Сераль давным-давно снесен и что сначала, в 1870 году, на его месте было построено военное ведомство, а затем, в 1924 году, — университет.

Но на самом деле имелся в виду Сераль. Вот как это объясняется: после того как Мехмед II покорил Константинополь, в 1454 году на Третьем холме он построил дворец. Между 1459-м и 1465 годами на Первом холме был возведен новый дворец, получивший название *Yeni Serai* — то есть Новый Сераль. Первый дворец стали называть *Eski Serai* — Старый Сераль. Европейские авторы новый дворец обычно называли Большим Сералем. В 1853 году, когда обитатели покинули *Yeni Serai*, европейцы сразу же прозвали его Старым дворцом. Турки же предпочитают именовать его *Torcarı Sarayı*.

Но и это еще не все. В 1709 году султан Ахмед III начал строительство летнего дворца у Мраморного моря на мысу Сераль. Турки называют его *Torcarî Sarayı*, а мы — Летним дворцом. Он был полностью разрушен в 1862—1863 годах. Вот теперь вы видите, что такое сходство названий легко может сбить с толку. Мне кажется, что для большей ясности Сераль 1454 года следует именовать Старым Сералем, дворец, являющийся предметом данной книги, — Большим Сералем или просто Сералем, а дворец постройки 1709 года — Летним. В этом случае, я думаю, мы не запутаемся.

Поняв, какой смысл несут слова «*harēm*», «*selāmlık*» и «*seraglio*», нам несложно определить, что если первые два могут использоваться для обозначения помещений только для женщин и только для мужчин соответственно, то словом «сераль» можно называть весь дворец со всеми его постройками.

Хорошо известно, что на Востоке любым воротам — будь то ворота крепостной стены, дворца или частной усадьбы — придавалось особое значение как с архитектурной, так и с политической точки зрения. Мы отмечали, что даже Сераль известен по названию ворот, как и место заседаний правительства Османской империи — *Bab-i-Hümayun*, или Высокая Порта. Более подробно о воротах мы поговорим позднее; сейчас же я хочу обратить ваше внимание на то, что расположение ворот помогает понять план Сералья; кроме того, они примечательны тем, что по их названию именовались находящийся за ними внутренний двор и стоявшие там здания.

Например, хотя в Серале личные апартаменты домоладцев султана были представлены главным образом двумя типами помещений — *harēmlik* и *selāmlık*, — у знаменитых Ворот блаженства, или *Bab-i-Sa'adet*, там имелись и другие здания. Так, вся часть Сералья рядом с Воротами блаженства была известна как Дом блаженства.

В одной из следующих глав мы прочтем, что открытый для доступа просителей Первый двор с внешней

стороны был окружен толстой стеной и что желающие быть принятыми в Диване попадали в этот двор через находившиеся в ней Центральные ворота. Лишь одному султану было разрешено въезжать через них верхом на лошади. Из Второго двора в Дом блаженства можно было попасть только через Ворота блаженства, причем это дозволялось только домочадцам султана.

Теперь, когда мы знаем такие подробности, ранние описания Сераль уже не кажутся какими-то абстрактными, и нам значительно проще представить, каким пытались показать дворец наблюдатели и насколько они в этом преуспели.

В течение всего времени, пока Сераль был резиденцией султана, очевидцев, чьим рассказам о том, что они видели за Воротами блаженства, стоит доверять, можно было пересчитать по пальцам одной руки. А если прибавить к ним свидетельства тех, кто в то или иное время работал в самом дворце на различных должностях, то и тогда их не наберется больше дюжины.

Анализируя эти ранние свидетельства очевидцев, мы всегда должны учитывать, к какой из этих категорий принадлежал автор описаний. Но, даже прочитав воспоминания бывших дворцовых пажей, все глубже осознаешь, насколько изолированными были различные элементы системы под названием Сераль и насколько сомнительна информация о гареме, излагаемая принадлежавшими к ним людьми — в случае, если о гареме вообще были какие-то упоминания. Например, сообщения первых трех очевидцев — Анджиолелло (1470—1481), Бассано да Зары (ок. 1530—1540) и Менавино (ок. 1545) — относятся практически исключительно к дворцовой школе. Правда, следует отметить, что Бассано да Зара рассказывает еще и о нравах и обычаях турок — к его воспоминаниям мы вернемся позднее.

Первые точные сведения о гареме содержатся в книге Доменико Иеросолимитано «*Relatione della gran città di Constantinopoli*» 1611 года, посвященной описанию Константинополя. Подробнее об этой книге мы еще

поговорим. Ее автор занимал совершенно уникальную должность — он был врачом при дворе султана Мурада III (1574—1595), и уже только это объясняет знание им предмета. До момента свержения Абдул-Хамида в 1909 году все происходившее в стенах гарема было окружено такой плотной завесой секретности, что ни о чем нельзя было сказать с большей или меньшей степенью определенности, не говоря о том, что никто из посторонних не мог быть очевидцем этой жизни. Людей, с той поры и по наши дни посетивших какое-либо из закрытых помещений гарема, можно буквально пересчитать по пальцам. Поскольку эти ранние свидетельства имеют историческую ценность, в следующей главе о них будет рассказано подробно. Действительно, после 1853 года, когда Абдул-Меджид оставил эту резиденцию и перебрался на берега Босфора, в некоторые «парадные комнаты» был открыт допуск привилегированным иностранцам, при этом гарем оставался таким же закрытым местом, как и прежде.

В 1615 году известный путешественник Пьетро делла Валле в своей книге «Константинополь» написал, что о происходящем за Воротами блаженства узнать не представляется возможным. А совсем недавно, в 1926 году, ту же мысль, только более эмоционально, выразил и сэр Джордж Янг: «До наших дней Сераль и павильон Священной мантии продолжают входить в число тех немногих мест на земле, куда никогда не ступала нога англосакса или американца. Для туристов гарем султана и павильон Священной мантии — то же самое, чем был полюс для исследователей и чем до сих пор является Эверест для альпинистов».

Тайна гарема тщательно охранялась, и даже сравнительно недавно, при Абдул-Хамиде II, когда в Йылдызе¹ проживало триста семьдесят женщин и сто двадцать семь евнухов, о нем ничего не было известно. Инфор-

---

❖ ¹ Йылдыз — дворец турецких султанов в Стамбуле. (Примеч. пер.)

мация о гареме появилась только после смерти султана.

Именно здесь закончилась история гарема — ведь несмотря на то что лишившемуся трона султану разрешили взять в ссылку на Салоники нескольких самых любимых женщин, конец гарема как института наступил — тут не может быть никакого сомнения — в 1909 году. Сохранилось много рассказов о закрытии гарема, о первом и последнем публичном появлении его обитательниц. Вероятно, наиболее интересные воспоминания оставил Фрэнсис Маккулла: «Из множества двигавшихся по улицам города в эти дни скорбных процессий, сопровождавших падение бывшего величия, одной из самых печальных была процессия женщин из гарема султана, перебиравшихся из Йылдыза во дворец Топкапы. Этих несчастных в возрасте от 15 до 50 лет было так много, что для перевозки их вместе с прислужницами потребовался 31 экипаж. Часть женщин была отправлена в Старый Сераль в Стамбуле, но этот дворец первых султанов пришел в такое ветхое состояние, что был признан неподходящим для их проживания, и дамы были возвращены в Йылдыз. В конце концов их всех собрали в Топкапы и устроили там самое необычное мероприятие, которое когда-либо проводилось в стенах этого дворца. Общеизвестно, что большинство женщин в гаремах турецких султанов были черкешенками — благодаря природной красоте женщины этой национальности ценились очень высоко и соответственно стоили очень дорого. Поскольку гарем Абдул-Хамида в этом плане ничем не отличался от других, правительство Турции телеграфировало в деревни черкесов в Анатолии, уведомляя о том, что семьи, чьи представительницы находились в гареме бывшего султана, могут забрать своих родственниц домой независимо от того, были девушки первоначально проданы в гарем собственными родителями или же, что тоже периодически случалось, были уведены из родного дома силой.

И вот в Константинополь двинулись толпы горцев-черкесов в живописных одеждах; в установленный день

их всех впустили в старый дворец Топкапы. Там в присутствии специальной комиссии их проводили в длинный зал, целиком заполненный наложницами, кадинами и одалисками свергнутого султана. Женщинам разрешили открыть лица. Последовавшая за этим сцена была невероятно трогательной: дочери падали в объятия отцов, которых не видели много лет, сестры обнимали братьев, а бывало и так, что родственники, никогда прежде не встречавшиеся, могли установить свое родство только путем долгих выяснений и воспоминаний.

Внимание свидетелей этой необычной сцены не мог не привлечь контраст между нежным цветом лица и дорогими нарядами женщин и грубой, обветренной кожей приехавших за ними бедно одетых горцев; было заметно, что в некоторых случаях родных просто ошеломили красота, утонченные манеры и богатые одежды их соплеменниц. Однако складывалось впечатление, что последние были очень рады уехать из дворца, и, как правило, не теряя времени, они собирали свои вещи и покидали его, иногда после нежного прощания с другими одалисками. Так получили свободу 213 невольниц.

Однако воссоединение во дворце Топкапы не для всех было радостным: многие мужчины не нашли своих родственников. Кто-то из девушек умер, других казнил Абдул-Хамид, третьи после свержения султана были увезены им на Салоники или тихо перекочевали в гаремы членов семьи султана, которым они приглянулись. Многие женщины, особенно не первой молодости, были чрезвычайно огорчены, что за ними никто не приехал. Вероятно, их родные умерли или перебрались на другое место или же просто не захотели приводить в свои бедные хижины в горах уже немолодых женщин, привыкших к дорогим еде и вещам и забывшим язык, на котором говорили в детстве... Несчастливым женщинам, скорее всего, выпала участь провести остаток своих дней в компании себе подобных — из гаремов предыдущих султанов, — которые живут во дворце Топкапы и, в лучших традициях «Арабских ночей», громко

вздыхают за его забранными решетками окнами да иногда роняют розы и надушенные носовые платочки перед проходящими по улице под окнами дворца привлекательными юношами».

*Sic transit...*¹ И так прошло время гарема.

Как только для немногих оставшихся женщин подобрали жилье в городе, в Серале начали организовывать музей, и после довольно длительного периода подготовки доступ туда был открыт, правда, лишь для узкого круга избранных. Затем постепенно начали открывать для посещения все новые комнаты — в них, заплатив небольшую сумму за вход, мог попасть любой желающий.

Так, в местном путеводителе за осень 1924 года говорилось:

«В настоящее время доступны для посещения: павильоны Багдад-кешк и Мустафа-паша-кешк, терраса павильона Абдул-Меджида, Музей фарфора и приемная»².

В течение следующих десяти лет для осмотра открывали одни покои за другими, и в 1933 году появилась возможность опубликовать официальный путеводитель, в котором было точно указано, в какие помещения есть доступ, а в какие нет. Сделать это было необходимо, так как прежде не существовало четких правил посещения дворца, и турист не знал, какие части Серала он может осмотреть, а какие для него закрыты. Он был вынужден переходить от одного служителя к другому, расспрашивая, куда еще можно пойти и где находятся эти покои. И хотя полностью отказаться от этого пока не удалось, тем не менее повсюду развешаны указатели и информационные табло.

К сожалению, путеводитель был опубликован только на турецком языке, но директор сообщил мне, что вскоре он надеется выпустить его на французском или англ-

---

Sic transit gloria mundi (лат.) — так проходит слава мира. (Примеч. пер.)

² Автор использует другие названия помещения — зал Аудиенций, или Тронный зал. (Примеч. пер.)

лийском языках. В путеводителе имелась великолепная карта с указанием точного маршрута осмотра, в приложении — список помещений и дворигов. В нем две колонки: в левой перечислены все открытые для публики помещения (всего их сорок два), а в правой те, куда доступ закрыт (их тридцать восемь). Таким образом, на первый взгляд складывается впечатление, что посетитель имеет возможность осмотреть больше половины Серая. Однако внимательное изучение списка показывает, что это не так: дело в том, что в числе открытых несколько комнат, входящих в одни покои, отмечены как отдельные. При составлении списка помещений, куда доступ закрыт, такой прием не использовался. Кроме того, на карте дворца есть непронумерованные комнаты — за счет этого число недоступных для посещения оказывается существенно большим.

Но, даже не имея возможности увидеть богатства Сокровищницы, внимательный посетитель может получить вполне адекватное представление о дворце и осмотреть интерьеры, отделанные мастерами турецкой, сирийской, арабской и персидской школ. Но если он не изучал историю Серая специально, экскурсия по дворцу будет для него недостаточно познавательной: ведь все, что он увидит, — это лишь несколько маленьких, безвкусно оформленных комнаток, не идущих ни в какое сравнение с величиной и великолепием залов во дворцах Европы и Ближнего Востока. Он будет разочарован и подумает, что в мире больше не осталось интересных и овеянных мрачной романтикой мест. Для того чтобы дать посетителю Серая эту недостающую информацию, пусть и не во всей полноте, и была написана эта книга.

Каждый автор, рассказывающий о Константинополе, с большим или меньшим успехом пытается дать общее представление о дворце в целом. Но какими бы живыми и полными ни были описания, они не смогут дать такую точную картину, какую передают фотографии. Однако сделать их всегда было чрезвычайно слож-

но, и в путеводителе 1933 года неоднократно повторяется, что фотографировать там не разрешено.

Фотоснимки некоторых частей дворцового комплекса и большинства экспонатов музея были сделаны официально, они есть в продаже. Но и официальному фотографу руководство музея разрешило запечатлеть очень немного. Снять же общий вид дворца можно только с такого опасного места, как карниз под окном на самом верху башни Дивана. Но надо сказать, что результат вполне оправдывает все трудности: вид на крыши гарема действительно в высшей степени необычен, и мои читатели, увидев фотоснимки (ил. 7, 8), наверняка согласятся с этим.

Я прекрасно осознаю, что я не первый публикую фотоснимки крыш гарема, но дело в том, что на всех предыдущих снимках дворцовый комплекс изображен только в одном направлении, что не дает представления о расположении гарема относительно селямлика. Тем не менее сделать фотоснимки крыш — это одно, а определить, под какими именно из леса каминных труб и множества куполов находятся те или иные помещения, — совсем другое. Для этого необходимо очень хорошо знать дворец, поэтому я не прошу извинения за слишком подробное комментирование фотографий. Особо хочу отметить, что данные снимки были сделаны мной 28 сентября 1934 года.

На фото (ил. 7) представлен вид дворцовых построек, протянувшихся вдоль вершины холма Сераль к Босфору. Это практически весь селямлик и строения, расположенные слева от зала Дивана. Внизу, в центре, на переднем плане, видна крыша навеса во дворике черных евнухов. Слева — окна и крыши школы принцев (см. план Сералья, поз. 36), в левом нижнем углу начинаются крыши спален черных евнухов (поз. 35). На переднем плане в центре — покои казначея и гофмейстера (поз. 38, 39), а справа — купола государственной казны, сейчас там Музей оружия (поз. 26). В самом центре и немного левее — низкие и высокие купола поко-

ев начальника черных евнухов (поз. 37). У стены справа — мечеть дворцовой школы, сейчас там библиотека (поз. 98). Вдали, прямо до того места, где сливаются воды Босфорского пролива и Мраморного моря, протянулись строения, среди которых можно выделить опочивальню султана (поз. 111), павильон Священной мантии (поз. 110), зал Обрезания (поз. 94), покои принцев, известные под названием Клетка (поз. 90), а также Ереванский и Багдадский павильоны (поз. 113, 114).

План Серая будет очень полезен при идентификации различных строений.

На фото (ил. 8) изображена местность к западу в направлении бухты Золотой Рог. Здесь видны все здания гарема и часть селямлика, не уместившаяся на фото (ил. 7). В правом нижнем углу можно заметить часть карниза, с которого был сделан снимок. Слева и на переднем плане — крыши спален черных евнухов. Слева, кроме того, видна высокая восьмиугольная башня, ниже, с обеих сторон от нее, — крыша галереи, опоясывающей дворик гаремных прислужниц-рабынь (см. план, поз. 44). Дальше, слева, вплоть до деревьев, идут крытые переходы к больнице для рабынь (поз. 56), а также покои главной няни (поз. 54).

Вдоль внешней стены находились покои султанши-матери (поз. 65—68) и Селима III (поз. 83) с заостренным навершием купола. Еще дальше можно различить стену павильона Османа III (поз. 85). Три квадратных в сечении дымовых трубы обозначают местонахождение каминов в примыкающих к внутреннему дворику покоях матери правящего султана, под левым куполом находится ее трапезная (поз. 67).

Башенка с черным верхом, расположенная слева, принадлежит школе принцев; большой купол и еще один позади него — это зал Приемов султана (поз. 77) и опочивальня Мурада III (поз. 87).

Могу без лишней скромности отметить, что на момент написания этой книги я не знаю таких, кому удалось бы увидеть больше зданий и сооружений Серая,

чем мне. Этот факт имеет большее значение, чем может показаться на первый взгляд. Изучающий историю или социологию Востока может поехать в Стамбул, запасшись письмами к директору общественных работ, куратору музея и т. п., и после многочисленных переговоров с властями и длительного ожидания ему, в качестве жеста доброй воли, покажут те части дворца, которые закрыты для широкой публики. Исследователю, проведенному в Серале не один час, осмотревшему огромное количество покоев, переходов, внутренних дворов, кухонь и других помещений, вежливо скажут, что он увидел все. И вряд ли он с уверенностью сможет возразить. К тому времени его голова настолько перегружена впечатлениями от этого места, подобного лабиринту, что оценить, насколько полно он ознакомился с дворцом, просто невозможно. Дело не в том, что власти хотят ввести посетителей в заблуждение, просто по ряду причин многие помещения Сералья находятся не в том состоянии, чтобы их демонстрировать. И когда говорят, что показано все, имеется в виду то, что находится в более или менее приличном состоянии, и то, что, по их мнению, может представлять интерес.

Каждый раз, приходя в Сераль, я обнаруживал то, чего раньше не видел: иногда это был коридор между помещениями, которым я прежде проходил, не обратив на него внимания, в другой раз какая-нибудь небольшая комнатка, не обследованная мною прежде. Однажды я обнаружил лестницу, о наличии которой не подозревал. Моя настойчивость привела меня в больницу для рабынь, где раньше не бывал даже мой гид, а одна дверь была так основательно затянута густой паутиной, что вначале нам пришлось снимать ее длинными палками. Я говорю об этом, чтобы показать, насколько этот дворец необычен и полон тайн, и чтобы стало понятно, насколько сложно составить план многочисленных зданий всех форм и размеров, выстроенных в разных стилях, в разное время и, что хуже всего, на разных уровнях.

Даже сейчас я убежден, что во дворце остались какие-то помещения, не осмотренные мною должным образом: одни — из-за настолько плохого состояния полов, что по ним опасно ходить, другие до такой степени завалены мусором, упаковочными ящиками, сломанными подсвечниками и т. д., что в них вообще невозможно войти, в третьих постоянно проживают сотрудники музея и т. п. Тем не менее мне кажется, что не обследованные мною помещения дворца не имеют особой важности (за исключением зала Священных реликвий), и их тщательное изучение едва ли существенно изменило бы составленный с таким трудом план, который я постарался сделать максимально точным.

Глава 1

ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ОПИСАНИЯ СЕРАЛЯ

Как я уже говорил, самые ранние описания Сералья посвящены почти исключительно дворцовой школе, а те, что оставлены в XVI веке Кантакусино, Джиовио, Юнис-беем, Рамберти, Постелом, Чесно, Басбеком, Гарцони, Сандерсоном и Моросини, ограничились главным образом рассказами о нравах, обычаях, религии и государственном устройстве Османской империи и лишь вскользь упоминают Сераль, отмечая, что информацию о нем получить практически невозможно. Но и здесь не обошлось без исключений: единственным автором, которому, возможно, удалось увидеть достаточно много помещений Сералья, был французский путешественник Николас де Николаи (1517—1583).

Николас де Николаи (1551)

В составе посольства Габриэля д'Арамона Николаи прибыл в Константинополь в 1551 году с тем, чтобы сделать зарисовки костюмов местного населения, и именно благодаря ему появилась первая коллекция одежды, о которой подробно рассказано в опубликованной в Лионе книге Н. Николаи «*Les quatre premiers Livres des navigations et peregrinations orientales*». Являясь одним из членов посольства, он, несомненно, находился в достаточно выгодном положении, и, как сам отмечал, ему удалось подружиться с евнухом, помогавшим в работе. И

хотя о государственном устройстве империи мы узнаем главным образом от Менавино, Николаи, как того требовала его миссия, был вдумчивым и внимательным наблюдателем и вполне мог лично видеть ту часть селямлика, своеобразие которой подчеркивал в своих описаниях. Мы еще вернемся к его рассказу, когда будем говорить о костюмах обитателей дворца.

В главе XVIII он пишет: «...этот Сераль огорожен высокими прочными стенами, протяженность которых составляет около 3 километров; в центре на небольшом холме разбит прелестный сад, спускающийся к морю. Там огромное количество маленьких домиков и других построек, а к галерее со множеством колонн примыкает около двух сотен покоев. Именно там Великий турк проводит большую часть лета — ведь здесь на возвышенности чистый воздух и много воды. В прошлые времена это место принадлежало монастырю Святой Софии, но Баязид II отобрал его у монастыря и приказал в центре выстроить главный дом так, чтобы его нижние помещения были защищены от северо-восточных ветров. В этом доме он живет всю зиму. Несколько ниже стояло еще одно небольшое строение, сделанное целиком из очень прозрачных стекол, скрепленных полосами олова таким образом, что образовывалось полушарие, а под ним был искусно устроен фонтан, вода из него стекала в сад. В летнюю пору Баязид II часто коротал здесь время — он любил подремать под нежное журчание воды. Сейчас почти все это лежит в руинах, вода куда-то ушла. В наши дни на холме находится Сераль султанши, жены Великого турка, во дворце есть прекрасные бани и специальные помещения для детей, выполняющих функции пажей, к которым, тем не менее, там относятся как к рабам. Детей в возрасте от 8 до 10 лет там кормят и обучают религии, верховой езде и военному делу, в том числе стрельбе. Обычно там проживает 500—600 воспитанников».

Хотя это описание в основном сходно со сделанным Менавино в 1548 году, в нем содержатся кое-какие но-

вые подробности, без сомнения известные Николаи от его приятеля-евнуха или, что тоже вполне возможно, явившиеся результатом его личных впечатлений от посещения некоторых помещений селямлика.

Часть Сералья, описание которой приведено выше, соответствует месту, где позднее были возведены павильоны Ереванский, Багдадский, Священной мантии, а также здания конюшен (см. план, поз. 113, 114, 110 и 20). Сераль султанши и дворцовая школа располагались примерно на том месте, где согласно плану находятся гарем, примыкающая к нему часть Третьего двора и квартал черных евнухов.

В XVII веке несколькими путешественникам, в том числе Питеру Манди, удалось попасть во Второй двор, но не дальше; другим — Джорджу Сэндису, Эдварду Гримстоуну, Томасу Гейнсфорду, делла Валле, Ж.-Б. Тавернье, Жану де Тевено, Г.-Ж. Грело и сэру Джону Шардину — повезло не больше. Возможно, какие-то важные сведения можно почерпнуть в воспоминаниях венецианских купцов, однако, должен признаться, мне не удалось подробно изучить уже опубликованные эти 80 с лишним томов. Мне кажется сомнительным, что лучшие из них могут сравниться с воспоминаниями Оттавиано Бона, к которым мы вскоре обратимся. Таким образом, я не могу добавить никаких новых имен очевидцев к тем, что уже приведены доктором Барнетт Миллер.

Доменико Иеросолимитано (ок. 1580—1590)

А сейчас поговорим о воспоминаниях итальянского врача, работавшего во дворце в период правления Мурада III (1574—1595). По его собственным словам, он был одним из семи врачей, обслуживавших султана, а среди них — третьим по старшинству. От него мы впервые узнаем о некоторых помещениях гарема, в частности на Золотой дороге (см. план, поз. 75). Благодаря

своей должности он имел уникальную возможность посещать те части гарема, где разрешалось бывать только некоторым черным евнухам и врачам. После него очень долго никто не оставлял более подробных рассказов о гареме — ведь прочим посещавшим его иностранцам приходилось довольствоваться осмотром отдельных помещений селямлика и садов.

Кроме того немногого, что Иеросолимитано рассказывает о себе сам, ничего о нем не известно. Его записи не были опубликованы, они хранятся в отделе рукописей Британского музея. Записки этого врача озаглавлены: «*Relatione della gran citta di Constantinopoli*». Помимо описаний Серая, он также приводит общие сведения топографического характера и описания мечетей, дворцов, фонтанов, рынков, больниц и т. п.: «Из аркады, о которой я говорил выше, попадаешь в узкий коридор, ведущий в еще один двор с садом, где растут разнообразные цветы; здесь с одной стороны расположены комнаты Великого тюрка. Когда его посещают женщины, они должны пройти коридорами с высокими сводами; при этом дверь открывают ключом, который султан не доверяет никому, кроме своего главного евнуха».

Затем автор отвлекается на описание находящихся несколько на отшибе помещений для глухих и карликов, после чего вновь продолжает рассказ: «На той стороне, где коротают время женщины султана, расположены отдельные дворики, общим числом 44, в каждом имеются бани и фонтаны, причем из одного дворика не видно, что происходит в другом. Но он [султан] по тайному коридору может незамеченным пройти в любой из них. Рядом с комнатами женщин располагаются помещения, где воспитываются дети Великого тюрка — только мальчики, так как девочки остаются с матерями. Мальчиков же отбирают у матерей, когда они достигают 6-летнего возраста, и селят в отдельных комнатах вместе с воспитателями. Покои Великого тюрка протянулись между мужской половиной и женской — это 40 [44(?)] апартаментов, в каждом есть зал, спальня, фонтаны, садики и

вольеры для птиц; апартаменты [устроены] удивительно хитроумно, они отделаны панелями с цветочным орнаментом, где изображения людей и животных отсутствуют. Комнаты украшены чудесными парчовыми занавесями, полы устланы коврами, все матрацы и подушки тоже из парчи, а все твердые детали кроватей сделаны из слоновой кости и инкрустированы древесиной алоэ, сандалом и крупными пластинами кораллов — одна из таких пластин была прислана Мураду из Китая и стоила более 90 тысяч скудо»¹.

После описания тайной сокровищницы (каких-либо следов или письменных упоминаний о ней до наших дней не дошло), устроенной под покоем и мужчин и женщин, он останавливается на описании садов селямлика и павильона, который находился, вероятно, где-то совсем близко от возведенного позднее Багдадского павильона: «Выйдя оттуда, попадаешь в протянувшийся до другой стены полный разнообразных ароматов сад; в окружности он имеет около 2 километров. В саду между стеной этого сада и стеной, выходящей на море, устроены павильоны. Их там много, они весьма необычной архитектуры, среди них выделяется один шестигранный, чей купол опирается на 6 больших колонн, а между колонн установлены пластины горного хрусталя, настолько точно подогнанные друг к другу, что создается впечатление единого целого. Павильон венчает купол из свинцовых пластин, украшенных золочением и насеченным золотом и серебром рисунком. На куполе имеется фонарь: столбы из резного горного хрусталя держат сделанную из пластин коралла крышу. На солнце павильон сияет так, что больно глазам. Благодаря тому, что он стоит на возвышенности, изнутри можно в подробностях разглядеть весь сад. В третьей части этого сада за комнатами женщин находится хранилище драгоценного оружия и амуниции: среди прочего там

---

¹ С к у д о — старинная итальянская серебряная монета. (Примеч. пер.)

есть изукрашенная драгоценными камнями конская упряжь. Второе такое же хранилище расположено за помещениями, где обучают мальчиков-прислужников».

Дальнейший рассказ о Серале посвящен краткому описанию библиотек, мечетей, конюшен, кухонь, а также тому, что подавали на стол султана. Затем Иеросолимитано говорит о других частях города, особо останавливаясь на арсенале (в частности, рассказывает о его служителях), монетном дворе и Пере. Эту рукопись стоило бы опубликовать, да и читается она довольно легко.

Первым христианином (не считая тех, кто работал во дворце постоянно), оставившим основанное на личных впечатлениях описание Серала, был мастер по органам англичанин Томас Даллам. К его воспоминаниям мы сейчас и обратимся.

Томас Даллам (1599)

Чтобы объяснить, как такой человек попал в Сераль, следует очень кратко сказать о том, каково было в тот момент отношение в Константинополе к иностранцам. Венецианцы и генуэзцы получили от империи греков торговые права (позднее этот договор называли капитуляцией) еще в XI веке; после захвата Константинополя турки последовали примеру византийцев и возобновили договор. В 1535 году Сулейман предоставил такие же права французам, а вскоре торговыми привилегиями впервые воспользовались и англичане, организовавшие компанию «Левант». В 1580 году таких прав для Англии добился Уильям Харборн, которому было суждено стать первым английским послом при Высокой Порте. Благодаря этому он получил от королевы Елизаветы комиссию и был вновь отправлен в Константинополь, но уже в качестве представителя вышеупомянутой компании, официально зарегистрированной в 1581 году.

Харборн хорошо справлялся с работой, однако расходы компании были очень велики, а конкуренция остра.

Несмотря на то что Елизавета не имела возможности оказывать большую финансовую помощь, она прекрасно понимала, что султан был ее потенциальным союзником против Испании, и поэтому предоставила Харборну полную свободу действий в том, что касалось организации работы новой компании. После разных проволочек в 1592 году был заключен новый договор, и дела компании пошли в гору. В 1588 году Харборн оставил в Константинополе в качестве торгового агента Эдварда Бартона, в 1591 году занявшего пост посла.

Четырьмя годами позже умер султан Мурад III, и с приходом к власти Мухаммеда III компания столкнулась с необходимостью возобновить капитуляцию, а для этого были нужны поздравительное письмо и ценные подарки от королевы Англии. Первое с помощью лорда Уильяма Сесила Бергли было обеспечено, подарки же должна была предоставить компания. Естественно, этот факт хранился в строгом секрете, и подарки предполагалось вручить от имени Елизаветы. Но с подарками произошла весьма длительная задержка, вручены они были только в 1599 году. К этому времени Бартон умер, и их передавал его секретарь Генри Лелло.

Особое место среди подарков занимал орган, который был специально для этого построен Томасом Далламом. Поскольку это было изделие очень сложной конструкции, для установки органа на место и его настройки был отправлен Даллам.

Этот человек, первый приглашенный во дворец для выполнения разовой работы, и оставил нам свои воспоминания о Серале, пусть даже обрывочные и недостаточно глубокие.

Поездка в Константинополь продлилась почти семь месяцев, Даллам прибыл туда в середине августа 1599 года, и после того, как корабль, на котором привезли орган, посетили султан и его мать, Далламу были приказано установить инструмент в Серале. Работа была достаточно сложной, поэтому Даллам бывал во дворце ежедневно. Принимая во внимание те возможности,

которые у него, вероятно, были для внимательного осмотра селямлика, в целом его отчет разочаровывает, но отдельные фрагменты все же стоит привести: «11-го, во вторник, мы перенесли наш инструмент с корабля во дворец Великого синьора, называемый Сералем. Там, в этом в высшей степени необычном дворце, я начал устанавливать орган... У каждых ворот Сералья постоянно сидит толстый турок, он называется чиа [привратник]; ворота всегда закрыты, и никто не может ни войти, ни выйти наружу, когда ему того захочется... Дорога от первых ворот ко вторым, находящимся во второй стене, идет в гору; расстояние от первой стены до второй примерно 500 метров. Вторые ворота тоже были закрыты... Они сделаны из толстого железа; ворота открыли двое мужчин, которые зовутся джемегланами [юноши ученики янычар]. Между первой и второй стенами нет никаких жилых построек, за исключением дома бустанджебаши [главный садовник], у которого в подчинении находится тысяча джемегланов, у них нет другой задачи, кроме как поддерживать порядок в садах; я уверен, что нигде в мире нет таких ухоженных садов. За второй стеной садов нет, но там множество больших зданий и двориков, вымощенных мрамором и тому подобным камнем. У каждой оды [комната или палата пажей; во всех других местах этим словом обозначается подразделение янычар] растут одно или несколько великолепных плодовых деревьев и — в изобилии — виноград разных сортов. Войдя в здание, где должен был установить подаренный инструмент, я подумал, что попал скорее в храм, а не в жилое помещение; сказать по правде, это был не жилой дом, а место для приятного времяпрепровождения и одновременно место, где совершались казни. Дело в том, что внутри этого дома был построен небольшой домик, весьма необычный как внутри, так и снаружи. В этом покрытом резьбой и позолотой домике, подобного которому я никогда не видел, правивший во время моего пребывания там император казнил 19 своих братьев. Этот домик был построен для един-

ственной цели: задушить там всех братьев императора. Что касается большого дома, то в нем два ряда мраморных колонн с основаниями из позолоченной меди. Стены с трех сторон дома сделаны до половины высоты, остальное пространство до крыши оставлено свободным. В случае бури или сильного ветра сверху быстро опускаются хлопковые занавеси, при перемене погоды к лучшему их также быстро можно поднять. Четвертая стена, общая с соседним зданием, доходит до самого верха. Она из порфира или похожего на него камня, и когдаходишь к этой стене, то видишь свое отражение... В этом доме нет ни столов, ни стульев, ни какой другой мебели, кроме одного ложа, один край которого примыкает к бассейну с разноцветными рыбками».

И за исключением интересного рассказа о том, как он наблюдал через железную решетку в стене (о ней мы поговорим позднее) за «тридцатью наложницами Великого синьора», это все, что Даллам может нам поведать.

«Большой дом» с двумя рядами колонн, о котором говорит Даллам, — это почти наверняка Г-образный зал, две стены которого граничат с павильоном Священной мантии (см. план, поз. 95). Необходимо учитывать, что в то время еще не существовало ни Багдадского, ни Ереванского павильонов, ни зала Обрезания. Бассейн с рыбками и ныне там, правда, с того времени он был полностью перестроен. С моей точки зрения, Г-образный зал — более подробно о нем я еще расскажу, ведь я обследовал его лично — самое красивое здание во дворце, вполне достойное сравнения с храмом. В этом помещении вполне достаточно места для того, чтобы установить большой орган и разместить большую аудиторию слушателей; акустика в зале должна быть великолепной, и вообще трудно представить себе лучшее место для демонстрации мастером возможностей его инструмента. Даллам правильно описывает здание, говоря, что одна его сторона открыта всем ветрам. В настоящее время там сделана стеклянная перегородка, однако даже при не слишком тщательном осмотре становится понятно, как первона-

чально выглядела эта часть здания. «Маленький домик», где Мухаммед III казнил 19 своих братьев, — это или приемная селямлика (поз. 92), или то место, где вскоре после описываемых событий была устроена тюрьма для принцев, или Клетка (поз. 90).

Мы видим, что первое описание Дома блаженства человеком, не работавшим во дворце постоянно, относится только к восточной части селямлика, куда Даллама проводили со стороны мыса Сераль, а не через Третий двор.

Оттавиано Бон (1604—1607)

Из оставивших свои воспоминания о Серале первым человеком действительно «со стороны» — ведь и Иеросолимитано и Даллам работали во дворце: один в течение длительного времени, другой недолго, — можно назвать венецианского байло Оттавиано Бона.

Разница между Боном и предшествующими свидетелями весьма значительна. Бон был дипломатом с большим опытом работы и, без сомнения, стремился получить возможно больше информации о Серале, поскольку это входило в его служебные обязанности. Вначале должность байло соответствовала должности генерального консула, но начиная с XVI века ее статус повысился и стал равен рангу специального посланника. Каждые две недели байло должны были отправлять на родину доклады о состоянии дел в стране, а после трех-четырёх лет пребывания там по возвращении домой готовить подробный отчет о дворе, при котором они работали, а также о стране в целом, ее традициях и обычаях. Естественно, в этих отчетах содержится чрезвычайно важная информация. Но по странному стечению обстоятельств Бон не сделал полного обзора, правда, он написал два небольших отчета, которые в настоящее время хранятся в библиотеке Святого Марка в Венеции.

Первый из них посвящен Сералю и представляет собой самый подробный и информативный рассказ из всех, какими мы располагаем. Второй отчет очень краток, его предмет — правительство и управление различными регионами Османской империи. Прежде чем говорить о жизни Бона и цитировать его отчет (с помощью моего друга мисс Фрэнсис Уэлби я перевел его с итальянского), я должен рассказать об одном «открытии», сделанном мною только после того, как перевод был закончен.

Большая часть повествования показалась мне странно знакомой, и я до тех пор никак не мог понять откуда, пока не вспомнил небольшую работу Роберта Уитерса «Описание Сералья Великого синьора или двора турецких императоров», опубликованную в 1650 году. Сравнив обе работы, я понял, что это один и тот же отчет. Джон Гривз, математик и антиквар, обнаружил перевод Уитерса в Константинополе и позднее издал его. Судя по всему, Гривз не знал, что Самуэль Перчас уже опубликовал его, о Боне он тоже никогда не слышал. Поскольку, как складывается впечатление, никто не заметил наличия связи между Боном и Уитерсом, позволю себе продолжить тему. Похоже, что о Роберте Уитерсе почти ничего не известно, мне не удалось найти упоминания о нем ни в одном биографическом справочнике. Фактически единственная информация о его пребывании в Константинополе, которую я смог найти, содержится в аннотации С. Перчаса: «Это [отчеты] собрал господин Роберт Уитерс в результате своего десятилетнего пребывания в Константинополе, где он, благодаря заботе и финансовой поддержке покойного сэра Пола Пиндара, почетного посла его величества, проходил обучение. Турецкий язык он выучил с помощью местных преподавателей; ему было позволено узнать о святой святых нечестивцев больше, чем те обычно разрешают».

Пол Пиндар был послом с 1611-го по 1620 год, а до этого он служил секретарем Генри Лелло — посла с

1597-го по 1607 год. Когда Пиндар в 1620 году уехал в Лондон, Роберт Уитерс отправился туда с ним. Этот факт нам известен из «Путешествий Питера Мунди». Таким образом, если информация Перчаса соответствует действительности, Уитерс прибыл в Константинополь в 1610 году, и Пиндар стал его патроном и защитником — подобно тому, какую позицию он сам занял по отношению к Мунди. До приезда в Константинополь Пиндар провел пятнадцать лет в Венеции и, естественно, был хорошо знаком со всеми байло, приезжавшими в турецкую столицу. Следовательно, он, скорее всего, видел отчет Бона и показывал его Уитерсу. Был сделан перевод на английский (вполне вероятно, что их совместными усилиями), но по какой-то причине он так и остался в Константинополе неопубликованным. В 1638 году приехал Гривз, обнаружил рукопись. Имя автора тогда было неизвестно; позже он выяснил, что она принадлежит перу Уитерса, и в 1650 году опубликовал ее, будучи уверенным, что это первая публикация. «Словарь биографий соотечественников» еще больше запутывает дело: после прочтения статьи создается впечатление, что автор данной работы Гривз. «В том же году [1650] было опубликовано его «Описание Сералья Великого синьора», которое было переиздано в 1737 году вместе с «Пирамидографией» и несколькими другими работами».

Ни слова об Уитерсе, что уж говорить про Бона!

То, что Уитерс действительно переводил работу Бона, будет очевидно любому, пожелавшему сравнить два варианта. Уитерс приводит расстояния в принятых в Италии мерах длины, местами трудные слова просто игнорируются, замечания в скобках очень редки у Бона и являются добавлениями Уитерса, зачастую весьма тривиальными и выбивающимися из остального текста. Наконец, в том месте, где Бон рассказывает, как он попал в Сераль благодаря личному знакомству с главным садовником, Уитерс опускает целый абзац. Создается впечатление, что он просто «заимствует» отчет и

лишь добавляет к нему пустяковые замечания! Как бы то ни было, данная работа о Серале принадлежит не Гривзу, не Уитерсу, а Оттавиано Бону, написана она между 1604-м и 1607 годами, и только ему следует отдавать должное за это великолепное описание.

И все же Уитерс был не одинок в том, что касалось использования рукописи Бона без указания имени автора: в 1624 году Мишель Бодье, историк Людовика XIII, опубликовал свою «Историю Сералья и двора Великого синьора», выдержавшую много изданий во Франции и переведенную на английский язык в 1635 году Эдвардом Гримстоуном. Несмотря на то что Бодье делал компиляцию, используя также и другой материал, он в большом долгу перед Боном — это сразу же выявляется при сравнении работ.

Бон родился в Венеции в 1551 году, он закончил университет города Падуи по специальности философия и право, затем последовательно был инквизитором на Кандии¹, подеста² в Фриули и Тревизо, а также чрезвычайным и полномочным послом при дворе короля Испании Филиппа III в Вальядолиде в 1601 году. На следующий год он вернулся домой, а в 1604 году в том же качестве был отправлен к Ахмеду I. В Константинополе в должности байло Бон проработал на благо своей страны в течение трех лет. По возвращении в Венецию он стал членом сената и весьма преуспел на этом поприще. В 1616 году его отправили в Париж договариваться о посредничестве французского короля в разрешении спора между Савойей и Венецией — с одной стороны, Австрией и Испанией — с другой. Осложнение обстановки в конце концов привело к тому, что Бон был отозван, однако за этим последовала его полная реабилитация, и, несмотря на преклонные годы, он получил должность подеста в Падуе. Умер Бон в 1622 году.

К а н д и я — итальянское название острова Крит. (*Примеч. пер.*)

П о д е с т а — глава исполнительной власти в средневековых итальянских городах. (*Примеч. пер.*)

Сделанное Боном описание Сералья ценно не тем, что ему удалось посетить какое-то конкретное помещение в селямликe, а тем, что рассказ был очень подробным.

Собственно, в гарем ему даже входить не приходилось, и он говорит о нем буквально следующее: «...там находится женская половина, где живут мать султана, сам султан, и все прочие женщины, и рабы Великого синьора; она похожа на большой женский монастырь со всеми удобствами: спальнями, трапезными, банями, гостинными и прочими необходимыми для жизни помещениями».

Дав нам представление о различных постройках Второго двора и о Тронном зале, находящемся при входе в Третий двор, он продолжает рассказывать о том, как ему удалось увидеть некоторые комнаты султана в селямликe: «Однажды, благодаря моей дружбе с Чиаиа — дворецким главного садовника султана, и воспользовавшись отбытием султана на охоту, Чиаиа провел меня в Сераль. Войдя туда через ворота, расположенные со стороны моря, он повел меня смотреть покои властителя: комнаты, бани и многие другие вещи, очень приятные и полезные — с одной стороны и необычные — с другой. Везде было очень много золота и огромное количество фонтанов. В частности, на холме, в летнем крыле, я видел апартаменты, состоявшие из столовой и нескольких комнат. Они находились в таком замечательном месте, что там вполне мог бы жить и монарх. Это был Диван [не путайте с залом Дивана во Втором дворе. Слово «диван» имеет много значений; выбранное Боном абсолютно верно] — зал с колоннами великолепной работы, открытый с восточной стороны и обращенный на небольшое искусственное озеро квадратной формы, образованное тридцатью фонтанами. Его окружал красивейший мраморный акведук, по нему текла вода, из акведука она попадала в фонтаны, а из них — в озеро. Из озера воду понемногу отводили на орошение сада, что очень благоприятно сказывалось на нем. Вдоль акведука могли идти рядом двое мужчин, таким

образом можно было обойти все озеро, наслаждаясь нежным шепотом фонтанов. На озере стоял крошечный кораблик, на котором, как мне рассказали, для отдыха и развлечения его величество любит кататься с шутами. Очень часто, гуляя с ними по акведуку, он толкнет то одного, то другого, заставляя сделать сальто в озеро. Через окно Дивана я видел спальню его величества: она обычного размера, на стенах, как принято, великолепнейшая майолика с изображением орнаментов и цветов разного цвета, что создает потрясающий эффект. Над дверями, как тут принято, драпировки, но только из золотой парчи с бордюром из алого бархата и вышивкой золотом, украшенные множеством жемчужин.

Кровать напоминала римский павильон: вместо обычных деревянных опор — желобчатые серебряные колонны. Там были также львы из хрусталя, а драпировки были сделаны из золотой с зеленым парчи без всяких украшений — вместо них были хитроумно свитые шнуры из жемчуга, несомненно, невероятно дорогие. Покрывало на ладонь не доходило до пола, и оно и подушки были парчовыми. Полы и в этой комнате и в других, где стояли невысокие диваны (они используются для сидения), устланы чрезвычайно дорогими персидскими коврами с золотой и серебряной нитью; покрывала, на которых сидят, и подушки, на которые облакачиваются, тоже из красивейшей золотой и серебряной парчи.

В центре Дивана висел очень большой круглый светильник с серебряными подвесками, инкрустированными золотыми пластинками с бирюзой и рубинами, его середина была из хрусталя; он был очень красив. Для омовения рук предназначались небольшая чаша и кувшин из золота, усыпанный отличной бирюзой и рубинами — ими приятно любоваться. За Диваном располагалась площадка для стрельбы из лука, где я видел великолепные луки и стрелы. Мне показали отметины, оставленные сильной рукой султана на такой огромной стреле, что в это едва ли можно поверить».

Вот так завершился визит Бона в селямлик. Это последнее описание квадратного озера и террасы, перед тем как были построены Ереван-кешк и Багдад-кешк (в 1635-м и 1639 годах соответственно) и произведена перепланировка этой части территории дворца. Как я уже упоминал, весь рассказ Бона о Серале весьма важен, поэтому в дальнейшем я буду приводить выдержки из его воспоминаний.

Эдмунд Чисхолл (1701)

Еще один рассказ о Серале был включен в путевые заметки Эдмунда Чисхолла. Они были опубликованы уже после смерти автора его другом доктором Мидом в 1747 году. Чисхолл родился в Эйворте, графство Бедфордшир, в 1670-м или 1671 году. В 1687 году он поступил в Корпус-Кристи — колледж Оксфордского университета, а закончив его, в качестве поощрения получил должность коммивояжера на фабрике «Турецкая компания» в Смирне. Говорят, что проповедь, которую он произнес перед служащими компании, очень способствовала тому, что ему был предложен пост капеллана.

Из Англии он выехал в феврале 1698 года, а в ноябре прибыл в Смирну. После поездки в Эфес в 1699 году он в 1701 году посетил Константинополь и в тот же год возвратился домой. Рассказ Чисхолла о поездке появился столетие спустя после отчета Бона. Он был краток, в нем отсутствовали точный маршрут и сроки поездки автора.

Похоже, что он все же посетил Первый и Второй дворы, но пройти через Ворота блаженства в Третий двор ему не удалось: дело в том, что он сразу же переходит к описанию дворцовых садов, находящихся за пределами Второго двора. Получается, что он вышел из него через какую-то боковую калитку или же возвратился назад и полностью обошел участок за пределами основной стены. Как бы то ни было, он добрался до ко-

лонны готов¹, вошел внутрь и дальше следовал практически тем же маршрутом, что и Даллам.

Он смог увидеть дверь гарема, до которого добрался, вероятно, по Золотой дороге.

В своих «Путешествиях по Турции» Чисхолл пишет: «С помощью грека, служащего хирургом у главного садовника, мне удалось присоединиться к знаменитому купцу господину Джону Филипсу, чтобы вместе с ним посетить константинопольский Сераль. Там мы прошли два двора, образующие преддверие дворца; в первом находится небольшой арсенал, где хранятся оружие и амуниция; во втором с обеих сторон построены крытые коридоры, служащие янычарам столовыми, а в его дальнем конце располагается здание Дивана.

Из этих дворов нам позволили пройти в сад, устроенный с обеих сторон дворца, и обойти его целиком... Весь участок земли, который называется дворцовым садом, занят кипарисами и другими деревьями; там проложены тенистые тропинки и возведены разнообразные павильоны... Пройдя через Сераль до самой дальней точки, выходишь к коринфской колонне из белого мрамора... Нас впустили в небольшую калитку рядом с этой колонной, за которой был зеленый двор, а за ним — ухоженный сад. Оттуда, поднявшись на несколько ступеней, мы попали в половину Великого синџора с двумя богато украшенными павильонами, прудом с рыбками, мощеной дорожкой для прогулок и открытой галереей. Здесь нам показали место, где живут в заточении несчастные принцы, темные комнаты ичогланов и дверь, ведущую в гарем...

Галерея, о которой я уже говорил, отделана красиво и богато, она украшена выполненными золотом цветочными орнаментами, а опорой крыши служат прекрасные колонны из змеевика. В стены одного павильона вставлены три великолепных порфира сферической формы,

---

¹ К о л о н н а г о т о в — коринфская колонна, воздвигнутая в память побед, одержанных основателем Византии Бизасом над готами. (Примеч. пер.)

средний отполирован таким образом, что в нем, подобно зеркалу, отражается Сераль и прилегающие к нему городские кварталы...»

Проследить путь Чисхолла по дворцу совсем не сложно, если следить за ним по плану Сералья. Единственный интересный момент — это «открытая галерея», и здесь я не согласен с доктором Миллер, отождествляющей ее с террасой между Багдад-кешк (см. план, поз. 114) и залом Обрезания. В этом месте составленного ею плана допущены грубые ошибки в числе построек, их размерах, форме, а также в соотношении пропорций зданий и двори-ков, поэтому трудно поверить, что она исследовала их лично. Вполне очевидно, что после «мощеной дорожки» около Багдад-кешк Чисхолла провели по «открытой галерее» (поз. 95), описание которой довольно точно соответствует залу с колоннами, не имеющему стены с западной стороны, во дворик Клетки — тюрьмы принцев (см. план, поз. 91). Сложно сказать, что такое «темные комнаты», однако, учитывая то, что отдельные участки Золотой дороги (поз. 75) достаточно темные, что чуть в стороне от нее на самом деле устроены маленькие комнаты, а также что она и правда ведет к дверям гарема, я считаю возможным сделать вывод: он шел именно по этому пути. Он ничего не говорит о том, как возвращался, но, скорее всего, не попав в Третий двор, он пошел обратно той же дорогой и вернулся садами к мысу Сераль. Я ничего не могу сказать о «трех порфирах сферической формы», — скорее всего, их постигла та же участь, что и многие другие вещи в Серале. Однако мы все еще не вошли в гарем. Судьбе было угодно, чтобы туда нас провел француз.

Обри де Ла Мотре (1699—1714)

Этот французский путешественник и писатель, родившийся примерно в 1674 году, из-за своих религиозных убеждений в течение долгих лет был вынужден жить в Англии. Он много ездил по Европе, посетил

Швецию, Лапландию, Пруссию, Францию, Испанию, Италию, Грецию, Россию, а также Турцию. В Смирну он прибыл в начале 1699 года, а в июне того же года перебрался в Константинополь. Этот город был его штаб-квартирой вплоть до отъезда в Швецию в 1714 году. Основная часть отчета о его путешествиях была опубликована в Лондоне в 1723 году; эта книга, состоящая из двух томов, называлась «Путешествия по Европе, Азии и части Африки». Третий том увидел свет девятью годами позже. Биографы характеризуют его как «правдивого рассказчика, но весьма поверхностного наблюдателя», и, похоже, критика вполне справедлива. В то же время он был первым чужаком, осмотревшим несколько помещений гарема изнутри, хотя следует признать, что комнат, подобных описанным им, в настоящее время не существует. То, что ему удалось попасть туда, можно объяснить только невероятно удачным стечением самых разных обстоятельств. Похоже, что регулировка многочисленных часов гарема находилась в руках швейцарских и французских часовщиков, поселившихся в Галате и Пере. Мотре познакомился кое с кем из них и, узнав, что из Серая поступил заказ на ремонт нескольких механизмов, убедил одного из часовщиков взять его во дворец в качестве помощника.

«Я оделся, как турок, — пишет Мотре, — он тоже. К счастью для меня, в то время Великий синьор находился со всем своим двором в Адрианополе». Он шел, как обычно, через Первый и Второй дворы. Дойдя до Третьего, вероятно, повернул налево в направлении Золотой дороги и крайнего строения гарема. Описываемые им помещения, скорее всего, примыкали к дворику гаремных рабынь (поз. 44) или же находились западнее — там, где сейчас стоит так называемая гаремная больница (поз. 56). Мотре и сам понимал, насколько путаным получился его отчет, и, даже если бы эти помещения сохранились до наших дней, отследить, каким путем он шел, было бы очень сложно. «У меня голова шла кругом, в ней настолько все смешалось: диваны, богатая

отделка потолков, множество красивых вещей повсюду, — что мне было бы сложно точно описать их; кроме того, я был там недолго, и мне просто некогда было это сделать».

В качестве сопровождающего им выделили черного евнуха, судя по всему не желавшего пускаться в какие-либо дополнительные объяснения.

«Евнух проводил нас в зал гарема — с моей точки зрения, самое красивое помещение Сералья, — где нужно было отрегулировать великолепные английские часы. Его стены были отделаны прекрасной майоликой; потолок и внутренняя поверхность купола покрыты золотом и лазурью; в центре зала, прямо под куполом, находился фонтан с чашей из зеленого, похожего на мрамор камня — то ли змеевика, то ли яшмы; в тот момент фонтан не работал, так как женщины были в отъезде... В зале было несколько больших застекленных окон, забранных решетками снаружи; у окон стояли маленькие диваны, на них были наброшены покрывала для защиты от пыли. Сидя там, женщины дышат воздухом и через решетку разглядывают улицу. После того как мастер наладил часы в зале, евнух провел нас мимо нескольких небольших комнат, двери которых были закрыты. Эти комнаты напомнили мне монашеские кельи — дело в том, что одну открывал другой евнух, и нам удалось в нее заглянуть... В этой комнате было больше росписи и золота, чем в самом зале; окошки находились высоко под потолком — даже самый рослый мужчина не смог бы до них дотянуться, вместо стекла был разноцветный витраж, как в некоторых христианских церквях, только полностью отсутствовали изображения людей и животных».

После этого Ла Мотре добавляет следующее разъяснение: «Сравнивая комнаты женщин Великого синьора с кельями монашек, следует отметить, что в первых мебель значительно богаче и то, что эти комнаты предназначены для других целей — последнее нетрудно понять и без дополнительных объяснений».

Затем их провели в «комнату с окнами в сад», ее описание не приводится. Миновав «несколько залов и комнат, ступая везде по толстым персидским коврам, которыми почти везде застланы полы», они проследовали через селямлик, прошли колонну готов и вышли к мысу Сераль.

Жан-Клод Флаше (1740—1755)

Сейчас мы добрались до воспоминаний французского фабриканта по имени Жан-Клод Флаше, первым из иностранцев увидевшего весь Сераль, включая гарем. Поскольку детали его посещения, похоже, малоизвестны, я останавлиюсь на этом подробнее. О дате и месте его рождения умалчивают все биографы, и мы, не боясь ошибиться, назовем 1720 год и город Сен-Шамон, расположенный в живописной долине у слияния рек Гир и Жанон, примерно в 45 километрах к юго-западу от Лиона. Там, по крайней мере, жил его брат; кроме того, Жан-Клод там умер; а еще в 1789 году в соборе Нотр-Дам этого города некий Флаше служил кюре. В юности у Жан-Клода появилась мечта объехать весь Левант и Индию с торговой миссией, для того чтобы, узнав как можно больше о способах производства товаров, использовать полученные знания на благо своей страны. Французскому послу эти планы показались слишком амбициозными, и он отказал Флаше в выдаче необходимого паспорта. Посол лишь предоставил ему возможность поехать в Константинополь и оттуда совершать краткосрочные поездки. В результате Флаше отправился в путешествие и, проехав через Голландию, Италию, Германию, Венгрию и Валахию, в 1740 году прибыл к месту назначения. Там он провел не менее пятнадцати лет; пребывание Флаше в Турции пришлось на время правления султанов Махмуда I и Османа III. Будучи упорным и энергичным человеком, он не только вел активную торговлю товарами, но и обучил турок

изготовлению и практическому применению веретен, крашению хлопка, золочению меди, лужению и другим приемам промышленного производства. Своими успехами он был обязан дружбе с кызлар-агой, или начальником черных евнухов Хаджи Бекташем. Этот абиссинец проявил такой интерес к предлагаемым новшествам, что Флаше получил звание первого поставщика Великого синьора. Он продавал Сералю самые разнообразные товары, причем особым спросом там пользовались любые механические приспособления. Собственно говоря, взяткой, за которую Хаджи Бекташ провел Флаше по Сералю, были механические игрушки: человек, бьющий в барабан, девушка-француженка и восточный раб, а также чертежи других механизмов — подробнее о них нам ничего не известно. Тем не менее, несмотря на свой высокий пост, за открыто проведенную экскурсию для Флаше по дворцу Хаджи Бекташ вполне мог поплатиться головой, и даже учитывая отсутствие султана. «Боги из мифов предстают перед людьми с соблюдением меньших формальностей, значительно проще попасть на экскурсию в Тартар», — вспоминает Флаше. Но тут подвернулся удобный случай: в Серале предстояло установить зеркала, присланные Людовиком XV в подарок Махмуду I, и, чтобы не возбуждать подозрений у других евнухов, Флаше с послом Франции в Порте Ком де Кастеллане были включены в число рабочих, занимавшихся их установкой. Так им удалось осмотреть практически весь Сераль; Флаше был внимательным наблюдателем — если было бы позволено, он бы сопровождал свой отчет подробными чертежами. В 1755 году, вскоре после смерти своего благодетеля, Флаше уехал в Смирну, где посвятил много времени изучению марены, из корня которой получали краску, придававшую тканям знаменитый «турецкий красный» цвет. Методы, используемые греками для красильного и аналогичных производств, Флаше посчитал настолько важными, что, возвращаясь на следующий год домой, взял с собой нескольких рабочих. Король оценил

его усилия и указом совета от 21 декабря 1756 года пожаловал фабрике в Сен-Шамоне, принадлежавшей брату Флаше, титул «королевская мануфактура», при этом специально оговорив, чтобы привезенные Флаше греки-рабочие продолжали работать там, а сама красильня была открыта для желающих изучить их мастерство и принимала учеников.

Через десять лет в Лионе была опубликована книга Флаше о его пятнадцатилетнем пребывании в Константинополе. Сейчас эта книга — чрезвычайная редкость; ни единого экземпляра нет ни в Британском музее, ни в Лондонской библиотеке, ни в какой-либо из ведущих библиотек Великобритании. К сожалению, эта книга небольшого формата, а чертежи машин и механизмов расположены настолько близко один к другому и такие мелкие, что очень неудобны для практического использования. О дальнейшей жизни Флаше нам ничего не известно, и можно лишь предположить, что она была посвящена экспериментам на фабрике его брата в Сен-Шамоне — городе, где в 1775 году Флаше умер.

Однако вернемся к описанию гарема, оставленному Флаше. Он очень тщательно обследовал весь Сераль, и, хотя некоторые описываемые им строения найти трудно, многое мне все-таки удалось отыскать, то есть его слова оказались абсолютно достоверными. В отличие от таких предшественников Флаше, как Чисхолл, его поход во дворец не был просто приятной прогулкой. Во время одного посещения он собирался сделать кое-какие зарисовки увиденного и кратко набросать план помещений, но даже для друга Флаше Хаджи Бекташа это показалось слишком большой вольностью. Не желая обидеть евнуха, он убрал карандаш в карман и доверился своему зрению и памяти, чтобы позднее перенести все на бумагу. В книге он не только описывает последовательно все дворы Сералья, но и весьма подробно все павильоны Внешнего дворца, а также Летний дворец, внешние стены и ворота. Фактически извиняясь за свои многословные рассуждения, сообщив нам о факте по-

сещения подземных помещений и цистерн, он больше ни словом о них не обмолвился. На протяжении книги мы будем неоднократно обращаться к его описаниям. Сейчас я приведу его рассказ о жилье черных евнухов и некоторых комнатах гарема. Поведав нам о дворцовой школе и садах, а также о павильонах в Четвертом дворе, он продолжает: «Вы заметите, что до настоящего момента я говорил только о внешнем облике основных зданий, описание которых не представляет трудности. Гораздо сложнее рассказать о внутренних помещениях, что я сейчас собираюсь сделать.

На нижнем этаже здания, находящегося с западной стороны, первой идет комната, предназначенная для пажей личных покоев султана. Это очень большое помещение с мраморным полом. Единственное украшение этой комнаты — большой фонтан, вокруг которого в медных подсвечниках всю ночь горят толстые свечи, каждая диаметром 17—18 сантиметров. Пажи дежурят там день и ночь. Не буду еще раз повторять, что все крыши были покрыты свинцом и что во всех имелся фонарь, через который освещается большой купол каждого помещения, причем все купола покрыты позолотой. Оттуда есть проход в две комнаты со сводчатыми потолками, где обитают черные евнухи. Их разделяет внутренний дворик; у обеих стен сделаны очаги для обогрева помещения зимой. Длинная галерея под пятью куполами, протянувшаяся на юг, ведет в просторный вестибюль, расположенный перед первой комнатой покоев Великого синьора — он выполняет функции приемной. Туда можно пройти также через другую галерею, смыкающуюся с галереей черных евнухов. Именно там представляют султану высокопоставленных чиновников Порты, желающих обратиться к его высочеству для решения каких-либо неотложных дел. Многие черные евнухи живут в маленьких комнатках рядом с этой приемной.

В приемной две двери: одна с северной стороны (это дверь султана), а вторая с южной (дверь начальника черных евнухов). Северная ведет в коридор, куда выхо-

дят двери комнат гарема. Комнаты среднего размера, построены из камня, их окна обращены в сад, огражденный очень высокой стеной. Они светлые и хорошо оборудованные. Мебель состоит из гобеленов, ковров, портьер, занавесей, зеркал, часов и ларцов — их ставят в угол диванов, стоящих по периметру комнат; на диванах они проводят день и ночь. Позже я более подробно расскажу о тканях и мебели.

Из первого сада можно пройти во второй. В его центре стоит чудесный двухэтажный павильон. Султан очень часто уединяется там со своими женами. Главные сооружения Сераля располагаются в конце сада. Это четыре комплекса зданий. Султан занимает западный, все его стены с внешней стороны украшены фарфором. Остальные, построенные в одном стиле, с красивыми аркадами, занимают султанши. Этот внутренний двор сильно напоминает королевскую площадь в Париже; он больше в ширину, чем в длину. Комнаты отапливаются печами, находящимися в цокольном этаже: благодаря этому в холодную погоду женщины не мерзнут. В покои Великого синьора нужно подниматься по великолепной лестнице. Вестибюль перед покоем имеет квадратную форму, приемная по площади больше его; покои идут до угла дворика и заканчиваются на этой стороне зданий Сераля. Именно там получаешь представление о богатстве султана. Все поражает такими пышностью и великолепием, что этому невозможно подобрать сравнение. Оконные проемы и потолки отделаны прекрасным фарфором с цветочным рисунком. Лепнина, покрытая листьями из золота, соседствует с фарфоровыми панелями. Стены затянуты сотканной из золотых нитей тканью. Тахта отделана не менее богатой материей. Зеркала, часы, ларцы — все просто великолепно, и, что очень необычно, почти все эти шедевры сделаны иностранными мастерами, нанятыми декорировать помещение.

Затем выходишь в галерею, где располагаются комнаты двенадцати султанш. Они большие и богато убран-

ные. Забранные железными решетками окна смотрят во двор. Со стороны сада в комнатах сделаны маленькие выступающие бельведеры, где женщины могут сидеть и наблюдать за всем, что происходит в саду и рядом, а их самих при этом никто не видит. С северной стороны в центре есть большая комната, служащая, если можно так выразиться, залом для собраний. Женщины приходят туда, чтобы развлечь и ублажить его высочество, для чего они придумывают одно развлечение за другим, причем благодаря их неистощимой фантазии в каждое они привносят какую-то новизну. Из этого зала можно пройти в большую баню. Она состоит из трех помещений, все с мраморными полами. Среднее самое красивое; его хрустальный купол, позволяющий свету проникать в помещение, поддерживают мраморные колонны. Между помещениями сделаны стеклянные двери, через которые видно все, что происходит в соседнем помещении. В каждой чаше (все они разной формы и предназначены для разных целей) по два крана: один — с горячей, другой — с холодной водой. Они одновременно и удобны и красивы. Женщины более низкого положения и черные евнухи имеют свои бани, очень аккуратные и тоже удобные. Выходя из гарема, попадаешь в довольно темный коридор. Он идет через дальнейшее здание, где живут евнухи, прямо к тюрьме принцев — сыновей султана, могущих заявить о своих претензиях на трон. Тюрьма похожа на укрепленную цитадель. Ее окружает высокая стена. По приказу султана Османа стена была сделана ниже, а окна открыты. В тюрьму ведут две двери с двойными железными решетками, изнутри и снаружи ревностно охраняемые евнухами. Это место производит гнетущее впечатление. Там есть довольно милый ухоженный сад. У принцев хорошие комнаты, а в дальних постройках, окружающих дворик, у них есть бани. Находящиеся в услужении у принцев многочисленные евнухи живут на нижнем этаже. Они прилагают все усилия, чтобы облегчить тяжелую участь сыновей султана и сделать их заключение по крайней мере тер-

пимым. Уже довольно давно режим содержания принцев стал менее суровым. Им разрешены отношения с женщинами, хотя запрещено иметь детей. У принцев есть наставники, владеющие разными знаниями и ремеслами; они даже поощряют совершенствование своих подопечных во всех видах ручного труда, приличествующих их высокому положению. Одним словом, у принцев есть все, что они пожелают, кроме свободы. Тем не менее принцы не сидят все время только в покоях Большого Сералья; султан часто отправляет их в другие дворцы, и особенно в Бесикташ [т. е. Бешикташ, на левом берегу Боспора, сразу за дворцом Долмабахче], где они точно так же живут взаперти. Подобные поездки вносят приятное разнообразие в их жизнь».

Несмотря на то что с тех пор кое-что изменилось и несколько помещений гарема просто исчезли, совсем не сложно проследить путь Флаше по дворцу, начиная с комнат черных евнухов (см. план, поз. 34, 35), затем через гарем, вдоль по Золотой дороге (поз. 75) и заканчивая внутренним двориком тюрьмы принцев (поз. 91), которая здесь описана впервые.

Фамилия Флаше завершает наш скромный список тех, кому удалось тайком посетить гарем.

Теперь остается только поговорить о тех, кто был официально допущен за Ворота блаженства. Их число очень невелико, ибо, как я уже говорил, небольшое упрощение допуска в Сераль, после того как он перестал быть резиденцией султана, не распространялось на Третий двор.

Сэр Адольф Слейд (1829)

Первым из них был вице-адмирал сэр Адольф Слейд (1804—1877), прибывший в Константинополь в конце мая 1829 года. В сентябре того же года в связи с визитом адмирала Средиземноморского флота сэра Пултни Малькольма к султану Махмуду II он в числе нескольких избранных посетил Сераль.

Впоследствии жизнь Слейда сложилась очень необычно: прослужив в Греции, Константинополе и Крыму, в 1849 году он был откомандирован в Порту для службы на турецком флоте. Следующие семнадцать лет он выполнял функции главного тыловика турецкого флота и был известен под именем Мухавер-паша. Его отчет о посещении Серая не представляет для нас большого интереса, однако он показывает, что именно в тот период разрешалось увидеть важным визитерам (султан считал Малькольма третьим человеком в Британской империи, что соответствовало званию капитан-паши в Турции). Они вошли в Четвертый двор через Третьи ворота (см. план, поз. 123) и прошли через остальные дворы в обратном порядке, по дороге посетив библиотеку (поз. 97), Тронный зал (поз. 96), Диван (поз. 23) и кухни (поз. 6—17), где кипела работа: «...на открытом огне готовился обед не меньше чем на сто человек. То, что там творилось — огонь и дым, — вполне могло составить конкуренцию кузнице Вулкана; десятки лакеев сновали туда-сюда, унося полные тарелки и возвращаясь с пустыми».

Затем их провели через сады, где визитеры повстречали двух немых, поразивших их своей красотой и прекрасным пониманием всего происходящего.

Насколько можно понять, во внутренние покои гарема им заглянуть не разрешили, и программа их пребывания во дворце ничем не отличалась от программы любого полуофициального визита такого рода.

Максим дю Кам (1844—1845)

Следующим посетителем Серая был Максим дю Кам (1822—1894) — французский литератор и художник, близкий друг Гюстава Флобера. Он совершил много поездок по разным странам Европы и Ближнего Востока, в 1860 году он служил у Гарибальди. Его описание Серая относится к его первому путешествию на Восток (1844—1845). Получив необходимый фирман, он с товарищами вошел

во дворец через Пушечные ворота и, обойдя Чиниликешк, прошел в Первый двор, вероятно, через Центральные ворота, как это делается сейчас. Они осмотрели те же помещения, что обычно позволяют посетить, в том числе библиотеку, Тронный зал, кухни, а также дворы. Его отчет написан в характерном газетном стиле и не стоит того, чтобы его цитировать.

Посетители Серая в XX веке

Согласно сохранившимся данным, за вторую половину XIX века Сераля посетило совсем немного иностранцев, причем их визиты ограничивались осмотром перечисленных выше помещений. Собственно говоря, никаких интересных сообщений не было вплоть до 1910 года, когда профессор Корнелиус Герлитт удостоился беспрецедентной привилегии — сделать план Второго, Третьего и Четвертого дворов; впоследствии этот план был использован Бедкером в его увидевшем свет в 1914 году «Константинополе» и в других путеводителях. Однако Герлитту не было разрешено посетить гарем, и поэтому эта часть дворца на его плане осталась белым пятном.

Впервые план был приведен в опубликованной в Берлине книге Герлитта «Die Baukunst Konstantinopels». Это замечательная книга, и о ней хочется рассказать подробнее, особенно учитывая то, что ее нет в Британском музее и в Лондонской библиотеке, а также то, что в ней приведены фотографии Сераля с комментариями.

Она состоит из двух больших подборок фотографий Константинополя: всех основных мечетей, дворцов, школ, памятников древности, уличных сценок и т. д. Текст на 112 страницах, состоящий из 39 разделов с 244 планами и иллюстрациями был включен в книгу с целью пояснения изображенного. Сералю посвящены в общей сложности 14 схем и иллюстраций. Что касается фотографий, то там нет ни одного интерьера помещений дворца; Герлитт поместил лишь план Багдад-

кешк и Тронного зала. Правда, в книге есть также 4 фотографии Чинили-кешк.

До последнего времени его план Сералья был единственным достоверным из всех. Сегодня он не представляет ценности и является лишь свидетельством того, что в 1910 году, как и прежде, в помещения селямлика и гарема попасть было невозможно. За исключением того, что туда включены обычные достопримечательности (Диван, Ворота блаженства, Тронный зал, библиотека и Абдул-Меджид-кешк и Багдад-кешк), по сути дела, это только план дворов. Однако тот факт, что создание такого плана было разрешено, нельзя расценивать иначе как уступку, вызывающую большое удивление.

Чтобы приблизиться к современности, мы должны обратиться к книге доктора Миллер «За фасадом Блистательной Порты», в которой говорится, что после роспуска гарема младотурками¹ первым человеком и, насколько известно, вообще первым вошедшим в Сераль турком был Абдул-Рахман Шериф-эфенди — историк, позднее написавший цикл из восьми статей в турецком историческом журнале. В одной из статей был приведен план дворца, однако и на этот раз на месте гарема белое пятно.

Первой из иностранцев, посетивших Сераль уже при новом режиме, была, по словам доктора Миллер, Марченес Паллавичини, супруга посла Австрии в Константинополе. Она совершила большое турне в 1912 году. Вскоре разрешение посетить Сераль получил посол США Рокхилл. В числе сопровождавших его лиц находилась и доктор Миллер — вновь попасть во дворец ей удалось в 1916—1919 годах, когда она собирала материал для своей великолепной работы «За фасадом Блистательной Порты», в которой она поместила самый подробный

М л а д о т у р к и — турецкая националистическая организация «Единение и прогресс» (1889—1919); в тексте автор приводит ее европейское название. (Примеч. пер.)

план из тех, что когда-либо существовал. Собранный ею материал, очень важные замечания и библиография были моим ориентиром и основным источником информации при написании настоящей работы. В 1933 году доктор Миллер подготовила чрезвычайно интересную статью, посвященную тому, чему учили в дворцовой школе.

На этом мы заканчиваем рассказ о людях, посетивших Сераль, и о том, какие воспоминания они об этом оставили.

Думаю, все согласятся, что до нашего века ни одного полного отчета о Серале вообще не существовало по одной простой причине — никто ничего о нем не знал. Невозможно сказать, сколько еще простоит дворец и какие новые ограничения могут быть введены в связи с изменением политической ситуации, поэтому, пока у меня была возможность, я детально обследовал дворец и сейчас предлагаю вам, мои читатели, ознакомиться с результатами этой работы.

Глава 2

ИСТОРИЯ ХОЛМА СЕРАЛЬ. ПАВИЛЬОНЫ И СТЕНЫ

История холма Сераль

Прежде чем подробно говорить о том, каким был холм Сераль, до того как турки увенчали его вершину дворцом для своих султанов, интересно посмотреть, какую роль в прошлом играл этот мыс. Нам стоит сделать это не только потому, что там произошли огромные перемены, и не из-за уникальной исторической важности данного акрополя, а по причине множества загадок и остающихся без ответов вопросов, с которыми сталкивается сегодняшний студент или пытливый турист, изучающий его склоны и побережье. Он все время будет спотыкаться о вросшие в землю остатки старых построек, разбитые мраморные колонны, наткнется на фрагменты арок, фундаменты древних стен, врытые в землю цистерны для воды, заброшенные колодцы и т. п. Он будет постоянно задаваться вопросом: кому все это принадлежало — грекам, римлянам, христианам или туркам — и какую роль играли данные сооружения в истории акрополя. Это могло быть чьим угодно: на самом деле, возводить и использовать одну и ту же стену или башню могли и греки, и римляне, и христиане, и турки.

Поэтому правильнее всего весь этот район было бы назвать архитектурным палимпсестом¹. С самых ранних

---

¹ П а л и м п с е с т — древняя рукопись, в которой первоначальный текст стирался и заменялся новым. (*Примеч. пер.*)

времен каждый очередной народ-победитель оставлял здесь следы своего пребывания: переименовывал существовавшее, возводил стены, разрушал дворцы, использовал их камень в качестве строительного материала для своих дворцов, а иногда всего лишь для новых ворот. В общем, каждый проводил усовершенствования согласно своему вкусу, таким образом постепенно увеличивая количество трудностей для археологов и историков, пытающихся прочесть историю камней и датировать сооружения в хронологическом порядке.

Чрезвычайно сложно идентифицировать все руины, которые мы видим на своем пути. Возможно, до того как железная дорога, подобно ядовитой змее, обвилась вокруг мыса Сераль, круша, калеча и уничтожая все на своем пути, археологи с помощью метода горизонтальной стратиграфии и могли бы детально изучить весь мыс и зарегистрировать все когда-то стоявшие там византийские церкви и другие важные здания. Но сейчас это невозможно, и мы должны довольствоваться тем малым, что смогли добавить недавние раскопки к уже открытому такими учеными, как дю Кам, Паспат, Мордтман, фон Хаммер, ван Миллинген, Герлитт и др.

С незапамятных времен красота холма Сераль вошла в поговорки, это показывает и широко известный рассказ о первых поселенцах: когда в VII веке до н. э. дорийцы из Мегары спросили Дельфийского оракула, в каком месте им лучше всего заложить новую колонию, они получили такой ответ: «Заложите ее напротив города слепых!» Не обескураженная туманным ответом группа колонистов отправилась в путь и через какое-то время пристала к фракийскому берегу Босфора, где основала город на месте древнего поселения Лигос, — Плиний о нем упоминает, нам же об этом поселении ничего не известно. Место на мысу для строительства города было выбрано по причине красивого местоположения и стратегической выгоды; вот тогда-то и получили объяснение слова оракула, и поселенцы поняли, по-

чему колония, появившаяся несколькими годами раньше на противоположном берегу, — Халкедон (современный Кадикей) — была названа «городом слепых». Они дали городу имя Византий в честь своего предводителя Бизаса; датой основания города одни ученые считают 667-й, другие — 660-й, третьи — 657 год до н. э.

Хорошо известно, что первые греческие колонисты выбирали для своих храмов и театров самые красивые места; это умение полностью проявилось в Пестуме, Таормине, Сегесте, Селенанте и Гиргенти: сначала в восторге застываешь от открывающегося вида, а потом от самого здания. В нашем случае все достаточно ясно, и мы можем позволить своему воображению, практически не боясь ошибиться, не только мысленно поместить акрополь Бизаса на место нынешнего мыса Сераль, но и украсить древний город храмами, посвященными Деметре, Афродите, Зевсу, Посейдону и Аполлону. Остатки фортификационных сооружений древних греков еще сохранились; отремонтированные и кое-где восстановленные турками, они стоят на обращенных к Мраморному морю крутых склонах холма. В 1871 году при строительстве железной дороги на самом берегу были обнаружены фрагменты стены циклопической кладки — почти наверняка это участок внешних оборонительных сооружений Византийского акрополя.

Прямо сразу за Третьими воротами Сералья, в публичном саду у Мраморного моря, стоит античная гранитная колонна, известная под названием «колонна готов». Говорят, что когда-то на ней была установлена статуя Бизаса. На самом деле на этом месте находился Малый театр Септимия Севера (193—211 гг. н. э.), а колонна была частью спины — низкой стены, посередине разделяющей амфитеатр. Те же функции, только на ипподроме, выполняли два обелиска и Змеиная колонна. В более поздние времена «колонну готов» использовали в ходе празднования побед императора Клавдия II Готского (268—270 гг. н. э.) над готами в Нисе, тогда и прижилось это название.

Но такое место просто не могло вскоре не обратить на себя внимание захватчиков — ведь бухта Золотой Рог оказалась настоящим рогом изобилия. Около 506 года до н. э. поселение было разрушено сатрапом¹ Отаном в период правления Дария Гистаспа². Но в 479 году до н. э. после знаменитой битвы при Платеях спартанец Павсаний вынудил мидян, древний народ Ирана, оставить город. В память об этом сражении была установлена всемирно известная колонна со змеями, по-прежнему находящаяся на ипподроме, или на площади Атмейдан, которая в настоящее время занимает значительную часть его территории. Три головы змей (одна сейчас находится в музее на холме Сераль) поддерживали позолоченный сосуд — благодарственную жертву храму Аполлона Дельфийского от 31 греческого города, чьи жители принимали участие в битве. Их названия, когда-то начертанные на кольцах змей, теперь совершенно исчезли.

Затем последовал весьма беспокойный период, Византия поочередно объединялась со Спартой, Родосом, Афинами. В 340 году до н. э. ее осадил Филипп II Македонский, и, хотя ситуацию спасли вовремя подоспевшие афиняне, вскоре, при Александре III Великом, она была вынуждена сдаться македонцам. В течение следующих столетий город без больших потерь побывал в руках у скифов, галлов, родосцев и вифинийцев³. С выходом на сцену римлян Византия объединилась с Песценнием Нигером против Септимия Севера, но в 196 году н. э. после трехлетней осады город был полностью разрушен. Потом Север сожалел о сделанном и построил его заново, в том числе дворцы, театр (о нем мы уже упоминали), ипподром и бани. Он дал городу новое название — Антонина. Однако городу так и не удалось возродиться в полной мере; он смог это сде-

С а т р а п — наместник провинции в Древней Персии. (*Примеч. пер.*)

² Д а р и й Г и с т а с п — персидский царь (VI в. до н. э.). (*Примеч. пер.*)

³ В и ф и н и я — историческая область в Анатолии. (*Примеч. пер.*)

лать, только став столицей Римской империи при Константине Великом; бывшая Византия 11 мая 330 года превратилась в Новый Рим. Вокруг города, по сравнению с античной Византией увеличившегося вдвое, была сложена стена, в нем были устроены форумы, возведены дворцы и бани, и вся территория поселения была поделена на 14 районов. Строительство города заканчивал Констанций II (337—361), оставили свой след и следующие императоры: Валент, Феодосий I, Аркадий, Феодосий II (он возвел стены на суше и отремонтировал морские), Марциан и Анастасий I. Вот мы и добрались до времени Юстиниана I (527—565), при котором была построена Святая София. В это же время бывшая Византия познакомилась с китайским шелком.

Строительство многочисленных стен продолжалось при Ираклии, Льве V Армянине, Михаиле III, Мануиле I Комнине и других императорах.

Город подвергался бесконечным осадам гуннов, славян, арабов, болгар и русских, но это не имеет отношения к теме нашей книги. Не будем мы здесь говорить и о Крестовых походах 1096—1097-го и 1147 годов.

К концу XII века судьба Византийской империи была решена, и в 1203 году во время Четвертого крестового похода венецианский дож Дандоло взял Константинополь приступом. Город был разграблен, сильно пострадали императорские дворцы: от всех их несметных богатств ничего не осталось. Знаменитые бронзовые кони Лисиппа по-прежнему стоят на портике собора Святого Марка в Венеции. Латинская империя просуществовала до 1261 года, когда город был захвачен Михаилом Палеологом, восстановившим Византийскую империю. Однако силы у Византии были уже не те: отбив атаки турок в 1398-м и 1422 годах, 29 мая 1453 года она сдалась Мехмеду II Победителю, а последний из восточноримских императоров Константин Драгас героически погиб во время защиты города.

Даже из такого беглого перечисления всех злоключений, выпавших на долю Константинополя до того, как

он стал столицей Османской империи, можно понять, что город поочередно переживал процессы разрушения — восстановления и что больше всего при этом страдал мыс Сераль. Несложно представить, насколько трудно, если вообще возможно, археологу классифицировать оставшиеся от различных культур развалины зданий и сооружений и определить их место в хронологии.

Стены и павильоны

Однако с историей развалин мы еще не закончили — ведь мы пока не говорили о турецких зданиях, восстановлении турками прежних построек и приспособлении их для своих нужд. Начать нам надо с подробного разговора об окружавших весь мыс, в том числе и со стороны моря, оборонительных стенах. Затем мы поговорим о воротах и павильонах и после того перейдем к Первому двору Сералья.

Захват Константинополя Мехмедом II стал вершиной экспансии турок-сельджуков на запад и их стремления перенести свою столицу в Европу.

Первый султан турок-османов Осман I¹ (1288—1326) умер вскоре после получения известия о падении Бурсы и о том, что его сын-победитель Орхан (1326—1359) сделает этот город своей столицей и, не отказываясь от начатого отцом, продолжит завоевательные походы. Этот замысел Орхан с успехом осуществил. Он не только лишил византийцев их последнего оплота в Азии, но и захватил часть Европы, таким образом дав возможность своему сыну Мураду I (1359—1389) перенести столицу во Фракию. Это было сделано после Марицкой битвы 1363 года, а спустя три года Адрианополь стал новой столицей империи. В те времена у султанов был

С у л т а н О с м а н I — называем его султаном для удобства, на самом деле он величал себя просто эмиром, как это делали правители нескольких мелких государств Малой Азии. Первым правителем, принявшим титул султана, был Орхан. (Примеч. авт.)

обычай набирать в личную охрану мальчиков, принадлежащих к покоренным народам, в частности к христианам. Позднее из этой охраны возник корпус янычар, которому было суждено сыграть такую важную и ужасную роль в дальнейшей истории империи. Почти все приписывают создание этого корпуса Орхану, однако в свете последних исследований становится ясно, что это произошло только спустя значительный срок. В период правления Баязида I, Мехмеда I и Мурада II турки продолжали завоевание стран Европы вплоть до того, как Мехмед II сам взял Константинополь. Тогда столица империи турок после почти девяностолетнего пребывания в Адрианополе была перенесена на берега Босфора.

Практически сразу Мехмед вернулся в Адрианополь, чтобы готовить нападение на Сербию. Однако до отъезда он занялся поиском в Константинополе места, подходящего для строительства дворца, — он должен был быть готов к возвращению Мехмеда. По различным причинам — из-за плохого состояния, из-за неудачного расположения — ни один из существующих дворцов ему не подходил. Подобно Риму, город был выстроен на семи холмах, и местом для своего дворца Мехмед Победитель выбрал третий холм, где прежде находился форум Тавра, или Феодосия. Научные авторитеты не пришли к единому мнению относительно того, когда строительство дворца было закончено, но, вероятнее всего, он был готов для проживания уже на следующий год, то есть в 1454 году, хотя, возможно, окончательно он был завершён только в 1457 году. Что касается того, сколько лет прожил в этом дворце султан, то мнения ученых разнятся; похоже, что около десяти лет. За это время стало понятно, что дворец не настолько велик, чтобы использовать его одновременно и как частную и как официальную резиденцию, особенно учитывая постепенное расширение недавно образованной дворцовой школы. Очень вероятно, что решающим фактором стало желание обеспечить более уединенную жизнь. В

любом случае стали искать новое место для увеличения площади дворца, где никто бы не мешал султану и где было бы несложно возвести прочные оборонительные сооружения. Идеальным местом, удовлетворявшим всем этим требованиям, все сочли Византийский акрополь на первом холме.

В 1459 году началась работа, и в 1465 году строительство нового дворца было завершено. Его называли Новый дворец, чтобы отличать его от Старого дворца. Я уже упоминал различные названия, которые в разные времена давали Новому дворцу, и говорил о путанице, возникшей в результате его неоднократных переименований.

Первым шагом для обеспечения полной уединенности стало строительство прочной внутренней стены вокруг вершины холма, место на которой и должен был занять сам дворец. Вторым шагом было возведение высокой сухопутной стены через холм к бухте Золотой Рог и оттуда к Мраморному морю — это позволило изолировать весь холм от города.

Надежная защита с моря, то есть с побережья Мраморного моря, уже существовала, поскольку вокруг холма Сераль стояла древняя византийская морская стена: она огибала южную оконечность акрополя и примыкала к великой стене Феодосия у Семибашенного замка. Морской участок этой стены, огораживающей холм Сераль, почти полностью построенный во времена Септимия Севера, был продлен до существующего ныне маяка — то есть до точки, находящейся практически на одной линии с большими двойными воротами, ведущими в Первый двор дворца Сераль, — с Воротами империи. От маяка на запад морской участок стены построил Константин Великий, а последнюю часть около Семибашенного замка — Феодосий II. Таким образом, уже в IV веке весь холм с моря был защищен прочной оборонительной стеной. При ее возведении особое внимание уделялось тому, чтобы она находилась как можно ближе к воде и чтобы волны бились о ее основание,

не давая возможности врагу там высадиться, и в то же время чтобы использовать сильные течения в качестве дополнительной защиты. Как показало время, побережье действительно было защищено, и единственной угрозой оставались землетрясения и вызванные ими штормы.

Византийские императоры следили за состоянием стены и в таких случаях обязательно ремонтировали ее; участки стены восстанавливали при Юстиниане, Льве III Исавре, Феофиле, Михаиле II и Мануиле I Комнине. Поэтому можно сделать вывод, что, когда Мехмед Победитель начал строительство нового дворца, морской участок стены был в довольно хорошем состоянии.

В 1509 году, всего лишь спустя двадцать восемь лет после его смерти, произошло землетрясение, сильно повредившее стену. Правда, Баязид II сразу же ее отремонтировал; при необходимости чинили ее и при следующих султанах.

Точка в Мраморном море, где встречались новый сухопутный участок стены, проложенный через акрополь, и древний морской участок, находилась ровно напротив собора Святой Софии. Она была почти посередине между двумя воротами (о них мы еще поговорим) — Воротами павильона рыбаков и Конюшенными.

От этой точки сухопутная стена поднимается на холм и поворачивает на восток к Воротам империи. На этом участке десять башен и только одни ворота *Kağı Kari*, более известные как *Gulhane Kari*, поскольку они ведут к больнице, носящей то же название. От Ворот империи стена продолжается до подножия холма, где она поворачивает под прямым углом у чудесного небольшого Алай-кешк, стоящего через дорогу от здания Высокой Порты, ныне почти полностью разрушенного. В период его строительства на этом участке было шесть башен, до нашего времени дошли пять, шестую снесли, чтобы сделать Ворота прохладного фонтана, которые ведут в парк Серая, сейчас открытый для публики. Говорят, что их построил султан Ибрагим около

1645 года. В 1913 году, когда Мехмед V передал парк префектуре, «благодаря» усилиям ее главы, стремившегося увеличить пропускную способность городских дорог, ворота чуть не снесли. К счастью, эти намерения удалось предотвратить, и для решения проблемы вместо этого в стороне от них были сделаны двое небольших ворот.

Однако мы должны вернуться на берег Мраморного моря и по порядку осмотреть ворота и павильоны, начиная с оконечности мыса Сераль вдоль морского побережья до Конюшенных ворот, а затем через холм и прямо до Золотого Рога, а оттуда назад к мысу Сераль.

Поскольку мы начинаем осмотр от крайней точки мыса, сначала нужно поговорить о воротах, подаривших свое название дворцу Сераль — Топкапы, или Пушечные ворота. До нашего времени не сохранилось и следов этих ворот, да и стоявшего рядом павильона тоже. Но об этом я расскажу чуть позднее. Естественно предположить, что они должны были находиться именно на таком важном месте. Однако никаких фрагментов, описаний или хотя бы названия до нас не дошло. В христианские времена здесь стояли ворота, носившие имя святой Варвары, покровительницы оружейников. У нее просили защиты и от поражения молнией. Неизвестно, где точно они находились — на крайней оконечности мыса или в другом месте, — но уже при турках Пушечные ворота располагались достаточно близко к берегу моря. Фактически с Золотого Рога видны только деревья и верхушки башен. Датой строительства Пушечных ворот может быть приблизительно названа середина XV столетия. Эти ворота отмечены на всех ранних картах, там они изображены как очень простое сооружение: обычный проем в стене без башен или каких-либо украшений. Похоже, что их имел в виду Пьер Гилль (1550), когда писал, что ворота находятся «к северу от Сералья, ближе к бухте». Не вызывает сомнения, что доктор Миллер ошибается, полагая, что Гилль в следующем пассаже своих «Древностей Константинополя»

(Лондон, 1729) говорит о Пушечных воротах: «Вторые [ворота] стоят на гребне холма. Это очень большое сооружение, перед ним сделан портик со сводчатой позолоченной крышей, оно украшено удивительными персидскими росписями; все сооружение поддерживают мраморные колонны; обращено оно в сторону Босфора». По описанию это скорее Мраморный павильон возле Пушечных ворот. Он вполне может произвести впечатление искусно сделанных ворот, особенно учитывая тот факт, что над несколькими воротами, в частности над Воротами империи, выстроены помещения весьма приличного размера.

С северо-запада от ворот стояла церковь Святого Деметрия, еще одного покровителя военного люда. Поэтому после турецкого завоевания греки иногда называли их Воротами Святого Деметрия. Из-за того что относительно города ворота находились на западе, их также называли Восточными, а на нескольких итальянских картах их именовали *Porta de isole*, так как они были обращены к Принцевым островам. В XVII веке с обеих сторон ворот было выстроено по круглой башне с коническим верхом, и они стали похожи на Центральные, ведущие во Второй двор Серая. Во времена Грело (1680) у них был портик, выходивший прямо к воде. Стоит привести его описание. После того как он достаточно подробно рассказал о «большом количестве снаряженных пушек, лежащих там на уровне воды», Грело продолжает: «Посреди множества этих огромных орудий стоят одни из четырех ворот Серая, называющиеся *Vostangi Capı*. С обеих сторон от ворот находятся две большие круглые башни с павильонами. Тень павильонам дают два высоких кипариса, растущие на берегу уже за стеной Серая. У подножия башен стоят два часовых — *Capıgı*, или привратника; без их разрешения ничего нельзя внести во дворец или вынести оттуда, а людям, не работающим во дворце, они дают его очень неохотно. Через эти ворота проходят в Сераль султанши, когда Великий синьор берет их сопровождать

его в поездке на пролив Черного моря, а такое бывает довольно часто, или когда они едут во дворец в Скутари, стоящий прямо напротив этих ворот».

Таким образом, одно время эти ворота назывались Bostanji Kapı, или Садовничьи. Это название не кажется удивительным, так как садовники в количестве 400 душ, помимо собственно работы по саду, также выполняли различные работы на побережье Мраморного моря. Руководил ими бостанджи — главный садовник; это была важная фигура, он имел большие полномочия, и поэтому его расположения искали. Все садовники были аджем-огланы — необученные юноши-иностранцы, в большинстве своем набранные для корпуса янычар. Работа в качестве стражей, садовников, гребцов, лесорубов, помощников по кухне и так далее была частью их физической подготовки к будущей военной службе и одновременно давала им возможность освоить профессию, которая пригодилась бы во время военных действий. Когда корпус янычар находился на пике своей формы, он был лучшей армией мира, более того, он считался лучшей регулярной армией Европы с римских времен. К периоду правления Сулеймана войско янычар насчитывало около 40 тысяч человек, однако вскоре былая дисциплина несколько ослабла. Когда им разрешили жениться и принимать в свои ряды сыновей, янычары начали поднимать мятежи, начались вымогательство и другие злоупотребления, напрямую угрожавшие существующей власти; со всем этим удалось справиться только при Мехмеде II, ликвидировавшем корпус янычар. Об этих проблемах мы поговорим в следующей главе. А пока «вернемся к нашим баранам».

Перед Пушечными воротами на якоре всегда стояли два императорских корабля; когда султан желал подняться вверх по Босфору, пойти к Принцевым островам или куда-то еще, садовников использовали в качестве гребцов. Сразу же за Пушечными воротами на берегу Золотого Рога стоял Мраморный павильон, возведенный, по мнению Герлитта, в 1518 году Абд-эс-Се-

ламом. Несмотря на то что точная дата строительства неизвестна, мы можем считать его самой ранней турецкой постройкой на мысу Сераль, предназначенной для различных церемоний. В альбоме А. Меллинга есть рисунок этого павильона: прямоугольное здание на арках или колоннах, с двумя рядами окон и довольно плоской крышей без купола или какого-либо другого украшения. В тексте написано, что крышу поддерживают двенадцать колонн из змеевика.

Это очень похоже на другое описание, приведенное Сюрием дю Луаром. Не упоминая никаких названий, он пишет: «У самой воды находится один из тех павильонов, которые турки называют «кешк»; он стоит на 12 великолепных мраморных колоннах, в нем прекрасный потолок [Lambris, что может означать как плоский, так и сводчатый потолок и, кроме того, отделку панелями] с росписями в персидском стиле. Великий синьор иногда приходит туда подышать воздухом и насладиться видом на бухту».

Мне не удалось выяснить, когда павильон был разрушен, но в картах Константинополя за 1840 год он все еще фигурирует. Вероятно, в период возведения Летнего дворца, то есть в 1709—1809 годы, он был сильно перестроен. Поскольку в 1862—1863 годах дворец полностью сгорел, а восемь лет спустя была проложена железная дорога, мы можем сделать вывод, что если к тому времени от павильона что-то и оставалось, то все это погибло при строительстве железной дороги.

С другой стороны мыса, на побережье Мраморного моря, недалеко от Мраморного павильона, стоял еще один, выстроенный специально для главного садовника. На рисунке Грело — в данной книге он не представлен — изображено здание с неровным фасадом, который в центре нарушен квадратной башней, напоминающей знаменитую башню Сералья, только значительно меньшего размера. Главные комнаты находились на первом этаже; с обеих сторон от башни имелось по два окна. Вся эта расположенная под горой часть мыса

Сераль подверглась большим изменениям в 1709 году, когда Ахмед III решил строить там Летний дворец. Из-за близкого соседства с Пушечными воротами его ошибочно стали называть Топкапы-Сарайи. То же продолжалось и при Махмуде I (1730—1754), а после него дворец использовался очень редко. Правда, при Абдул-Хамиде I (1774—1789) и в правление Селима III (1789—1807) его отремонтировали, и несколько зданий были завершены. Антуан Меллинг тоже отметил в своем альбоме несколько более поздних построек. Поэтому мы можем использовать его план дворца как самый точный из всех существующих.

Без сомнения, лучший отчет о Летнем дворце оставил Ф. Покервилль, посетивший его в сопровождении главного садовника-австрийца и самого господина Меллинга. Держа план Меллинга перед глазами, несложно следить за описанием Покервилля, отрывки из которого я буду приводить. Войдя на территорию дворца через Мельничные ворота (скоро я о них расскажу), они прошли в новый сад, разбитый под руководством садовника Жакоба Энсле — Жака, как называет его Покервилль. Группа проследовала берегом до Нового павильона и вошла в него со стороны сада, поднявшись по трем полукруглым ступеням.

«Вход закрывало огромное, свисавшее с крыши расписанное красками полотно, из-за него эта часть здания была похожа на шатер кочевника, где дверной проем закрывает кусок войлока. Чтобы войти внутрь, нам пришлось его отодвинуть; в павильоне меня приятно поразила элегантность внутреннего убранства. Он имеет овальную форму, в самом широком месте — от входа до окон на море — около 11 метров. Стены расписаны европейцами в виде колоннады, карнизы богато украшены рисунком и — с большим вкусом — позолотой; в промежутках между колоннами — зеркала и хорошо сохранившиеся рисунки цветов. Диван султана стоял у стены со стороны моря, но ничего примечательного в нем не было; в помещении был хрусталь-

ный фонтан для омовений, из которого текла очень чистая вода».

Пол был покрыт пестрой тканью — как говорит Меллинг, это новая мода в Серале. Террасой длиной около 15 метров и шириной примерно 4 метра они прошли на бастион, откуда открывался великолепный вид на порт и на гарем. На берегу, под Новым павильоном, стоял еще один павильон, в который можно было попасть по лестнице в саду; она же вела к небольшим железным воротам — при необходимости через них можно было быстро пройти на берег Мраморного моря. Ближе к северному концу сада находились Золотые ворота: справа от них — ворота гарема, слева — железная калитка, через которую был выход на террасу в саду. Под этой находившейся на возвышении террасой был сад большего размера, а в ее конце — галерея, называвшаяся Хасан-паша-кешк:

«Восточной стены у него нет. Потолок примечателен количеством позолоты и наличием зеркал, закрепленных на нем таким образом, что предметы отражаются в них одновременно со всех сторон». Тем не менее этот павильон пребывал в запустении, и на карнизах ласточки устроили гнезда.

Испытавший первое разочарование Покервилль вошел в гарем. Когда он прошел ворота гарема, «...огромные размеры ключа и скрежет отпираемых ворот в сочетании с уединенностью и даже сакральностью этого места вселили в наши души священный трепет. Я и сам испытывал такие же ощущения, поднявшись по старой деревянной лестнице со стертыми ступенями в гарем, и, не в силах вымолвить ни слова, разглядывал спальню его обитательниц, окна которой были забраны толстыми решетками. В нескольких метрах от первых ворот были вторые, деревянные, а между воротами находилось помещение рабынь. Это просторная галерея 90 метров длиной, 14 метров шириной и 6 метров высотой; с каждой стороны идет ряд окон; посередине, по всей длине зала, сделан двойной ряд шкафчиков — некото-

рые из них окрашены в красный, другие в синий, третьи в белый цвет — они образуют два яруса, один над другим, в них невольницы хранят свои личные вещи. У окон, отгороженные перилами метровой высоты, — небольшие уголки, где стоят диваны, — на них одалиски спят, по 15 человек в каждом уголке».

Помещение рассчитано на триста человек. В конце галереи, скрытая раздвижными дверями, находится лестница, ведущая в расположенный внизу двор. Кухни тоже здесь, в этой же части гарема. Двор ориентирован на северо-восток, там есть обращенная к морю колоннада; с противоположной стороны находятся павильоны султанш. В дальнем конце двора — жилье начальника черных евнухов и его подчиненных. Там имеется и внутренний дворик, доходящий до Мраморного павильона и Пушечных ворот. Оттуда можно пройти в покои старшей кадины и султан-валиде — матери правящего султана; «карнизы изобиловали позолотой, а стены зеркалами», но мебель в основном перевезли в новый дворец Бешикташ на Нижнем Босфоре. Красота бань произвела на Покервилля огромное впечатление. Судя по всему, они были похожи на бани дворца, где гарем проводил зиму, — о них я расскажу в одной из следующих глав.

Я уделил много внимания описанию Летнего дворца, потому что о нем сохранилось слишком мало упоминаний, а рассказ Покервилля о его посещении следует читать, держа в руках план Меллинга, — его я специально привожу в данной книге в первоначальном виде. Помимо всего прочего, без рассказа о Летнем дворце история Сераль была бы неполной.

Сейчас мы должны вернуться к морской стене и отсюда продолжить осмотр ворот и павильонов. Кроме того, я вкратце опишу недавно обнаруженные остатки зданий арсенала.

Как мы уже видели, Покервилль вошел в Летний дворец через Мельничные ворота, расположенные примерно в 300 метрах от него. Следовательно, именно с

них я и начну свой рассказ. Это небольшие, простые ворота византийского времени; их первоначальное греческое название неизвестно. При турках они служили для прохода персонала больницы, расположенной у оборонительной стены, в маленькую мечеть по соседству. Оба здания сохранились до нашего времени, однако из-за того, что железная дорога практически отрезала их от остальных построек акрополя, они лежат в руинах. Здесь также были мельница султана и пекарня, они обслуживали Сераль до 1616 года, когда Ахмед I построил новую мельницу в Первом дворе. Эти ворота назывались Больничными, или Мельничными. Хороший обзор этого участка стены, ворот и мечети имеется не только с террасы Сералья под колонной готов, но и с моря — для этого можно нанять небольшую лодку.

За Мельничными воротами, в понижении между стеной и началом акрополя, когда-то находился Кинегсион — амфитеатр, возведенный в конце II века Септимием Севером. Сначала он использовался главным образом для показа диких животных, а при последних императорах как место для казней. Таким образом, учитывая Малый театр, на крутых восточных склонах византийского акрополя их было два, подобно устроенным на южных склонах афинского Акрополя двум театрам — театру Диониса и Одеону Ирода Аттика.

Сегодня на месте Кинегсиона огород, с его южной стороны проходит железная дорога.

Следующие ворота, расположенные немного южнее, возводили явно турки, во всяком случае, в своем нынешнем виде. Однако вполне возможно, что турки построили свои ворота на месте тех, что стояли тут в византийский период, тем более что сейчас мы приближаемся к Мангане — сооруженному при императоре Константине военному арсеналу. В наши дни от византийских ворот не осталось и следа, и до недавнего времени об их местонахождении можно было только строить догадки. Но результаты раскопок 1921—1922 годов показали, что они стояли где-то совсем рядом с этими

турецкими, известными как Железные ворота. Кстати, в Серале есть еще одни с таким же названием, через них можно пройти в сады, находящиеся на западе дворцового комплекса. В своей пользующейся заслуженной известностью книге «Византийский Константинополь» Александр ван Миллинген пишет, что арсенал стоял, судя по всему, между Воротами Святой Варвары и Больничными. Это предположение он строит на основании единственного аргумента — слов Никета Хрониката (Акомината), византийского политика и хроникера, о том, что Мангана был обращен к каменистому островку у противоположного берега, на котором сейчас находится башня Леандра. В практическом смысле для нас это умозаключение бесполезно, ведь мы не имеем ни малейшего представления о том, что Никет подразумевал под словами «был обращен». Все зависит от того, в каком месте встать и в каком направлении смотреть. Башня Леандра находится не точно напротив даже самой крайней точки берега, на котором расположен Сераль, и уж тем более не напротив ворот, стоявших значительно южнее. Однако, с другой стороны, ее хорошо видно с любого места побережья вплоть до современного маяка. Любые ворота или строения в окрестностях «обращены» к башне — ведь смотревший в направлении Босфора не мог не заметить их, поскольку они выделялись на фоне берега. Никет также говорит, что (в XII веке) Мануил I Комнин возвел две башни: одну на морском утесе, а другую напротив нее, на материке, «совсем рядом с монастырем Мангана». Для защиты Босфора башни были соединены цепью.

Башня в акрополе, недалеко от Железных ворот, сохранилась до наших дней, а место, где стоял монастырь Святого Георгия, было определено в 1921 году: оно находилось немного южнее, там, где сейчас проходит железная дорога. Были обнаружены несколько цоколей зданий и большая цистерна под 16 куполами, которые поддерживали огромные, сложенные из камня колонны. Изображения птиц на сводчатой крыше соседнего

здания выдают работу византийских мастеров. Церковь и расположенный южнее монастырь были построены Константином IX Мономахом (1042—1054) и получили свои названия благодаря близости к арсеналу. Чуть к югу от монастыря стоял Арсенальный дворец, его фундаменты были обнаружены в 1921 году. Конструкция оказалась достаточно сложной — большая центральная цистерна под 30 куполами, опиравшимися на два ряда мраморных и гранитных колонн. Вероятно, необычная глубина этих фундаментов была необходима для того, чтобы высокая морская стена не мешала обзору побережья. Дворец был возведен Василием I (867—886) и снесен Исааком II Ангелом в конце XII века ради использования материала для своих построек.

Но где же находился арсенал? Определив местонахождение Арсенальной башни, монастыря и дворца и изучив карту, мы можем с уверенностью дать ответ на этот вопрос. Единственная точка, где достаточно места для имперского военного арсенала — и это совершенно не вступает в противоречие со всеми открытиями последнего времени, — площадка между башней и монастырем. Без лишних сомнений мы можем сказать, что именно там и находился Мангана; к аналогичному заключению пришел и профессор Мамбури. Такое местонахождение арсенала объясняет наличие нескольких небольших ворот византийского периода на морском участке стены возле Железных ворот.

Продолжая двигаться вдоль стены, вскоре мы заметим фрагменты фасада здания: дверной проем с окном над ним и по нише с обеих сторон от него. Это все, что осталось от церкви Спасителя, возведенной Алексеем Комнином (1081—1118). Рядом с ним, чуть южнее, — руины павильона, построенного в 1582 году Синап-пашой, великим визирем Мурада III. Европейцы всегда называли павильон Жемчужным. До наших дней дошли лишь развалины фундамента пристройки к внешней стороне здания; эта подземная часть сооружения состоит из нескольких аркад. Когда-то вода из находящегося

ся в акрополе святого источника поступала по ним за пределы дворцового комплекса, и там ее могли брать христиане греческой ортодоксальной церкви, верившие в ее способность излечивать болезни. Это был святой источник церкви Спасителя, известный как родник здоровья еще задолго до завоевания турками Константинополя. Многие авторы описывали забавные сценки, свидетелями которых они были в праздник Преображения Господня. Сам султан иногда смотрел на христиан из окна павильона, наблюдая за тем, как в целях излечения больных по шею закапывали в песок. К югу от павильона, разрушенного в 1871 году в результате строительства железной дороги, рухнул участок стены вплоть до небольших ворот (название неизвестно) — входа в просторный цокольный этаж, по которому можно было пройти под этой частью стены. Во время отлива видны шесть ворот, использовавшихся шестью различными церквями; наиболее крупными были церкви Святого Лазаря и Богоматери Одигитрии. Чуть дальше — небольшой турецкий фонтан, построенный в правление Ахмеда I. Именно поблизости от церкви Святого Лазаря были обнаружены остатки сидений для зрителей (возможно, одного из театров Септимия Севера). Поле для игры в поло (Циканистерион) тоже располагалось неподалеку, на восточной окраине Большого дворца Константина. Наконец, поблизости были и знаменитые бани Аркадия и церковь архангела Михаила. Таким образом, весь этот район действительно с полным правом можно назвать архитектурным палимпсестом! Большой прямоугольный участок между Жемчужным павильоном и стеной Второго двора Сералья на схеме Меллинга обозначен как поле для игры в джирид — метание деревянных дротиков; оно располагалось возле Новой церкви Василия Македонского. Меллинг приводит офорт, где изображен разгар игры в джирид, но не на этом поле, а на площадке лучников, около «Сладких вод Европы», в дальнем конце залива Золотой Рог. На этом и на других рисунках того времени видно, что по размеру и

форме дротики для джирид походили на обычные деревянные черенки от метел длиной около метра. При постоянной практике всадник (а тогда верхом ездили все) мог такой палкой нанести противнику по голове точный удар, влекший за собой серьезные последствия для здоровья, а иногда даже смерть. Как видно по рисункам, к важным матчам проявлялся очень большой интерес, вокруг игрового поля разбивали бесчисленное количество шатров, в числе прочих за игрой наблюдали целые толпы янычар. За счет конюхов, слуг и врачей число присутствовавших заметно возрастало, а группа из двадцати актеров поднимала всем настроение. В своей книге доктор Миллер так рассказывает об этой игре: это была шуточная битва, в которой конные всадники метали друг в друга деревянные дротики. Уже во второй половине XVI века султаны любили проводить время на ипподроме, а к 1650—1700 годам эта утеха достигла у них пика популярности. В 1826 году Махмуд II, ликвидировав корпус янычар, одновременно положил конец и этим занятиям. Представляет значительный интерес один момент, не упоминаемый доктором Миллер, — это связь, которая, судя по всему, существовала между турецкими названиями противоборствующих партий игроков в джирид и игрой, в которую играли во времена Юстиниана на старом византийском ипподроме. Тогда команды соперников назывались соответственно «синими» и «зелеными», а императоры входили в ту или иную из них.

Турки названия своих команд образовывали от названий овощей — бамии (растение с мясистыми зелеными стручками) и лаханы (разновидность капусты), соответственно команды назывались «бамияйи» и «лаханайи». Каждый султан поддерживал свою команду. Так, командой Махмуда II была «бамияйи», а Селима III — «лаханайи». С захватывающими историями борьбы «синих» и «зеленых», в том числе и ее влиянии на политику можно познакомиться в трудах Прокопия¹.

¹ П р о к о п и й Кесарийский — византийский историк V—VI веков. (Примеч. пер.)

Жемчужный павильон находится точно на полпути между Пушечными воротами и Воротами павильона рыбака, стоявшими на том месте, где морской участок стены переходит в сухопутный. Как можно понять из названия, Ворота рыбацкого павильона вели на берег моря к жилью рыбаков, состоявших на службе в Сера-ле. В книге Р. Уолша «Константинополь и семь церквей Малой Азии» приведена иллюстрация с изображением этих ворот. Здесь хорошо видны специально построенные приспособления для отлова косяков рыбы; на переднем плане — лодка, куда несколько рыбаков затащили мертвое тело: дело в том, что именно в данном месте сбрасывали в море тела государственных преступников. Трудно понять, почему именно здесь, где ловили рыбу для стола султана! Приводя цитату из статьи Абдуррахмана Шерифа-эфенди, доктор Миллер говорит об интересном обычае, связанном с этими воротами. Именно через них тайно проводили низложенного визиря или начальника черных евнухов сразу же после лишения его этого поста. В случае вынесения ему смертного приговора существовала очень необычная практика: устраивать соревнования по бегу между главным садовником дворца, выполнявшим также функции главного палача, и осужденным на смерть — в буквальном смысле гонку за жизнью или смертью. Если визирю удавалось первым добежать до Ворот рыбацкого павильона, то ему даровали жизнь и казнь заменяли ссылкой. Последним, кому таким образом удалось избежать смерти, был великий визирь Хаджи Салы-паша. Если же лишенный своего поста визирь добегал до ворот позже главного садовника, то там его и казнили, а тело выбрасывали в море.

По мнению Констанция, Ворота рыбацкого павильона и Ворота Михаила Протовестария, через которые в 913 году входил Константин Дука, стремившийся захватить власть, на самом деле одни и те же. Однако такая точка зрения не бесспорна и нуждается в серьезной аргументации.

Еще немного южнее находились Конюшенные ворота. Их античное название нам неизвестно, однако, учитывая, что поблизости от них располагались возведенные Михаилом III (842—867) мраморные конюшни, не исключено, что и в византийский период там существовали ворота с таким же названием. Поблизости, в направлении центра акрополя, находились конюшни султана, они хорошо видны на плане Меллинга. Их называли Большими конюшнями, в противоположность Малым — во Втором дворе Серая. Число содержащихся там лошадей в разные периоды было от двух до четырех тысяч. Почти все они принадлежали ученикам дворцовой школы.

Продолжая путешествие вдоль поднимающейся в гору стены, мы минуем Гюльхане-капы, проходим еще мимо семи башен и наконец добираемся до самой высокой точки — Ворот империи. Я расскажу о них в следующей главе, где мы будем говорить о Первом дворе Серая.

Двигаясь в северном направлении, вскоре мы подойдем к Главным воротам, ведущим в сады Серая. Как уже говорилось, они назывались Воротами прохладного фонтана. Их построил в середине XVII века Ибрагим, в правление Абдул-Хамида II их отремонтировали. С архитектурной точки зрения они не представляют особого интереса, их неоднократно довольно сильно перестраивали. Войдя в эти ворота и резко повернув налево, мы увидим склон, по которому можно подняться к Алай-кешк, или павильону Процессий. Поскольку Ворота прохладного фонтана находятся недалеко от этого здания, они получили второе название — Ворота процессий.

Алай-кешк стоит в крайней западной точке внешней стены Серая, там, где стена практически под прямым углом поворачивает на восток в направлении залива Золотой Рог. Мне не удалось установить точную дату постройки павильона, находившегося здесь до Алай-кешк, но, судя по всему, он был возведен в начале XVI века и

своими размерами и конструкцией напоминал существующий ныне, правда, он был круглым, а не многоугольным. Из павильона открывается великолепный вид во все стороны; напротив — дворец великого визиря, где одно время располагалась Высокая Порта. Трудно представить себе более удобное место для наблюдения за шествиями и процессиями, чем Алай-кешк. Сегодня павильон используется для различных целей: когда там был я, в нем проводилась выставка картин современных художников. О том, для каких целей было предназначено здание, высказывались различные предположения. А первоначально это было место встречи султана со свитой перед еженедельным пятничным посещением мечети. Мурад IV использовал его для своих тренировок по стрельбе из аркебузы по прохожим. Когда народ начал возмущаться таким времяпрепровождением султана, то ежедневная норма отстрела была сокращена до 10 голов в день!

В Алай-кешк проводились встречи султана с народом для решения вопросов, не терпящих отлагательства. В таких случаях просители собирались перед зданием, причем люди, придерживающиеся разных точек зрения, держались на безопасном расстоянии друг от друга. Здание сыграло свою роль и в 1655 году, во время восстания янычар, когда султан был вынужден предстать перед окном павильона и выслушать жалобы воинов. Чтобы спастись самому, ему пришлось выбросить на улицу тела задушенных начальников черных и белых евнухов; пытаясь задобрить янычар, охваченный паникой султан на следующий день отдал им тела почти всех своих главных советников.

По мнению доктора Миллер, до нынешнего Алай-кешк существовал еще один павильон с таким же названием на берегу залива Золотой Рог — «там, где сухопутные и морские стены образуют угол». Мне кажется, что она заблуждается, в чем ей невольно помогает Грело. Она не различает слова *alāi* и *yālī*, а там, где, как она считает, находился первый Алай-кешк, на всех кар-

тах отмечен Ялы-кешк (Береговой павильон). Вначале об этих словах: в современном турецком языке «процессия» — это *alai*, со словом *yali* дело обстоит несколько сложнее. В современном турецком языке это слово пишется как *yali*. Есть и другие написания: *ialy*, *iali*, *jaly*, *yalli*, *ialai*; так, у Меллинга в плане — *Iali*, а в тексте — *Yaly*. Понятно, что эти слова похожи и их легко спутать. В абзаце, посвященном Алай-кешк, доктор Миллер с заметным удивлением замечает, что на плане Меллинга павильон Процессий отсутствует и что там есть только Ялы-кешк. Я утверждаю, что на данном месте существовал единственный павильон — Ялы-кешк. Кроме того, она приводит цитаты из Грело, Хилла, дю Луара и Чисхолла, однако ни один из этих авторов даже не упоминает об Алай-кешк. На своей карте Грело отметил некий «*Alaikiosk*» — это явная опечатка, должно быть, «*Ialaikiosc*» или какая-либо другая форма написания *Yali Kiosk*. Он приводит название второго обращенного к Галате павильона — Синан-кешк. Таким образом, налицо ошибка не только в названии, но и в количестве зданий. Это подтверждают и офорты из книг Чосел-Гоффье, д'Оссона и Меллинга. Еще один автор, которому можно верить, Комидас де Карбонано, перечисляет все павильоны на мысу Сераль; он указывает, что к Галате обращены всего два павильона — Синан и Ялы. Однако о павильоне «*Alaj*» — он приводит такое написание — говорит однозначно: «Он представляет собой башню во внутренней стене дворца, находящуюся на расстоянии примерно 100 шагов от Порты, откуда Великий синьор в одиночестве наблюдает за пешими и конными шествиями и процессиями». Трудно выразиться более ясно и точно — ведь Порта, как называли Ворота империи, была всего в нескольких минутах ходьбы оттуда. Но если под «Портой» он имеет в виду расположенный через дорогу дворец великого визиря, также известный как Высокая Порта, то и в этом случае расстояние не будет большим — ведь человеку, идущему из Алай-кешк во дворец, пришлось бы прой-

ти через Ворота прохладного фонтана. Позже, когда вдоль внешней стены дворцового комплекса мы доберемся до павильона Ялы, я скажу о нем еще несколько слов. За Алай-кешк стена тянется на восток, в направлении Золотого Рога. До Железных ворот встречаются еще двое небольших ворот, заслуживающих краткого упоминания. Первые названы в честь великого визиря Соколлы, вторые известны как Ворота султана Сулеймана. Последними в течение тринадцати лет пользовался Ибрагим — великий визирь Сулеймана, когда ходил к султану. Он был задушен по приказу Роксоланы.

Вскоре, приблизившись к концу стены, мы видим Железные ворота — мощное строение с бойницами наверху. За ними стена разрушена, и пройти дальше невозможно, так как путь преграждает современная стена, за которой находятся различные сооружения, принадлежащие железной дороге. Второе название Железных ворот — Садовничьи: причина та же, что и второго названия Пушечных ворот, — они вели в сады Сералья и использовались главным образом садовниками. Кроме того, через них проходили посещавшие султана послы иностранных государств. Сначала они плыли по морю до Перы, потом вместе с сопровождающими их лицами добирались до Ворот империи, а оттуда — до Центральных, ведущих во Второй двор Сералья.

Там, где сходятся сухопутный и морской участки стены, стояли Ворота Ялы-кешк. Они находились в непосредственной близости от Ворот Евгения, церкви Святого Павла и башни Евгения или на том же месте, что и эти сооружения. Ворота Ялы-кешк выходили прямо на берег моря к одноименному павильону. По дошедшим до нас гравюрам и описаниям павильон Ялы был низким, напоминавшим шатер восьмиугольным зданием из белого мрамора с множеством (некоторые авторы называют цифру 50) мраморных колонн, ступени которого спускались к воде. Относительно даты его постройки нет единого мнения. Одни считают, что его выстроил в 1589 году Синан-паша — великий визирь Мурада III,

который, как мы уже говорили, возвел Жемчужный павильон. Другие относят его к периоду правления Сулеймана Великолепного (1520—1566). В любом случае мы можем считать его постройкой XVI века, предназначенной для церемониальных целей: из этого павильона султан мог проводить смотры флота, там он мог принимать своих адмиралов и т. п.

Рассказывая о своей поездке в Константинополь в 1610 году, Джордж Сэндис приводит следующее описание павильона: «Это роскошный летний домик; из него есть тайный проход в Сераль, и там он [султан] часто проводит время в уединении, наблюдая за тем, что происходит в гавани, оттуда отплывает в чудесные места соседней Азии».

На следующей странице Сэндис изобразил увенчанный куполом шестиугольный павильон. Здание имеет 11 больших арок и лестницы, немного не достигающие до воды. Никаких признаков павильона Синан-аги, который тогда уже должен был бы существовать, не видно. Более полное описание Ялы-кешк приводит в своем дневнике Антуан Галлан, выдержки из него цитирует и доктор Миллер. Вот что практически в это же время пишет Галлан: «И все эти украшения в павильоне Султанш [то есть в павильоне Синан-аги] — это ничто по сравнению с большим залом в другом павильоне [то есть Ялы-кешк]. Ни одно существующее на свете здание не может сравниться с ним по благородству и великолепию — и мрамор, и колонны, и искусственные водоемы, и величественные гобелены, и окружающие павильон галереи, и прекрасные виды, открывающиеся здесь со всех сторон, и позолоченная лепнина на потолке заставляют подумать о волшебстве».

Он предпринял безуспешную попытку «сделать набросок здания».

Немногим более чем через столетие Карбонано (1794) описал его так: «На небольшом расстоянии от предыдущего [от павильона Синан-аги] стоит пятый павильон; он сделан в форме шатра, его очень украшают колонны,

окружающие здание со всех сторон, сверху его венчает красивый купол. Считается, что его тоже построил Сулейман I. Султан приходит туда без свиты в первый день Байрама и Курбан-байрама¹, при выступлении в поход или возвращении войска капитан-паши, при рождении принцев или принцесс королевской крови, особенно когда по случаю праздника в ночное время устраивают фейерверки на море».

Описание Меллинга аналогично этому, а используемые им иллюстрации напоминают те, что приводят Сэндис и Грело. Как писал Констанций, это сооружение было разрушено в 1861 году.

Неподалеку от Ялы-кешк находится павильон Синан-аги. Он был построен в XVI веке главным образом для султанш — оттуда в летнее время они могли наблюдать за судами, проходившими по Золотому Рогу и вверх по Босфору.

И вновь мы можем обратиться к Грело: «Первый из этих павильонов предназначался для женщин, которых у него много. Этот павильон выше, чем другие, а проход в него из Сералья устроен так, чтобы ни входящих в него, ни выходящих не было видно. По всей длине здания идут арки, внутри него три светлые комнаты, в каждой несколько украшенных позолотой альковов с диванами. На них лежат матрацы и подушки из дорогих тканей, в том числе из парчи. Диваны стоят у забранных решетками окон, сделанных таким образом, что через них женщины могут видеть все, а снаружи их самих при этом не видно, — дело в том, что если женщину увидит посторонний, то это может окончиться печально как для нее, так и для заметившего ее».

Комидас де Карбонано говорит, что павильон опирается на восемь арок, а сверху его венчает купол.

Б а й р а м и Р а м а д а н — два больших праздника; первый отмечают по окончании месяца поста Рамадан, второй — 10-го числа, 10-е зу-ль-хиджа, последнего по мусульманскому лунному календарю месяца; это день жертвоприношения, когда приносят в жертву барашка в память о счастливом избавлении Исмаила от гибели. (Примеч. пер.)

Мне не удалось найти никакой информации относительно даты разрушения павильона. Довольно близко от него находились эллинги Сералья, где стояли богато украшенные золотом и затейливой резьбой корабли султана.

Между павильоном Синан-аги и эллингами был еще один павильон, он стоял не у самой воды, а на окружавшей дворец стене, которая в этом месте довольно далеко от залива. Это был павильон Корзинщиков, использовавшийся главным образом для подачи сигналов кораблям. В 1643 году по приказу султана Ибрагима его расширили; он отмечен на карте Стэнфорда в путеводителе Мюррея 1907 года, однако еще в 1895 году Гросвенор писал, что он стоит «почерневший и неописуемо грязный, не сохранивший ни следа бывшего изящества и утонченности, ни воспоминания о той важной роли, которую он когда-то играл».

Название павильона требует пояснения. Турецкое слово «sepet» обозначает корзину, предназначенную для торговцев — для хранения овощей, фруктов и других товаров. Их плетут из широких удлиненных листьев пальмы. Возможно, у стен павильона было постоянное место торговцев корзинами, благодаря чему он и получил такое название. Также есть сообщения, что сам султан Ибрагим увлекался плетением корзин и соответственно оказывал покровительство цеху корзинщиков, даровал им различные привилегии. Ремесленники были ему очень благодарны, и, когда в 1643 году султан перестраивал павильон, они обратились к нему с нижайшей просьбой позволить им частично оплатить расходы на ремонт. Именно поэтому здание и получило такое название.

До Пушечных ворот, к которым мы сейчас приближаемся от исходной точки нашего путешествия вдоль стены, есть еще одно строение, о котором стоит упомянуть. Это небольшие Дровяные ворота. Они стоят рядом с северо-восточным концом эллингов. Название говорит о том, что через них привозили в Сераль дрова: для бань, кухонь и обогрева помещений их требовалось

огромное количество. Дрова заготавливали частично в Белградском лесу, простиравшемся до Черного моря, частично на побережье Средиземного моря. Когда мы будем говорить о Первом дворе, мы узнаем, где находился дровяной склад; согласно Тавернье, «там было сложено примерно 40 тысяч повозок дров, причем каждую такую повозку могли везти только два быка». По словам Уайта, через эти ворота выносили, чтобы выбросить в море, тела казненных во дворце.

Дальше нам предстоит пройти мимо маленького колодца и батареи, после чего мы наконец окажемся у Пущечных ворот.

До того как начать разговор о Первом дворе, следует сказать о двух павильонах Внешнего дворца, не имеющих никакого отношения к стене — о Чинили-кешк и Гюльхане-кешк. Из всех павильонов Серая Чинили-кешк, или Изразцовый павильон, представляет, вероятно, наибольший интерес, причем не только с точки зрения археологии и собственно изразцов, но и потому, что это единственное сохранившееся здание, точно датированное правлением Мехмеда II. Оно находится на территории Серая со стороны Золотого Рога и входит в музейный комплекс. Проще всего пройти к нему через Ворота прохладного фонтана, за которыми следует повернуть направо и затем подняться вверх по склону. В таком случае вы увидите его по левую руку, а обращено оно будет на восток. Чуть дальше, если идти правее, вы выйдете к Первому двору Серая прямо у пня, оставшегося от знаменитого дерева янычар. Прекрасные рисунки и планы этого павильона можно найти в замечательной работе Герлитта «Die Baukunst Konstantinopels». В плане Чинили-кешк представляет собой греческий равноконечный крест, в концах которого имеется по залу, увенчанному куполом с парусами; северное крыло заканчивается шестиугольной апсидой. Снаружи вдоль всего здания идет красивый портик с 14 колоннами, на них опирается отделанный изразцами архитрав с каменным карнизом сверху, в карнизе

сквозной орнамент из звезд. С восточной стороны павильона к портику, находящемуся там на высоте около 2,5 метра над землей, можно подняться по центральной лестнице в два пролета. Под портиком расположены кладовые, куда можно попасть прямо от центрального входа. В павильоне два этажа, каждый с двойным рядом окон.

Уже само это здание представляет собой уникальное собрание турецких изразцов первого периода, и, несмотря на то что сейчас там устроен Музей керамики и стекла, в первую очередь павильон следует рассматривать именно с такой точки зрения.

Директор дворцового комплекса Ташин Чукру провел специальное исследование турецких изразцов; в одной из наших с ним бесед он сослался на свою статью в «Трудах общества восточной керамики» (1934). Мы вернемся к ней при описании некоторых помещений гарема и селямлика, а сейчас я ограничусь собственными комментариями об изразцах Чинили-кешк.

В Турции производство изразцов зародилось в XV веке, в XVI оно достигло расцвета, а в первой половине XVIII века умерло. Постройки Константинополя и Бурсы могут проиллюстрировать все эти этапы, а изучение и сравнение мечетей, тюрбе, медресе и павильонов в этих городах — столь же интересное и познавательное занятие, как приятное и доступное. История производства изразцов в Турции делится на три периода: первый — с начала XV века до первой половины XVI; второй заканчивается в начале XVIII века, он характеризуется постепенным угасанием и окончательным умиранием ремесла. В 1725 году была предпринята попытка возродить производство, и в Текфур-Серае была открыта новая фабрика, выпускавшая расписанные узорами изразцы, — это и был третий период. Однако новые изделия сильно уступали ранним.

Изразцы Чинили-кешк относятся к первому периоду, их форма и орнаменты явно позаимствованы в Бурсе, где ими отделаны знаменитая Зеленая мечеть Ешил-

ками и Зеленое тюрбе Мехмеда I. Основные цвета изразцов — зеленый, бирюзовый и темно-синий; форма — квадратная, прямоугольная, шестиугольная и треугольная. Надписи из изразцов представлены двумя видами: выполненные в технике мозаики и выложенные квадратными плитками. В обоих случаях надписи сделаны, как правило, белым или желтым по синему фону, орнаментальные узоры в промежутках между ними — бирюзовые, желтые цвета золота и зеленые, в окаймляющих их бордюрах присутствуют также белый, черный и темно-синий цвета. Изразцы использовались как для внутренней, так и для наружной отделки зданий. Подобно мозаике из стекла, керамическими изразцами инкрустировали камень.

В отделке павильона Чинили присутствуют все виды изразцов первого периода. Ташин Чукру описывает их так: «Сначала мы подходим к надписи из изразцов над дверным проемом, датирующей 877 годом хиджры (1473 г. н. э.); панель, на которой сделана надпись, выложена мозаикой. Фраза с обеих сторон этого арочного проема — «Tevekkeltu-alallah» («Мы полагаемся на волю Аллаха») — выполнена в виде геометрического узора квадратными изразцами светло-бирюзового и белого цветов. Поверхность над дверным проемом и фон надписей — из белых и голубых изразцов со звездообразными узорами. Слово «Аллах» выписано и среди цветочных орнаментов на изразцовом бордюре, опоясывающем аркаду. Декоративное оформление с обеих сторон фасада одинаковое. В комнатах павильона прекрасная отделка из изразцов синего, голубого и белого цветов шестиугольной, квадратной, треугольной и прямоугольной формы».

Изразцы первого периода можно увидеть также в мечети Чекирдже в Бурсе (около бань, о которых мы поговорим в одной из следующих глав), в мечети Чинили в Изнике, мечети Победителя, тюрбе Мехмед-паши, мечети Селима и нескольких тюрбе при ней, в медресе Хасеки и тюрбе Мехмеда, сына Сулеймана, в Константинополе.

Об изразцах второго периода я расскажу в главах, посвященных гарему и селямлику. В завершение этой главы мне остается только сказать о павильоне Гюльхане-кешк, находившемся на территории Серая со стороны Мраморного моря за пределами южной части стены Второго двора и соседствовавшего с кухнями. Он не претендует или, правильнее, не претендовал (поскольку в настоящее время он снесен) на особую красоту и известен только благодаря тому, что он стал местом Hatti Sherif — великого плана проведения национальной реформы, подготовленной в 1839 году Абдул-Меджидом. В этом документе говорилось, что постепенный упадок империи в течение предыдущих ста пятидесяти лет происходил из-за пренебрежения правосудием и соблюдением законов; что, опираясь на помощь Всемогущего и заступничество Пророка, посредством создания новых органов султан стремится сделать так, чтобы все провинции хорошо управлялись. Он гарантировал защиту жизни и имущества всех граждан, единую и справедливую систему налогообложения, единый подход к воинской повинности и несению военной службы. Остается только сожалеть, что инерция и предубежденность не дали максимально полно использовать все возможности, предоставлявшиеся такой благородной и честной попыткой вернуть славные дни Сулеймана Великолепного.

Свое название павильон (gul — роза) получил благодаря тому факту, что здесь под личным контролем главного кондитера готовили сладости из розовых лепестков для гарема.

Глава 3

ПЕРВЫЙ ДВОР

На вершине холма Сераль, в центре наземного участка стены, находятся Ворота империи, через которые можно сразу же попасть в Первый двор — европейцы часто называют его Двором янычар. Ворота империи — это мощное сооружение в виде триумфальной арки из полированного белого мрамора с расстоянием от входа до выхода из нее около 14 метров. Когда-то ворота были двухэтажными с двумя рядами окон вдоль всего фасада; сегодня от них остался лишь выщербленный мраморный парапет — точно такой же, как окружающие пруд в Четвертом дворе и внутренний дворик Клетки. Во времена Грело верхний этаж венчали «четыре маленькие круглые башни, похожие на небольшие круглые дымоходы; они имели чисто декоративные функции и служили обозначением входа во дворец султана». В следующем столетии число башенок сократилось до двух, а на рисунке Фоссати (к нему я еще вернусь) они вообще исчезли.

С каждой стороны двухарочного портала были сделаны ниши в форме митры — там выставляли головы казненных — важных сановников. Над внутренней аркой имелось клеймо строителя и позолоченное изречение, приписываемое якобы Мехмеду II: «Всевышний сделает славу строителя вечной; Всевышний сделает его творение прочным, Всевышний укрепит его фундаменты».

В дневное время ворота сторожили 50 привратников, ночью охрана усиливалась за счет янычар «в маленьких

передвижных деревянных домиков на колесах, у них были дозорные, которые замечали все, поэтому в случае необходимости они могли разбудить тех, кто спал».

Первый двор был общедоступным, в него пускали всех независимо от общественного положения и вероисповедания. Двор имеет неправильную форму — вероятно, это связано с особенностями ландшафта и с тем, что там находится церковь Святой Ирины. Поэтому если вы хотите попасть в центр двора, то, пройдя через Ворота империи, вам следует все время держаться левой стороны.

По правой стороне двора располагались больница, пекарня султана и водопроводная станция; по левой — огромный дровяной клад, церковь Святой Ирины (она во все времена оставалась христианской), монетный двор султана, казна, дворцовые склады и два павильона для работавших во внешней службе. В середине, чуть левее от центра двора, находится фонтан, из которого поили лошадей, знаменитое дерево янычар, а около Центральных ворот — два «камня назиданий», на которых время от времени выставляли головы казненных, и Фонтан палача, где главный палач и его помощник мыли испачканные кровью руки.

На всех присутствовавших во дворе распространялось одно строгое правило: все должны были соблюдать тишину. Пожалуй, не было ни одного путешественника, который не отметил бы необычную тишину во всех дворах, причем в каждом следующем дворе было тише, чем в предыдущем. В Третьем дворе тишина достигала максимума: там было «тихо, как в могиле». В 1551 году Николаи писал: «Несмотря на то что людей, прибывающих туда отовсюду, очень много, там поддерживается такая тишина, что не слышно даже кашля».

А около 1700 года Турнефо рассказывал: «В Первый двор Сераля может войти каждый... там стоит такая тишина, что можно услышать, как летит муха. Если кто-то чуть повысит голос или проявит другое неуважение к резиденции султана, он сразу же получит удар палкой

от одного из наблюдающих там за порядком офицеров. Кажется, что даже лошади понимают, где они находятся; нет сомнений, что их учат ступать там тише, чем на улицах».

От знаменитого платана, под которым янычары так часто переворачивали свои котелки в знак начала восстания и на ветвях которого многие из них были повешены, сейчас остался только установленный на каменной подставке пень — на самом деле это лишь часть огромного полого ствола, торчавшего из земли еще несколько лет назад. В 1895 году это было живое дерево с огромными раскидистыми ветвями; в своем «Константинополе» Гросвенор приводит его фотографию.

Двор, за исключением выложенных булыжником дорожек, ведущих к различным воротам и входам в здания, не был замощен. Важные персоны — иностранные послы и некоторые чиновники внутренней службы — могли въезжать во двор верхом, однако перед Центральными воротами все должны были спешиваться.

Прежде чем дать пояснения к офорту Меллинга, хочу еще раз процитировать Бона (1604—1607): «Царящий там порядок — это невозможно обойти молчанием — делает Сераль очень степенным и исполненным достоинства. Во-первых, вы входите во дворец через величественное сооружение — огромные ворота с просторной колоннадой внизу; их охраняют около 50 мужчин, вооруженных аркебузами, ятаганами и луками со стрелами. Пройдя через эти ворота, в которые пашам и другим важным персонам разрешено въезжать верхом, выходишь на большой двор длиной в четверть итальянской мили и примерно такой же в ширину; по левую сторону — отдельно стоящая колоннада, предназначенная для защиты слуг и лошадей от дождя. Справа от входа во двор находится больница, обслуживающая весь Сераль; больница обеспечена всем необходимым. Ее возглавляет евнух, к услугам пациентов различные специалисты. Напротив нее, чуть левее — большая площадка, где хранится запас древесины, а также различные повозки и

другие изделия для нужд дворца. Над ней находится огромный зал — это склад старинного оружия и амуниции: шлемов, кольчуг, аркебуз и дротиков. Их раздают янычарам, служащим арсенала и прочим при встрече въезжающих в Константинополь султана или великого визиря».

На выполненном Меллингом офорте Первого двора нет ни Ворот империи, ни больницы, ни дровяного склада. А вот на рисунке Фоссати, выполненном около 1852 года, они присутствуют.

Меллинг представляет нам картину повседневной жизни двора; фигуры людей он наносит на рисунок с тем, чтобы показать, какие службы существовали во дворце, как одевались их представители и каких обычаев придерживались в Серале. Так, около всадников — вероятно, важных персон — мы видим суесящихся слуг. Судя по всему, Меллинг изобразил час аудиенций у султана, о положении каждого из советников говорит многочисленность свиты. При подъезде к Центральным воротам советники спешиваются; пока господа решают в Диване различные вопросы, слуги занимаются лошадьми, прилагая все усилия к тому, чтобы животные не производили шума. На переднем плане в центре двое слуг несут в больницу занедужившего. Тевено (1687) писал, что больных перевозили «в небольших закрытых повозках, которые тащили два человека; повстречавшись с такой каретой, все, даже Великий синьор, делали шаг назад, уступая ей дорогу». Больницей руководил начальник белых евнухов; носильщиками, уборщиками и тому подобное тоже были белые евнухи. Эта больница предназначалась исключительно для пажей дворцовой школы, а больница на Мраморном море — для всех работавших во внешней службе.

Работа больницы, вероятно, была организована превосходно. Ж.Б. Тавернье рассказывает, что пажи старались попасть туда под любым предлогом: «Они пребывают там десять или двенадцать дней. С утра до позднего вечера их услаждают музыкой и пением — от-

вратительными, на мой взгляд. Там им разрешено пить вино, что не позволено ни в каком другом месте, — именно это привлекает их туда значительно больше, чем музыка».

Кроме того, в больницу нередко тайно проносили вино в бурдюках — это было средством сделать евнухов сговорчивее, поэтому там безнаказанно процветали некоторые пороки, которые были немыслимы в самом Серале.

На рисунке Меллинга мы видим двух янычар, шествующих со стороны больницы. На плечах они несут шест с котелком — подробнее об этом я расскажу позже. Перед ними идет нижний чин с черпаком.

На офорте изображены различные слуги, работающие в Серале: один движется вдоль стены пекарни султана с подносом на голове, заставленном блюдами, закрытыми крышками (вероятно, несет в больницу горячие булочки); другие — в войлочных шляпах конической формы — заняты более прозаическими делами.

Как мы знаем, мельница и пекарня султана находились на побережье Мраморного моря около Мельничных ворот и активно использовались вплоть до 1616 года, когда Ахмед I выстроил новую пекарню в Первом дворе. К качеству хлеба предъявлялись такие высокие требования, что даже во времена нехватки продовольствия не принималось никаких оправданий, если он был не должного качества. По словам Бона, пекли несколько видов хлеба: чисто белый — для султана, султанш, пашей и других важных сановников; хлеб хорошего качества — для всех, занимавших во дворце среднее положение; черный хлеб — для аджем-огланов. «Для султана, — пишет он, — и для султанш хлеб пекут из особой муки, привозимой из Бурсы, — ее делают из зерна, выращиваемого в провинции Вифиния, — патримонической территории Османской империи. Ежегодно там собирают от 7 до 8 тысяч килограммов зерна, из которого на мельницах Бурсы получают муку отличного качества. Что касается хлеба для всех прочих,

то зерно для него поступает из Греции, где расположены полученные по наследству усадьбы правящего султана. Там же выращивают зерно для армии, и в Негропонте из него изготавливают сухие хлебцы. Часть этого зерна продают рагусанам, приезжающим за ним с необходимыми документами. Из всего выращенного в Греции хлеба 36—40 тонн ежегодно привозят в Константинополь для нужд Серая. Неудивительно, что Порта потребляла такое большое количество зерна, ведь сверх положенного все официальные жены султана, паши, высокопоставленные сановники и некоторые другие категории обитателей дворца ежедневно дополнительно получали из чилиера — личного амбара султана: султанши — по 20, паши — по 10, муфтии — по 8 и так далее вплоть до 1 хлеба на человека, в зависимости от распоряжения великого визиря. Каждый хлеб размером с хорошую лепешку, мягкий и пышный».

На противоположной стороне видны купола монетного двора — это единственное здание Первого двора (не считая церкви Святой Ирины — на рисунке Меллинга она отсутствует), сохранившееся до наших дней. Незадолго до 1695 года монетный двор был переведен сюда с Третьего холма. На монетном дворе стоял павильон золотых дел мастеров и ювелиров-оправщиков — там изготавливали все украшения для помещений гарема и селямлика, а также ювелирные украшения для кадин. В архивах Серая его директор Ташин Чукру недавно обнаружил книгу со списком мастеров, работавших на монетном дворе в 1536 году с указанием их жалованья. Всего мастеров было 580, в том числе:

- 58 ювелиров;
- 4 волочильщика серебряной нити;
- 9 граверов;
- 5 чеканщиков по золоту;
- 8 мастеров по изготовлению щитов;
- 22 мастера по изготовлению сабель из дамасской стали;
- 4 шелкоткача;

- 16 белошвеек;
- 12 гончаров и мастеров по изготовлению изразцов;
- 22 мастера по изготовлению рельефных украшений интерьеров;
- 3 мастера по янтарю;
- 14 резчиков по дереву, камню и т. д.;
- 18 мастеров-сабельников;
- 18 мастеров по изготовлению ножей;
- 19 медников;
- 16 оружейников;
- 11 мастеров по изготовлению музыкальных инструментов;
- 15 драпировщиков;
- 3 перчаточника.

Образцы их работы представлены не только в музее Серая, их инкрустациями и мозаикой украшены переходы, стены, мебель, потолки и полы как гарема, так и селямлика.

Нам осталось поговорить о водопроводной станции, снабжавшей водой весь дворец. Она находится в дальнем правом углу двора, скрытая от взгляда высокой стеной. Подойти к ней можно из Второго двора через маленькую дверь в углу около кухонь. Дверь выходит на склон под основной стеной, у его подножия — два колодца: один круглый, другой овальный. Оба соединены с основным колодцем, расположенным в 50 шагах от них. Водопроводная станция — это работа великого Синана; вероятно, она была построена в то же время, что и кухни. Колодцем, над которым возвели новый кирпичный павильон, по-прежнему активно пользуются, воду из него качает насос. Если пройти мимо электронасоса, то в следующем помещении мы увидим колодец диаметром около 6 метров. Это мощное сооружение. Через зеркало воды перекинут узкий железный мостик, на стенах колодца на некотором расстоянии одна от другой висят электрические лампочки, позволяющие хорошо рассмотреть данный образец архитектуры XVI века.

Как уже говорилось, Первый двор часто называли Двором янычар, причем это название ему дано не случайно. Дело в том, что корпус янычар на протяжении всей своей истории был неразрывно связан с Сералем.

Именно поэтому следует остановиться на истории возникновения и развития этого первого турецкого регулярного военного формирования, особенно учитывая открытия последнего времени, опровергнувшие многие традиционные представления. Но старая романтическая легенда о происхождении, названии и одежде янычар настолько хороша, что прежде, чем окончательно опровергнуть ее, все же стоит с ней познакомиться.

По известной легенде, из числа пленных султан Орхан отобрал юношей-христиан и отправил их получать благословение жившего недалеко от Амасьи знаменитого дервиша Хаджи Бекташа.

Встав перед шеренгами христиан, он простер рукав своего халата над головой выступившего вперед юноши и такими словами благословил молодых людей: «Да будут они наречены янычарами [*yeni çerî*, или новые солдаты]! Пусть их лица всегда будут светлыми, рука разящей, а сабля острой! Пусть их копья всегда будут занесены над головой врагов! В какие бы земли они ни отправились, пусть они всегда возвращаются с белым лицом!»

И когда этот святой человек, благословляя, поднял руку, широкий рукав его халата опустился, образовав двойную складку; в память о посвящении такую же двойную складку, как на рукаве халата, с тех пор стали делать на шапках янычар. Как бы то ни было на самом деле, головной убор янычар действительно был весьма необычным.

На этой легенде следует остановиться подробнее. Во-первых, она появилась только во второй половине XVI века, то есть через два столетия после описываемых в ней событий. Во-вторых, имя конкретного султана — Орхана — было выбрано явно случайно. Хотя в легенде отдается предпочтение именно ему, правившие до и после него соответственно Осман I и Мурад I с Мурадом II тоже

были причастны к созданию войска янычар. Вполне естественно сделать вывод о том, что формирование этого корпуса требовало времени и что каждый следующий султан совершенствовал или реформировал его в соответствии с собственными воззрениями.

Этот вопрос глубоко изучил покойный Ф.У. Хаслак, убедительно доказавший в своей книге «Христианство и ислам при султанах» (Оксфорд, 1929), что создание корпуса янычар следует датировать 1472 годом, а совсем не правлением Орхана или даже Мурада II.

Вот какие факты позволили ему сделать такой вывод. Отличительной чертой корпуса янычар была система набора рекрутов из числа проживавших в империи детей-христиан, которых насильственно обращали в мусульманскую веру и специально готовили к службе. И хотя на это ссылаются авторы XVII века, например Эвлия, у авторов XIV и XV веков, писавших о янычарах, — таких известных и наблюдательных путешественников, как Ибн-Батута, Шильбергер и Бертрандон де ла Брокери, — отсутствуют какие-либо упоминания о подобных систематических наборах детей христиан. Следовательно, не без основания напрашивается предположение, что султаны раннего периода, в соответствии с законами магометанства имевшие право на пятую часть захваченных в бою пленных и добычи, формировали эти элитные войска, своего рода личную охрану, из числа купленных рабов или пленных, которые, естественно, в основном были христианами.

После кончины Орхана корпус янычар был реорганизован, а входившие в него пленные были вынуждены принять магометанскую веру и пройти серьезную военную подготовку. Входивших в этот корпус византийские историки XV века Халкондил и Дука называют «портой», подразумевая, что они охраняли ворота султана¹. Позднее их стали называть «рабами ворот».

---

¹ По мнению Хаслака, именно по ассоциации с воротами — *janiua* — появилось используемое на Западе слово «янычары». (Примеч. пер.)

Кажется очевидным, что в XV веке христианскому населению империи еще не было вменено в обязанность периодически выделять определенное число детей для службы у султана, иначе греческие историки обязательно упомянули бы об этом. Кроме того, в 1472 году другой историк, Киппико, также писал, что значительную часть корпуса янычар составляли пленные из числа той положенной султану пятой части. Возвращаясь к связи Хаджи Бекташа с янычарами, мы придерживаемся мнения, что первоначально этот дервиш был всего лишь религиозным лидером одного из племен, которого «захватила» и приняла в свои ряды секта хуруфи, со временем начавшая проповедовать последователям Хаджи Бекташа свои собственные доктрины от его имени. По мере того как сила секты росла, этот бывший племенной святой становился все более уважаемым, вокруг его имени стало рождаться все больше легенд. Вскоре секта взяла под свое крыло все войско янычар, и Хаджи Бекташ стал его покровителем, что в 1591 году было признано официально. Незадолго до этого и появилась история о благословении святым войска янычар. Эта легенда не только не принята, наоборот, историки того времени, причем в их числе и один земляк Хаджи Бекташа, весьма энергично опровергали ее. Следовательно, учитывая изложенные факты, мы должны рассматривать каноническую легенду о Хаджи Бекташе, Орхане и первых янычарах просто как вымысел. В то же время она никоим образом не влияет на последующую историю корпуса, его обычаи и общую организацию.

Кандидатов в янычары набирали во всех покоренных странах, но в основном в Албании, Боснии и Болгарии. Их немедленно начинали обучать; большинство из них становилось аджем-огланами: чтобы подготовить молодых людей к любой ситуации, требующей большой выносливости, их заставляли заниматься самым тяжелым физическим трудом; немногих специально отобранных юношей направляли в дворцовую школу, где они проходили полный курс обучения. Затем их назначали ко-

мандующими какими-нибудь пограничными гарнизонами и в зависимости от необходимости переводили из одной провинции в другую.

Сначала правила в корпусе были очень строгими: послушание, отсутствие распрей, отказ от любых излишеств, запрет на женитьбу и поддержание любых родственных связей, а также соблюдение всех религиозных заповедей Хаджи Бекташа. Янычары не имели права заниматься торговлей, были обязаны соблюдать определенные правила в одежде и туалете, им запрещалось покидать свои бараки, в мирное время они не получали никакой платы, а оружие — только во время военных действий. Рацион их был скуден, что быстро привело к отступлению от некоторых правил. Мы с вами еще убедимся, что с течением времени появились заметные послабления дисциплины. В 1551 году Н. Николаи пишет, что янычары вооружены «мечами, свисающим с пояса кинжалом и небольшим топориком, кроме того, у них есть длинные аркебузы, с которыми они великолепно управляют». Янычарам не разрешалось носить бороды, но, «чтобы выглядеть более свирепыми и кровожадными, они отпускали очень длинные усы». Они носили кафтаны темно-синего цвета; те последователи Бекташа, которые уже достигли солидного возраста, украшали свои головные уборы огромным плюмажем из перьев райских птиц, спадавшим по спине почти до колен. Николаи это отлично иллюстрирует; кроме того, приводит рисунок аги (главного командира) янычар: весьма живописны его расшитая куртка, длинные свисающие рукава и большой тюрбан. По цвету обуви можно сразу же определить ранг ее владельца: красная, желтая и черная — от старшего к младшему.

Названия всех офицерских должностей имели отношение к кулинарии. Так, ага был известен как чорбаджи-баши — главный раздатчик супа, за ним по старшинству следовал ашчи-баши — главный повар, потом — сакка-баши — главный водонос. Знамя янычар украшал огромный казан (котелок) — о нем следует

поговорить подробнее. Трудно сказать точно, когда эти котелки стали играть такую важную роль в истории корпуса. Однако кажется очевидным, что это произошло спустя довольно много времени после его образования. Сначала это было своего рода данью уважения, и только позднее, когда войско начало выходить из-под контроля, котелки стали предметом устрашения, символом восстания и кровопролития. А в сущности, это были обычные небольшие сосуды с крышкой, предназначенные для еды.

Согласно традиции, первые из них были сделаны по подобию котелков дервишей Бекташа и подарены перед нападением на Константинополь (1453) Мехмедом II различным *одам* (*Ода* — буквально «дом», «палата», в более широком смысле — «жилье»; в Серале так называли прислужников в гареме; в армии — бараки и, наконец, воинское подразделение: *окак*, ранее *оджаг* — «очаг»; к нему близко по значению *орта* — «центр», «середина»). Если прежде каждому приходилось добывать себе пропитание самостоятельно, то с этого времени каждая *ода* была обязана иметь начальника кухни, который и обеспечивал всех *янычар* хлебом, солью, рисом и жиром. Отсюда появился обычай приносить клятву верности на хлебе и соли. У каждой *оды* был общий большой медный котел, котелок обычного размера предназначался для двадцати человек. Несмотря на то что, как показано на офорте Меллинга, большую ложку для приготовления и раздачи еды носил отдельно от общего котелка один из младших чинов, у всех *янычар* были собственные ложки, которыми ели из обычных котелков; эти ложки они носили в специальном медном чехле, пришитом к передней части головного убора.

Постепенно котелок стал символом воинской доблести; когда *янычары* находились в лагере, их, подобно нашим барабанам, складывали перед шатром *аги*, в походе посменно несли *рекруты*, а потеря котелка в бою надолго покрывала позором всю *оду*. Большой полковой медный котел несли старшие *янычары*, и его утра-

та считалась таким позором, что смыть его можно было, только совершив какой-то беспримерный подвиг. В мирное время каждую пятницу после полуденной молитвы янычары собирались во Втором дворе, чтобы вкушать еду. Султан, ожидавший окончания трапезы в павильоне между Диваном и Воротами блаженства, с тревогой наблюдал за тем, как она проходила. Если разносившие котелки янычары отправлялись на кухни за рисом по обычному сигналу, все было хорошо. Но если они не покидали строя и переворачивали котелки вверх дном, это означало недовольство и, возможно, даже начало восстания. Действия, которые в таком случае предпринимал султан, зависели от справедливости претензий янычар и его собственной способности пресечь неповиновение и бунт. Часто расправа бывала быстрой и ужасной: султан призывал к себе бостанджи, зачинщиков и разносчиков котелков хватали, и вскоре перед Центральными воротами вырастала груда отрубленных голов.

С другой стороны, начиная с XVII века янычары приобрели необычайный вес, и по их воле лишились трона или были убиты не менее шести султанов. Как же возникло такое положение? Первое войско янычар, состоявшее из пленных христиан, очень быстро осознало, что султан стал их новым отцом и что их настоящее и будущее целиком находятся в его власти. До тех пор пока он водил их в бой и сохранял присущую первым султанам воинственность, в корпусе поддерживался высокий боевой дух, и янычары были самым лучшим регулярным воинским соединением Европы. Но когда султаны сменили поле боя на гарем, строгость правил ослабла, прежний боевой настрой войска был забыт, и очень быстро нарушения и злоупотребления всякого рода превратили эту великолепно организованную гвардию в бич и позор Османской империи. К моменту вступления на трон Мурада III (1574) численность корпуса не превышала двадцати тысяч; на середину его правления пришлось первые отступления от установ-

ленных правил, а к концу столетия янычар было уже более сорока восьми тысяч. Это произошло из-за ряда причин. Так, в оды стали набирать не только христиан, но и соотечественников-мусульман, имевших родственные связи на территории империи, рекруты-мусульмане больше не воспринимали султана как отца родного. Длительные периоды мира способствовали появлению в среде янычар, давших обет безбрачия, всевозможных грехов и пороков. Почувствовав, что их сила растет, янычары стали обзаводиться семьями, приобретая таким образом немыслимую прежде независимость. Если они испытывали недостаток в деньгах или еде, им не составляло труда устроить поджог, что, естественно, приводило к большому пожару. Подсчитано, что в правление Ахмеда III (1703—1730) произошло не менее ста сорока таких пожаров. Женатым янычарам было разрешено жить вне бараков. Вскоре в корпус начали принимать не только их детей, но также друзей и родственников. Поэтому через некоторое время процент совершенно непрофессиональных, а часто и просто аморальных мужчин сильно вырос, и в начале XIX века численность корпуса достигла небывалой цифры — более ста тридцати тысяч человек. Попытки Селима III организовать новое войско окончились провалом; Байракдар-паша в этом смысле был более удачлив, но в 1806 году и это войско пришлось разгонять. Покончить с янычарами раз и навсегда выпало на долю Махмуда II (1808—1839). Эту победу нельзя назвать внезапной и незапланированной — ведь ему она досталась после долгой тщательной подготовки, которой он посвятил не менее шестнадцати лет.

Махмуду II уже пришлось лицезреть все ужасы восстания янычар: он видел город в огне, слышал стоны умирающих, крики женщин и детей. Вопреки уверенности янычар в своей силе и безнаказанности, это не остановило султана, а, наоборот, вселило в его душу мысль о необходимости навсегда ликвидировать корпус янычар, он не переставал планировать соответствующие реформы в ар-

мии. Одни подразделения он осыпал почестями и деньгами, а другие, доставлявшие большие беспокойства, вскоре нашли вечный покой в Босфоре. Властные полномочия пашей отдаленных гарнизонов резко сократились, и таким образом янычары лишились помощи своих союзников в провинции. Численность нового регулярного войска, состоявшего из солдат — эшкенджи, постоянно увеличивалась, туда перешли многие офицеры-янычары, что приводило к возникновению взаимного недоверия в рядах од. К 1826 году у Махмуда II все было подготовлено. Правительство спровоцировало восстание, янычары прошли строем до площади Атмейдан, там перевернули, как обычно перед началом бунта, свои котелки. Обнаружив, что их ага переметнулся на сторону правительства, они напали на его дворец и учинили насилие над остатками его гарема. Потом настал черед Порты: они жгли архив, ломали все, что только попадалось под руку, но не ведали, что их конец так близок. Побережье охранялось, Сераль был полон вооруженных садовников, а в город входила новая армия.

Было развернуто священное знамя пророка и объявлено о виновности корпуса янычар и его роспуске. От шейх-уль-ислама была получена фетва с благословением дальнейших действий, и наступление на мятежников началось. Те сами облегчили новой армии задачу: после погромов стали возвращаться на Атмейдан, и вскоре янычары заполнили все улицы, ведущие к площади. Тут прозвучали первые выстрелы, а после залпов картечи на узких, запруженных людьми улицах началось нечто невообразимое: те, кому удалось уцелеть под огнем артиллерии и избежать удара саблей, были заживо сожжены в своих бараках. Но Махмуд этим не удовлетворился: янычар, укрывшихся в своих домах и бежавших из города, преследовали и топили в Босфоре. Всего их погибло более 25 тысяч, на этом история корпуса янычар была закончена.

Прежде чем мы покинем Первый двор, давайте подробно рассмотрим офорт Меллинга (ил. 4). На ней

изображена часть большой процессии, двигающейся в праздник Байрам из Первого двора Серая к одной из расположенных за его пределами мечетей — Святой Софии или Ахмеда. Процессия как раз выходит из Ворот империи и направляется мимо великолепного фонтана Ахмеда III к площади Атмейдан к обеим мечетям.

На офорте Ворота империи изображены еще до того, как был снесен их верхний этаж, и, хотя по законам перспективы их главный вход кажется меньше, чем на самом деле, в целом массивность сооружения и важная роль здания автором, безусловно, переданы.

С правой стороны стена двора достигает берега Мраморного моря, где у Конюшенных ворот смыкается со стеной у моря. Конические крыши двух башен уже давно отсутствуют, а в остальном стена и расположенный напротив нее фонтан Ахмеда III выглядят сейчас точно так же, как и раньше.

Следует отметить, что художник поступил весьма разумно: несколько характерных фигур он извлек из процессии и поместил на передний план, с тем чтобы нам было проще рассмотреть их платье.

Слева под деревом мы видим пашу на коне; он окружен слугами: одни освобождают перед ним путь, другие следуют рядом с ним.

На переднем плане перед его конем стоит офицер янычар — это сегбан-баши, занимающий положение на ступень ниже аги. На нем праздничный кафтан с необычно приподнятыми эполетами причудливой формы. Справа от него — вставшая на дыбы лошадь с богатой сбруей, красивой попоной и стремянами подо всю ступню. Ее пытается сдержать балтаджилер — алебардщик внешней службы; о ней мы поговорим в следующей главе, посвященной Второму двору.

Обращает на себя внимание забавный головной убор алебардщика в форме свисающего на спину широкой частью колпака, среди участников процессии мы видим балтаджилеров в таких же головных уборах. Кроме всего прочего алебардщики выполняли также функции те-

лохранителей, двигаясь пешком бок о бок с конем или экипажем. Обычно они носили алебарды, однако на данной гравюре это оружие мы видим в руках у пейков, чьей обязанностью было бежать перед султаном и при необходимости выполнять роль посыльных. Пейки были подразделением алебардщиков; их костюм тоже представляет интерес — ведь он был целиком, без изменений заимствован у византийского двора.

Меллинг поместил пейка на переднем плане, почти в центре картины. Его высокую шапку в виде усеченного конуса венчают три пера. Рядом с ним справа стоит человек в островерхом головном уборе — это тоже балтаджилер, только из подразделения зюлюфлы.

Правее этой пары стоят два янычара. Меллинг расположил их таким образом, что мы можем внимательно рассмотреть головные уборы, о которых уже упоминалось. Несложно заметить, что эти янычары стоят по краю процессии.

Рядом с янычарами — капычи в огромном головном уборе из белых перьев. Помимо обязанностей привратников, в военное время капычи сопровождали султана и охраняли его шатер. Мы видим Селима III будто в окружении массы белых перьев — это головные уборы многочисленных капычи.

Перед султаном едет на коне великий визирь, а перед ним — другие высокие сановники. Непосредственно за султаном — оруженосец — сылыхдар, а следом за ним — начальник черных евнухов, кызлар-ага.

Хотя другие высокопоставленные слуги: чокадар — хранитель гардеробной султана и шарабдар — виночерпий на гравюре отсутствуют, они тоже должны быть где-то в свите.

Глава 4

ВТОРОЙ ДВОР, ИЛИ ДВОР ДИВАНА

Из-за строгого соблюдения тех правил, о которых шла речь в предыдущей главе, все, что мы видели до сих пор, было частично открыто для доступа. Сами работники внутренней службы никогда не считали Первый двор частью собственно дворца, и соответственно вели нумерацию дворов начиная от ворот, ведущих во двор Дивана, а не от Ворот империи. Однако, как мы узнаем через некоторое время, существовало много других, более важных законов и правил, не оставлявших сомнения в том, что порогом в жилище его величества были именно Центральные ворота и что по этой причине к ним надо было относиться с подобающим почтением.

Двор Дивана отделен от Внешнего дворца прочной стеной, известной под названием Внутренней стены, посередине которой находятся Центральные ворота. Благодаря характерной средневековой архитектуре они сразу же обращают на себя внимание и возбуждают острое желание побольше узнать об их истории и том значении, которое они имели для Сераля.

Несмотря на то что точную дату их строительства назвать невозможно, есть основания предполагать, что они были одной из составных частей дворца Мехмеда II в том виде, в каком он существовал изначально. Безусловно, время от времени его ремонтировали и что-то меняли. Так, одна из сохранившихся железных дверей датируется 931 годом хиджры, то есть 1524—1525 годами от Рождества Христова, однако по виду, конструкции, материа-

ду и местоположению обе створки идентичны. Две мощные восьмиугольные башни с многочисленными бойницами и коническими крышами, напоминающими щипцы для снятия нагара со свечи, располагались по обе стороны от небольшого надвратного помещения, над которым возвышалась зубчатая стена. Верх зубцов наклонный, с обоих концов он украшен небольшим орнаментом; за зубцами скрыт идущий вдоль стены проход — попасть туда можно по каменной лестнице, находящейся с обратной стороны каждой башни; этот проход достаточно широк, и в случае необходимости там можно разместить даже пушку. Ворота охранялись отрядом привратников из 50 человек, постоянно дежуривших по обе стороны ворот. Если доверять сообщениям путешественников и историков, численность охраны оставалась неизменной в течение по крайней мере трех столетий. В обязанности привратников, в частности, входило поддержание абсолютной тишины и наблюдение за тем, чтобы конюхи или слуги приехавших на аудиенцию должным образом смотрели за конями своих хозяев, пока те отсутствовали. Ведь, как говорилось выше, даже тем немногим высокопоставленным сановникам внутренней службы и послам, прибывшим с визитом, — единственным, кому разрешалось въезжать через Ворота империи в Первый двор верхом, — приходилось спешиваться и дальше идти пешком. Знание того, что посетителя ждет продолжительная церемония, начинавшаяся сразу после того, как нога визитера переступала порог дворца, не уменьшало ореола таинственности, ощущавшегося уже у Центральных ворот, а отнюдь не редкое зрелище выноса за ворота отрубленных голов вселяло беспокойство, если не малодушный страх.

Тем не менее ворота по-прежнему были местом встречи посетителей, и поэтому прежде они назывались Бабель-селям, или Воротами приветствий. Давайте войдем внутрь и осмотрим их. Пройдя через внешний портик — вдоль него по обе стороны сделаны ниши с местами для сидения, — увидим двойную железную дверь, украшенную рельефным орнаментом, а над ней тугру — печать

империи; еще выше надпись с исламским символом веры: «La ilaha illa-llahu, Muhammad rasul allahi» («Нет Бога кроме Бога [Аллаха], Мухаммед — апостол Бога»). Мы сразу же оказываемся в прихожей длиной около 4,5 метра и шириной примерно 6 метров, по стенам которой развешено оружие, не представляющее особой ценности, насколько я понимаю, висевшие здесь прежде редкие образцы в настоящее время хранятся в Музее оружия, расположенном в церкви Святой Ирины в Первом дворе.

Сейчас в прихожей продают открытки и находится камера хранения фотоаппаратов и прочих вещей, которые не разрешено проносить в Сераль. По обе стороны — темные узкие проходы, ведущие в небольшие комнатки. Расположенные справа в два раза больше тех, что с левой стороны. Это объясняется тем, что число колонн у внутренней двери, через которую можно пройти в зал Дивана, неравномерно: с одной стороны пять, а с другой только три.

В более просторных комнатах справа иностранные послы и другие важные посетители дожидались аудиенции. Говорят, часто они проводили там часы, а иногда и дни, чтобы впечатлиться могуществом султана. Однако к концу XVIII века посланникам иностранных держав стали оказывать больше уважения, и, как мы увидим позже, посла провожали сразу к Центральным воротам, где предлагали передохнуть в приемной, пока чауш-баши (главный распорядитель по ходатайствам и прошениям) пройдет в Диван и доложит о прибытии гостя. В то же время наличие небольшой умывальной с туалетом делало вполне возможным даже его кратковременное проживание там.

Слева расположены помещения привратников и комната главного палача. Они очень небольшие, поскольку фактически это одна, поделенная на части большая комната. Под всеми ними находилась подземная тюрьма с темницами для несчастных, вызвавших недовольство султана. Из маленьких тюремных камер в одной из башен, куда их обычно сначала отправляли, переводили в подземную тюрьму, затем в комнату палача.

Если казнили высокопоставленных сановников, то их головы насаживали на железные пики, выставленные в ряд над воротами с внешней стороны; на солнце головы постепенно чернели. Если ранг казненных был ниже паши, тогда головы складывали на всеобщее обозрение в нишах по обе стороны от главного входа — Ворот империи. Во всех случаях на стену рядом с головой вешали яфту — свиток в форме конуса, в котором крупными буквами было записано имя нарушителя закона и совершенное им преступление, с тем чтобы «это служило назидающим другим». Она оставалась на стене долго, словно длилось испытание: яфта или отрубленная голова смогут дольше противостоять превратностям климата, до тех пор пока какой-нибудь безутешный родственник не подкупит главного привратника и тот не уберет и то и другое.

От этого мрачного входа мы направимся к двору Дивана и окажемся под навесом у входа в здание, поддерживаемым десятью колоннами: восемь спереди и по одной с каждой стороны. Все, за исключением одной гранитной, из мрамора; они образуют центральную часть колоннады, с четырех сторон охватывающей практически весь двор. Описывая этот навес примерно в 1550 году, Пьер Жиль говорил: «Крыша гордо блестит золотом, она изукрашена самыми богатыми и яркими красками персидской работы». Вероятно, все это поддерживалось в отличном состоянии и постоянно ремонтировалось, поскольку всего лишь столетие спустя мисс Джулия Парду тоже восхищалась красотой навеса: «Крыша имеет заостренную форму, она увенчана сияющим на солнце полумесяцем; нижняя часть крыши решетчатая, она сделана из золоченых балок, пространство между ними ярко-голубое, все это очень напоминает пластину бирюзы. Под ногами — пол, великолепно выложенный мозаикой в шахматную клетку: судя по всему, он был задуман как отражение крыши. Пол сделан из необычных камней, связанных приготовленным особым образом раствором, — создается впечатление (по крайней мере, в том виде, в каком это находится сейчас), что для со-

единения фрагментов мозаики было использовано расплавленное золото».

Однако с тех пор многое изменилось к худшему, и в наши дни состояние этого памятника, «украшенного» современной турецкой настенной живописью, достойно сожаления.

От того места, где мы стоим, отходят четыре дорожки, окаймленные живой изгородью, кипарисами и платанами; они ведут в различные уголки двора. Здесь царит атмосфера покоя и безмятежности — судя по воспоминаниям путешественников, за долгие века это осталось неизменным. Оттавиано Бон писал: «Следующий двор по размеру несколько меньше первого, но он значительно красивее его. Тут множество изящных фонтанов, вдоль дорожек растут очень высокие кипарисы, а на лужайках пасутся газели».

Фонтанов давно нет, за исключением одного сильно разрушенного (см. план, поз. 2), газели пропали, но очарование двора сохранилось, и воспоминания о прошлом по-прежнему населяют двор тысячами призраков, которые своей безмолвностью могут соперничать с внутренней охраной эпохи могущественного Сулеймана Великолепного.

Согласно большинству современных оценок, размеры двора составляют примерно 140 метров в длину и 115 метров в самой широкой его части. Как понятно из названия — двор Дивана, — основным зданием здесь было здание Дивана, где четыре раза в неделю собирался государственный совет для отправления правосудия, приема посетителей и для решения различных как гражданских, так и религиозных вопросов. Таким образом, он объединял две ветви государственной власти — институт правления и институт мусульманства. Чуть позже мы вернемся к Дивану и более подробно опишем здание, а также расскажем о проходивших там церемониях.

Несмотря на то что вся правая сторона двора занята кухнями, он был, кроме всего прочего, местом, где проводились церемонии, и в течение своей долгой исто-

рии неоднократно являлся свидетелем важных военных, гражданских и религиозных событий. Начало войны, оценка действий султана, обрезание его сыновей и замужество его дочерей, трапеза по случаю Байрама, прием иностранных послов — все это превращали в повод для искусно организованного впечатляющего «шоу», продолжавшегося в отдельных случаях в течение многих недель.

Здесь, и только здесь, в единственном месте в Серале, правительство пользовалось большей властью, чем гарем (по крайней мере, внешне); пышность придворного церемониала, великолепие и разнообразие нарядов, блеск бриллиантов на тюрбанах и оружии, развевающиеся перья страусов на плюмажах и необычные головные уборы, молчаливое и чуть ли не мрачное из-за двойного ряда янычар окружение процессии — все это было призвано продемонстрировать иностранцам могущество султана, мощь и величие Османской империи.

Насколько можно определить, и местоположение и основные архитектурные особенности здания Дивана не изменились с момента строительства дворца. Он стоит на левой стороне двора, и выдающаяся правая часть «нарушает» длинную колоннаду. Здание состояло из прямоугольного зала, разделенного арочной перегородкой на две практически квадратные комнаты равного размера, каждую из которых увенчивал купол. Та, что слева, была залом заседаний Дивана, вторая предназначалась для работы с различными документами Дивана — для их подготовки, изучения и хранения. Справа находилась третья комната, немного меньшая по размерам, она использовалась главным образом в качестве личного кабинета великого визиря. Ее тоже увенчивал купол; из нее имелся отдельный выход под портик. Судя по описаниям путешественников, декоративное убранство комнаты поражало великолепием, обилием золота и драгоценных камней.

Пожар 1574 года сильно повредил Диван, и, хотя Мурад III, а после него — Селим III, восстанавливая здание, постарались вернуть ему прежний вид, можно с уверенностью сказать, что по богатству отделки оно уступало

Дивану времен Сулеймана Великолепного. То же самое относится и к башне Дивана, острый шпиль которой виден из-за здания; после пожара ее восстановили и неоднократно ремонтировали. Однако в целом ее форма и местоположение остались неизменными, поэтому на гравюре 1493 года мы ее легко узнаем. Закрытый коваными железными воротами портик с чрезмерно украшенной крышей подчеркивает важность и солидность здания Дивана.

Сегодня внутреннее убранство комнат привлекает своей простотой: обычная панельная обшивка с барочными орнаментами в стиле Людовика XV легко датируется 1725—1730 годами. По периметру комнат стоят диваны; стены обшиты панелями до того места, где начинается свод.

На парусах свода еще сохранились следы настенной росписи. Особый интерес в зале заседаний Дивана представляет небольшое зарешеченное окно над креслом великого визиря, как раз напротив двери. Прежде оно находилось на одном уровне со стеной и поэтому было не очень заметно, а сейчас выдается подобно окну эркера и декорировано так же, как весь зал, — в стиле Людовика XV.

Первые султаны всегда лично присутствовали на заседаниях Дивана, однако Сулейман положил конец этой практике и повелел сделать это окошко, к которому он мог подойти незамеченным; таким образом, члены совета никогда не знали, присутствует он на заседании или нет. По этой причине заседания проходили всегда так, как будто на них присутствует султан. В то же время отказ от прежней традиции был ошибкой, которая, по мнению историков, в конечном итоге привела к падению Османской империи. В наши дни эффективность окошка по-прежнему высока, и я лично могу это засвидетельствовать: однажды случилось так, что, сидя возле него, я смотрел вниз в зал заседаний. В какой-то момент туда зашла группа туристов, и гид начал рассказывать им об истории и назначении зала. Глядя на

окошко, никто из них и не догадывался, что за ним кто-то находится, — то есть что оно фактически выполняет свое первоначальное предназначение.

Чтобы получить правильное представление о Диване, нужно обязательно знать, как проходили его заседания. Как мы уже говорили, совет собирался регулярно — четыре раза в неделю: по субботам, воскресеньям, понедельникам и вторникам, а с начала XVIII века только по вторникам. Прием иностранных послов назначался обычно на воскресенье или вторник, повседневная деятельность двора в эти дни сводилась к минимуму. Более того, прием послов старались приурочить к дню выплаты жалованья янычарам — чтобы поразить иностранцев еще одной церемонией.

О заседаниях Дивана до нас дошло немало воспоминаний очевидцев, в частности фон Хаммера, д'Оссона, Меллинга и других; судя по всему, с течением времени заседания становились все продолжительнее и помпезнее. Для подтверждения давайте сравним относящийся к началу XVII века рассказ венецианского байло Оттавиано Бона о рядовом заседании совета и сделанное Меллингом в конце XVIII века непосредственно перед тем, как Диван был распущен, описание приема иностранного посла.

Читая эти отчеты, особенно Меллинга, следует помнить, что открытые заседания Дивана проводили в здании (см. план, поз. 23), примыкающем к башне Дивана (поз. 22), а прием послов — в Арзодасы (обычно его называют Тронным залом), или зале представлений (поз. 96), находящемся в Третьем дворе, сразу же за Воротами блаженства. Однако поскольку некоторые церемонии, предшествовавшие приему, проходили в Диване, а последующие — перед Воротами блаженства во Втором дворе, то фактически в церемонии приема были задействованы оба двора. В течение многих лет султан вообще не появлялся в Диване, лишь изредка он скрывался за окном эркера, куда приходил узнать, как идут дела, и взглянуть на посла, оставаясь при этом скрытым от всех.

Описание Ворот блаженства и расположенного с обеих сторон от них квартала белых евнухов будет приведено ниже.

Оба рассказа, и Бона и Меллинга, важны — ведь это описания очевидцев. Вот что Бон писал о днях открытых заседаний Дивана: «Зал, называемый Публичным Диваном, сооружен сравнительно недавно. Это квадратное помещение размером 8 на 8 шагов, спереди к нему примыкает еще одна комната, а в углу, справа от входа, — другая. Вторая комната — вход в здание — отделена от зала Дивана угловой пилястрой. Недалеко от этой двери стоят два небольших деревянных домика, предназначенные для отдыха сановников, а чуть дальше — еще один, для деловых переговоров. Этот Диван называется Публичным, потому что люди любого сословия и положения могли там собираться и публично, независимо от их общественного положения, требовать справедливого суда по каким угодно делам. Диван собирался четыре дня в неделю, которая у них заканчивается в пятницу (пятница у них праздничный день), то есть по субботам, воскресеньям, понедельникам и вторникам.

[В состав Дивана входят:] великий визирь и другие визири-паши, два главных кади — греческий и анатолийский, три дефтердары — что-то вроде римских квесторов, их обязанности заключаются в сборе султанских налогов и выплате жалованья милиции и прочим государственным служащим Порты, нисанджи — главный казначей, запечатывающий все приказы и письма печатью султана, секретари всех пашей и других высокопоставленных сановников, а также множество нотариусов, постоянно ожидающих поручений у дверей Дивана, чиаус-паша — церемониймейстер с серебряным жезлом и его многочисленные подчиненные — так называемые чиаусы, которые встречают, сопровождают депутации, выполняют функции охранников и т. п. Диван собирается на рассвете.

Войдя в зал, паши садятся рядом друг с другом на прикрепленную к стене скамью напротив входа, на ее

правую сторону. Относительно места великого визиря эта скамья находится ниже.

На левой стороне той же скамьи сидят два кади лешиеры — сначала греческий (дело в том, что Греция считается более важной провинцией), а затем анатолийский. У самого входа справа — места трех дефтердары, а за ними в уже упомянутой комнате на полу с карандашами и бумагой в руках расположились нотариусы, в любой момент готовые сделать все необходимые записи. Напротив дефтердары, в другой части зала, тоже несколько выше относительно этой скамьи, в окружении своих помощников с карандашом в руке сидит нисанджи-паша. В центре зала стоят желающие получить аудиенцию.

Заняв места, сановники начинают выслушивать собравшихся просителей; у последних нет адвокатов, они привыкли разбираться со своими проблемами самостоятельно. Просители излагают их непосредственно великому визирю; при желании он сам может решить любой вопрос — дело в том, что ни один из пашей не имеет права по собственной инициативе высказывать свое мнение и должен ждать, пока главный визирь не задаст ему вопрос или не выберет в судьи. Последнее случается довольно часто: после того как великий визирь понял суть дела, он самоустранивается от дальнейшего разбирательства. Так, если дело относится к категории гражданских, он передает его на рассмотрение кади лешиеры, если оно связано с какими-либо денежными вопросами — дефтердары, если речь идет о клевете (это бывает достаточно часто) — то нисанджи и т. д. Таким образом он избавляется от одного дела за другим и оставляет себе только те, что имеют особую важность или международное значение.

Все заняты решением таких вопросов до полудня, когда наступает час обеда. В полдень великий визирь отдает одному из слуг приказ подавать еду. Сразу же всех посетителей выпроваживают из зала и устанавливают столы в таком порядке: один — перед великим визирем, несколько — перед пашами, которые едят вме-

сте; всем кади, дефтердары и нисанджи тоже приносят столы. Затем слуги расстилают на коленях обедающих салфетки, чтобы те не испачкали одежду, потом дают каждому по деревянному подносу с разными сортами хлеба, причем весь хлеб свежий и вкусный, после чего подают мясо. Слуги приносят поочередно один сорт мяса за другим на большом блюде — тапсы, которое устанавливают в середине деревянного подноса. Когда одно блюдо опустошается, его заменяют новым. Обычно на обед подают баранину, мясо птиц — цесарки, голубя, гуся и кур, рисовый суп и блюда из овощей, а на десерт — разнообразные печенья и пирожные; все это съедается с огромным удовольствием. Все прочие участники заседания обедают перед этим столом, все, что им может потребоваться, приносят с кухни. Пашам и прочим высокопоставленным лицам дают питье только один раз — это шербет в больших фарфоровых чашах, поставленных на фарфоровые же тарелки или на тарелки из кожи с отделкой золотом. Остальным питья вообще не предлагают; если же они испытывают жажду, то им приносят воду из ближайших фонтанов. В то время, когда Диван трапезничает, обедают и все другие чиновники и военные, всего не менее 500 человек; им подают только хлеб и сорбу — суп. После завершения трапезы великий визирь возвращается к делам — советуется с пашами по тем вопросам, которые он считает важными, дает указания и готовится к докладу султану. Обычно отчет о рассматривавшихся на заседаниях Дивана вопросах он делает его величеству по воскресеньям и вторникам. Чтобы выслушать визиря, султан предоставляет ему аудиенцию.

Султан, тоже пообедав, приходит из своих апартаментов в Тронный зал. Заняв свое место, он велит капыджилер-киясы [главному гофмейстеру] с длинным серебряным жезлом в руке позвать к нему сначала кади лешиеры; те встают и, поклонившись великому визирю, следуя за упомянутыми выше капыджилером и чиауспашой с серебряными жезлами, проходят к султану,

чтобы отчитаться перед ним о положении дел во введенных им провинциях.

По завершении отчета султан их отпускает, и они сразу же направляются к себе домой. Следующим на аудиенцию приглашают дефтердары. После такого же церемониала он информирует султана об успехах своего ведомства и затем отбывает. За ним наконец наступает очередь пашей, они идут друг за другом. Когда султан находится в Тронном зале, все присутствующие сидят молча, скрестив руки и склонив голову, говорит только один великий визирь. Он излагает суть рассмотренных вопросов в той последовательности, какую считает необходимой, при этом он показывает соответствующие прошения. Затем, сложив бумаги в темно-красный шелковый мешок, он с огромным почтением кладет его рядом с султаном. Если у того нет к визирю вопросов (остальные паши хранят молчание), то все сановники уходят, за Вторыми воротами садятся на коней и в сопровождении своей свиты разъезжаются по собственным сералям. На этот день заседание Дивана закончено, что по времени может соответствовать часу, когда восходит вечерняя звезда».

Далее Бон повествует о том, что происходит, «когда послы коронованных особ подходят целовать халат султана», — тогда весь двор заполнен спагами, янычарами и прочими военными: богатые одежды, нарядные тюрбаны, разноцветные плюмажи и сверкающие драгоценные камни представляют собой великолепное зрелище.

Для сравнения давайте посмотрим, как Меллинг описывает аналогичную сцену в начале XIX века. Рассказав, как посла со всеми надлежащими почестями проводят к Центральным воротам во Втором дворе Серая, и остановившись на значении янычарского пилафа¹, Меллинг коротко говорит о церемониале, предваряющем аудиенцию у султана.

Как только великому визирю сообщают о прибытии посла, султану с большими церемониями подается пись-

---

П и л а ф — плов. (Примеч. пер.)

менное прошение об аудиенции. Получив на него ответ, великий визирь прикладывает его к губам и ко лбу, ломает печать, читает текст и кладет документ за пазуху. Затем посла кормят обедом.

После обеда следует прием, и вот что пишет о нем Меллинг: «Посла в сопровождении его свиты, а также главного переводчика и церемониймейстеров Порты проводят во дворик под галереей между залом Дивана и Тронными воротами. Там главный церемониймейстер надевает на него соболью шубу. Высокопоставленным лицам из его свиты дают шубы попроще — из керека и каффетана, подбитые горностаем. Тем временем великий визирь переходит из зала Дивана в Тронный. Вскоре туда проводят посла с 12 или 15 основными членами его свиты; каждого опекают 2 капыджи-баши, гофмейстера. По обеим сторонам галереи, ведущей в Тронный зал, выстроились слуги и белые евнухи. Красота и пышность отделки этого зала намного превосходят важность проводящихся в нем церемоний, однако это не кажется чем-то чрезмерным, ведь этикет позволяет приближаться к трону его высочества лишь очень немногим. Трон стоит у одной из стен зала; чтобы сделать его столь богатым, восточная роскошь превзошла самое себя.

Трон напоминает античное ложе; отделка золотом и прекрасным жемчугом только подчеркивает великолепие лежащего на нем богатого покрывала; колонны сделаны из позолоченного серебра. Великий синьор сидит на троне в халате для церемоний, похожем на одеяние древних татар; его тюрбан увенчан эгретом с бриллиантами; ноги султана в желтых туфлях опираются на скамеечку. Справа от трона занимают место великий визирь и первый адмирал, слева — главные черный и белый евнухи. Все, включая посла, стоят. Посол, подойдя к трону, обращается с речью к его высочеству. Главный переводчик Порты повторяет его слова на турецком языке; после того как посол закончит свою речь, великий визирь от имени Великого синьора говорит ответное слово, его переводят

послу. Затем последний берет из рук своего секретаря верительные грамоты и передает их мир-алему [главному хранителю знамени, начальнику гофмейстеров], а тот — первому адмиралу. Офицер вручает их великому визирю, и он кладет их на трон. Сразу после этого аудиенция заканчивается, и посол со свитой отбывают. В Первом дворе он и его сопровождающие садятся на коней и, выстроившись вдоль одной из сторон двора, наблюдают за тем, как мимо них маршируют янычары и проходит весь османский двор. Непосредственно за этим посол тем же порядком, как приехал, возвращается в свой дворец в Пере».

На гравюре Меллинга видно, что еду на трапезу в Диване приносят не из основных кухонь, расположенных на правой стороне двора, а из личной кухни султана или же из находящейся слева, специально построенной для Дивана. Хотя основные кухни вполне могли справиться с приготовлением пищи для большого количества людей, многие султаны предпочитали иметь рядом собственные. Поэтому неудивительно, что в Серале столько кухонь. Например, одна была около входа в гарем, а ту, в левой стороне двора, о которой мы говорили, вероятно, возвели специально по желанию султана. Однако она занимала лишь малую часть длинного строения слева, а оставшаяся служила жильем для работников, приписанных к высоким государственным сановникам.

К зданию Дивана примыкает ичхазын — личная казна султана; в настоящее время там Музей оружия. Это одна из самых старых построек Серая, возведенных, как говорят, еще Мехмедом II. Восемь куполов этого сооружения, покоящихся на трех мощных квадратных в сечении столбах, и типичные своды второй половины XV — начала XVI века без труда позволяют определить подлинность данной постройки. В связи с организацией там Музея оружия в здании были произведены незначительные переделки, в частности в дальнем углу, у главного входа в гарем; судя по всему, все остальное осталось в первоначальном виде. Здесь хранились день-

ги, предназначенные для нужд Дивана, в том числе средства для выплаты жалованья янычарам. Эти деньги — собранные в провинциях налоги — привозили в казначейство в мешках и держали в подвалах. По свидетельству О. Бона, где-то там хранился и гардероб султана. При чтении его записей, складывается впечатление, что казна султана и его гардероб были рядом: «Это два прекрасных здания, в цокольном этаже и в подвалах там устроены отдельные комнаты — достаточно просторные для того, чтобы разместить большое количество вещей, и, благодаря значительной толщине стен, надежные. Маленькие окошки забраны решетками, а единственная дверь в каждом из них сделана из прочнейшего железа и всегда заперта на засов; дверь казны [личной казны султана] еще и запечатана печатью султана».

Прежде чем рассказать о кухнях с правой стороны двора, посмотрим, какие строения находятся между личной казной султана и Диваном.

В дальнем углу двора, слева от Центральных ворот, мы видим небольшие скромные ворота, в настоящее время заложенные. Это Ворота мертвых: через них проносили в последний путь тела всех умерших обитателей дворца, за исключением, конечно, тех, кто нашел бесславный конец в Мраморном море и Босфоре. В стене, находящейся за этой, были такие же ворота, и через них тела выносили за пределы Серая. Рядом с Воротами мертвых — развалины мечети и бани, построенные Бешир-агой, одним из самых известных главных евнухов; он умер в 1746 году. В Стамбуле есть еще несколько возведенных по его приказу зданий. Остаток этого большого участка земли внизу холма занят конюшнями и казармами алебардчиков.

Конюшни — когда-то это были великолепные сооружения — сейчас лежат в руинах. В свое время в помещениях на первом этаже размещалась коллекция дорожной конской сбруи. Дело в том, что это были личные конюшни султана, содержалось там 25—30 лошадей.

Как мы уже говорили в предыдущей главе, большие конюшни находились на побережье за территорией Се-

раля. Бон, сумевший осмотреть личные конюшни султана, пишет о невероятно богатой и красивой конской упряжи: «Там великое множество седел, уздечек, нагрудных украшений, подхвостников, усыпанных драгоценными камнями и сделанных с большим вкусом; это зрелище ошеломляет — ведь такого просто невозможно себе представить».

Тавернье полностью разделяет его мнение.

А сейчас мы подходим к кварталу алебардщиков, построенному после пожара 1574 года. Это целый комплекс, где имеется все необходимое: двор, мечеть, спальни, кофейня, бани и т. п.

Алебардщики входили во внешнюю службу Серая, однако по роду своей деятельности были тесно связаны как с селямником, так и с гаремом. Дело в том, что во дворце они выполняли значительную долю тяжелой физической работы: занимались рубкой дров и переносом различных грузов. Кроме того, они выполняли функции телохранителей, когда обитательницы гарема выезжали за его пределы и в прочих подобных случаях, — тогда они вооружались алебардами, чему и были обязаны своим названием. В упомянутом выше Музее оружия представлено множество различных алебард. Напомним, по-турецки алебардщики назывались балтаджилерами; по своим обязанностям они делились на тех, кто обслуживал селямник, и тех, кто обслуживал гарем. Первые назывались якалы («с воротниками»), вторые — якасыз («без воротников»). Работавших в гареме звали также зюлюфлы-балтаджилеры (от «зюлюф» — «завиток, локон»). Чтобы, принося в гарем месячный запас дров, они не могли видеть его обитательниц, с их высоких головных уборов свисали два фальшивых локона. Подобные «локоны целомудрия» были в Серале также у оруженосца — хранителя меча (кылычдар, или сылыхдар), главного музыканта и еще у нескольких человек. Если фон Хаммер не ошибается, то в свое время зюлюфлы-балтаджилеры были белыми евнухами, в таком случае локоны им явно ни к чему.

В казармы алебардщиков входили через небольшую калитку, всего в нескольких шагах от двери во двор черных евнухов (рядом с башней Дивана). Длинная лестница ведет на расположенную ниже террасу, где и находятся казармы. Оттуда прямой выход на узкий внутренний дворик, известный как двор Фонтана. Справа — квадратное строение, используемое как мечеть, а дальше — бани и отхожие места. Слева — семь довольно тонких, квадратных в сечении деревянных столбов, поддерживающих спальни или гостиные командиров алебардщиков. Левее, параллельно этим столбам, — большая спальня с галереей, опоясывающей все помещение; под галереей девять деревянных столбов по длинным сторонам и по три с торцов. Ближайшая к двору стена цокольного этажа отделана изразцами, цвет которых покрыт чудесным узором и по-прежнему ярк. Для того чтобы попасть на галерею над этим этажом, нужно выйти на улицу и подняться по лестнице до арки, за которой слева имеется другая лестница. Галерея — интересное сооружение: ее деревянные стены выкрашены в ярко-красный цвет, сохранились и шкафы для постельных принадлежностей. С самого центра крыши свисает огромный темный шар.

По пути назад, во двор Фонтана, слева мы замечаем небольшую комнатку с низкими диванами вдоль стен. Вероятно, там была столовая. Спустившись на несколько ступеней, мы попадаем в общую столовую алебардщиков. Это просторное квадратное помещение, по трем его стенам стоят низкие деревянные диваны-софы, под которыми сделано множество ящичков; на стене напротив двери — штук тридцать длинных узких шкафов, где, скорее всего, держали алебарды. Доктор Миллер считает, что там хранили *наргиле* — персидские курительные приборы. Но длина шкафчиков в три раза превышает длину наргиле; кроме того, сомнительно, что слуги такого уровня, как алебардщики, владели столь дорогими курительными приборами. В любом случае по своим размерам наргиле вполне могли поместиться в нижних

ящиках. В центре комнаты стоит большая прямоугольная жаровня с полочкой для кофейников с внутренней стороны. Из-за того что в комнате маленькие окна, а снаружи растут деревья, даже в самый яркий солнечный день в помещении царит полумрак. По этой причине мне не удалось сделать хороших фотографий, однако, учитывая то, что, насколько я понимаю, эту интересную комнатку никогда раньше не фотографировали, я рискнул воспроизвести плод своих трудов (ил. 15).

Возвратившись во двор Фонтана и дойдя до его конца, мы видим лестницу, ведущую в две комнаты над банями. Судя по всему, они принадлежали командирам алебардчиков. Помещения настолько ветхие, что опасно даже попытаться зайти внутрь.

Широкая терраса с множеством кустов и деревьев (среди последних особо выделяется смоковница) тянется до конца ближайшей к основной лестнице спальни. Это верхняя часть того, что когда-то было двором перед конюшнями.

Нам осталось описать только кухни. Как можно увидеть на плане, они занимают всю правую сторону Второго двора. Это была самая крупная самостоятельная часть всего Серая. Окруженные мощными стенами, возведенными по приказу Синана после большого пожара 1574 года, кухни стоят на том месте, где когда-то был дворец Мехмеда II. За несколько веков он претерпел незначительную перестройку; хотя многие подсобные сооружения сейчас лежат в руинах, благодаря прочности стен сами кухни уцелели (так же, как в других частях Стамбула толстые стены бань смогли выдержать пожары и землетрясения); они представляют собой один из самых замечательных образцов хозяйственных построек XVI века, дошедших до нашего времени.

В квартале не только десять больших двойных кухонь, вытянувшихся в ряд вдоль берега Мраморного моря, но и квартиры местных начальников, две мечети, бани, кладовые для провизии, жилые помещения для поваров, разносчиков блюд, кондитеров, поварят,

судомоек, дровосеков, сборщиков льда, водоносов и прочих. На территории квартала сохранились остатки школы поваров, комнат музыкантов, жестяной мастерской, фонтанов для омовений и спален. Многие небольшие комнаты, предназначение которых забыто, вполне возможно, использовались в качестве комнат отдыха или столовых для различных категорий работников кухни — согласно утверждениям нескольких старых авторов, эти категории существовали обособленно друг от друга. Так, у каждого кухонного «сословия» существовали свои собственные столовые, и, например, мясники никогда не сидели рядом с жестянщиками или кондитерами. Планировка всех этих зданий была очень незатейливой; вдоль всей постройки, параллельно колоннам во внутреннем дворе, шел длинный коридор; попасть во внутренний дворик можно было через три отдельных входа.

На ближайшей к двору части квартала располагались жилые и служебные помещения для работников, а на обращенной к Мраморному морю (она была вдвое шире первой) — огромные кухни, две мечети и в самом углу, рядом с водопроводной станцией, жилье для разносчиков блюд.

Трудно, да и едва ли необходимо, более или менее точно определить, какие кухни кого из обитателей Сераля обслуживали в тот или иной период. Это объясняется тем, что, как только один автор составлял перечень помещений, все писавшие о дворце после него просто копировали этот список — то ли потому, что у них не было возможности его уточнить, то ли потому, что он внушал им такое доверие. Ниже я привожу список, который безоговорочно принимается всеми. Я не могу точно сказать, кто именно был его составителем, но велика вероятность, что эта заслуга принадлежит нашему старому другу Бону. Его перечень (1604—1607) был без изменений переписан не только Бодье, Уитерсом, Луи де Хейесом, но и около 1700 года Турнефо, а также Гросвенором и Мюрреем.

Вот кого, в соответствии с этим списком, обслуживали кухни:

- 1) султана;
- 2) мать султана;
- 3) султанш — имеются в виду кадины;
- 4) капы-агу;
- 5) членов Дивана;
- 6) ичогланов, или пажей султана;
- 7) менее важных персон Серая;
- 8) остальных женщин;
- 9) менее важных членов Дивана.

Похоже, что никто не может более или менее точно сказать, для кого готовили еду на десятой кухне — вполне возможно, для самих работников кухни. Однако известно, что в более поздний период она была отдана кондитерам. Иногда в литературе встречаются и другие варианты распределения помещений — их приводят те немногие авторы, которые предпринимали самостоятельные попытки разобраться с данным вопросом.

Так, Тавернье, говоря о девяти кухнях, отмечает, что на тот момент (около 1664 года) фактически использовались семь из них. Это сокращение числа помещений для приготовления пищи вполне могло объясняться особыми обстоятельствами — такими, как желание султана или кадин иметь свои кухни поближе к гарему, или же тем, что матери правившего тогда султана не было в живых. Не исключено, что закрытие каких-то кухонь было вызвано стремлением сэкономить, правда, такая попытка была бы весьма нехарактерной для Серая и, скорее всего, носила временный характер.

Безусловно, время от времени здания кухонь ремонтировали, переделывали крыши, дымоходы и купола. Сегодня кухня выглядит так: она поделена на две части — внутреннюю с низким каменным очагом в центре, дым от которого поднимался к куполу с длинной трубой, и внешнюю. В последней, находящейся рядом

с коридором, был сделан купольный свод, в центре которого имелось отверстие без трубы — оно тоже могло выполнять функцию дымохода. Именно поэтому, глядя на Сераль с побережья Мраморного моря, мы видим только один ряд из десяти высоких труб. Судя по всему, трубы и купола периодически ремонтировали и перестраивали; совершенно невозможно определить, использовались ли оба типа дымоходов по прямому назначению или же один из них служил для вентиляции помещений. В 1700 году Турнефо писал: «Расположенные справа кабинеты и кухни украшены куполами, дымоходов там нет; в центре помещения разводят огонь, и дым выходит через отверстия в куполах».

На офорте А. Меллинга четко виден единственный ряд дымоходов в форме круглых куполов, на рисунке д'Оссона, опубликованном всего лишь за двенадцать лет до него, — двойной ряд дымоходов многоугольной формы, а в одном месте — даже три ряда. Поскольку оба автора пользуются репутацией надежных исследователей, правомерно предположить, что кое-какие изменения действительно производились. В 1551 году, по свидетельству Н. Николаи, в кухнях работало сто пятьдесят поваров, особое место среди них занимали те, кто готовил еду султану: «В личной кухне султана имеются отдельные очаги для предварительного и окончательного приготовления мяса, чтобы оно не имело запаха дыма; прошедшее такую обработку мясо они выкладывают на фарфоровые блюда и относят сесигнерам — тем, кто разрезает мясо на куски, подает его Великому синьору и в присутствии его величества пробует приготовленное».

Несколькими годами раньше, в 1534 году, Рамберти приводит следующий список работников кухни:

«Ашджи-баши — главный повар; у него в подчинении 50 работников. Он получает 40 асперов¹ в день, а подчиненные — по 4, 6 или 8 асперов.

¹ А с п е р — турецкая денежная единица, равная $\frac{1}{120}$ пиастра; первоначально это была серебряная монета, достоинством $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ дирхема. (Примеч. пер.)

Хелваджи-баши — главный кондитер; он получает 40 асперов в день, а 30 его подчиненных — от 5 до 6 асперов каждый.

Часниджир-баши [главный дегустатор] заведует буфетами; он получает по 80 асперов. Утром и вечером он лично приносит блюдо Великому синьору; 100 его подчиненных-часниджиров получают по 3—7 асперов в день.

Мутбах-эмини — управляющий кухней; ему платят 40, его секретарю — 20 асперов в день.

Сто аджем-огланов перевозят на тележках дрова для дворца за 3—5 асперов и бесплатную одежду.

Десять сакков возят на лошадях в кожаных бурдюках воду; они получают по 3—5 асперов каждый».

Бон приводит много любопытных сведений о том, что ели в Серале: «Из Египта привозят огромное количество фиников, слив и чернослива — их передают поварам, и те используют фрукты для приготовления пищи как жареной, так и вареной. Меда в Порте едят невероятно много: дело в том, что его кладут во все блюда, а также в шербеты — правда, последнее делают, как правило, бедняки. Это мед из Валахии, Трансильвании и Молдавии [Румынии и части Венгрии]; воеводы [молдавские князья] часто его дарят султану. Но для стола султана мед собирают в Кандии, там он нежный и без примесей. Растительное масло, тоже используемое для приготовления пищи, поступает из Короны и Модоны¹ в Греции; санджак-бей обязан следить за тем, чтобы его всегда было достаточно для удовлетворения всех потребностей Серале; для султана привозят особое растительное масло без запаха из Кандии.

Сливочное масло, требующееся Сералю в изрядном количестве, везут по Черному морю из Молдавии, а также из Таны и Каффы [на Азовском море]; его упаковывают в огромные воловьих шкуры. Сливочное мас-

¹ К о р о н а и М о д о н а находятся в провинции Мессения на полуострове Пелопоннес; они были аннексированы Турцией при Баязиде II в 1502 году. (Примеч. авт.)

ло хранят в кладовых, а когда его запас превышает потребности дворца, с большой выгодой продают горожанам; свежее масло едят мало — дело в том, что турки не любят молочные продукты.

Что касается мяса, то осенью главный паша заказывает для императорских кухонь пастрому [отбитые плоские куски мяса]; это должно быть мясо стельных коров — оно более вкусное и полезное. Его сушат, набивают колбасы или мелко рубят; так делают не только в Серале, но и в каждом доме. Как бы то ни было, поставка и обработка мяса находится под контролем главного паши; всего обычно закупают 400 коров.

В Серале также ежедневно съедают: овец — 200 штук; ягнят (в сезон) — 100; телят (для евнухов) — 4; гусей — 30 пар; цесарок — 100 пар; кур — 100 пар; голубей — 100 пар.

Рыбу, как правило, не едят, но если у агалары есть такое желание, то могут приготовить любую рыбу — ведь в море ее полно.

Фрукты на столе султана и вообще в Серале никогда не переводятся — их получают в дар в больших количествах, а из расположенных поблизости садов султана ежедневно приносят огромные корзины самых лучших плодов. Излишки фруктов главный садовник продает в специальном месте, где торгуют только дарами садов султана; вырученные средства каждую неделю отдают бостанджи-баши, а тот — султану. Эти деньги идут султану на карманные расходы, и он без счета раздает их своим глухонемым и шутам.

Очень интересна кухонная утварь: кастрюли, котлы и другая посуда — почти вся из меди и настолько большого размера, что просто невозможно себе представить, как все это можно содержать в таком порядке. Блюда из луженой меди, на которых подают еду, в отличном состоянии, что просто удивительно. Этих блюд там огромное количество, и Порте они обходятся весьма недешево — ведь поскольку кухни Серале кормят такое количество его постоянных обитателей и посетителей,

особенно в дни открытых заседаний Дивана¹, много блюд крадут.

Дефтердары хотели, чтобы их делали из серебра и чтобы ими занималось казначейство, но из-за высокой стоимости таких изделий от этой идеи отказались. Кухни потребляют многие тысячи песо² дров (в Константинополе вес дров измеряется в песо), а песо равен 40 фунтам. Тридцать огромных торговых судов султана — карамуссалы — привозят дрова из его лесов по Великому [Черному] морю. Дрова не слишком дорого обходятся казне — ведь их рубят и грузят рабы».

Нет недостатка в информации на тему приготовления и способов подачи на стол турецких национальных блюд: плова, различных шербетов, столь любимых оттоманами многочисленных видов сладостей и т. п. Однако наша книга посвящена не гастрономии, и поэтому я отошлю читателя к работам Тавернье, много писавшего на эту тему, и Уайта, рассказавшего о современных способах приготовления этих блюд в своей книге «Три года в Константинополе».

Эвлия-эфенди приводит очень интересные сведения о том, как Сераль снабжался льдом, потреблявшимся в невероятных количествах. Он говорит об огромных ямах для хранения льда, о доставлявших лед слугах, которые в дни процессий носили тюрбаны изо льда, о телегах с грузом снега величиной с купол здания, а также о том, что чистейший снег с горы Олимп привозили семьдесят или восемьдесят упряжек волов. Кроме того, он рассказывает о поварах, специализирующихся на приготовлении рыбы, кондитерских изделий и сладостей, о тех, кто занимается заготовкой миндаля, фисташек, имбиря, фундука, цукатов из апельсиновой кожуры, алоэ, кофе и т. п.

Но самое известное в мире турецкое лакомство — это, конечно, рахат-лукум («дарящий горлу покой»).

В дни открытых заседаний Дивана кроме постоянных обитателей Сералья — более тысячи — во дворце обедают еще 4—5 тысяч человек. (Примеч. авт.)

² Около 20 кг. (Примеч. пер.)

Ежегодный экспорт этого продукта составляет не менее 750 тонн. Его изготавливают из сока белого винограда или шелковицы, муки, меда, розовой воды и абрикосовых ядер.

Как мы уже говорили, попасть из Второго двора в Третий можно через Ворота блаженства, непосредственно за ними, как справа, так и слева, расположился квартал белых евнухов — на его месте раньше находились большой и малый залы дворцовой школы.

Сначала я расскажу вам о Воротах блаженства. У них есть и другие названия: Акагалар капысы (Ворота белых евнухов), что объясняется их близостью к кварталу белых евнухов, а также Королевские ворота, или Ворота султана, — дело в том, что они вели в личные покои султана. Точная дата их возведения неизвестна, однако, все указывает на то, что они были построены самое позднее в начале XVI века: их архитектурный стиль не претерпел никаких изменений — это двойные ворота, имеющие богато декорированный навес над входом с мраморными колоннами. Ж.-К. Флаше (1740—1755) пишет, что у здания ворот был красивый портик с шестнадцатью колоннами из порфира или змеевика, основание купольной крыши навеса позолочено и украшено рельефным растительным и цветочным орнаментом. Фасад самих ворот отделан большими панелями из полированного мрамора в тон колоннам, но, к сожалению, в настоящее время на месте панелей современные фрески ничуть не лучше тех, что сделаны на внутренней стороне Центральных ворот. Портик поддерживают шесть колонн, из них только четыре передние отдельно стоящие. Еще по шесть колонн с боковых сторон образуют колоннаду, где их всего восемнадцать. До последнего времени это была самая закрытая для посторонних и наиболее почитаемая часть Серая. Именно здесь начинались личные покои высокопоставленных обитателей дворца, у этих ворот объявляли о вступлении на трон нового султана, их порог целовал каждый

входящий. Через эти ворота выбрасывали на растерзание разъяренной толпе янычар тела главных сановников. Во времена мятежей и переворотов сюда выносили мертвых султанов. Не приводя подробностей мрачных сцен, основная роль в которых отводилась Воротам блаженства, скажем лишь, что посторонние внутрь не допускались, этот вход всегда считался личными воротами султана — только это и было известно о них официально. Народ знал лишь, что они вели прямо в Тронный зал. Например, Бон рассказывает, что они открывают путь в ту часть Серая, куда имеют доступ только домочадцы султана и обслуживающие их рабы: «Входить в эти ворота запрещено, сделать это можно только с личного дозволения султана, и то лишь важным персонам; слуги и прочие, как, например, врачи или те, кто отвечает за провизию и кухни, могут входить туда по разрешению капы-аги — главного дворецкого султана. Он всегда на месте — ведь его покои находятся рядом с жильем его евнухов. Остальное держится в тайне, и все, что говорят о происходящем за этими воротами, — это чистой воды выдумки, потому что либо вообще ничего из жизни за воротами нельзя увидеть, либо если что-то несущественное и удастся увидеть, то такое бывает только тогда, когда султан отсутствует и кто-то из его приближенных проводит постороннего в Третий двор через Морские ворота».

По словам Бассано да Зары, стража ворот состояла из тридцати евнухов; в сообщениях XVI века утверждалось, что столько их было лишь в дни заседаний Дивана, а обычно двадцать—двадцать пять. Жилые помещения для них располагали так, чтобы оттуда можно было наблюдать за обоими дворами — Вторым и Третьим. Покои капы-аги, главного белого евнуха, находились справа, а остальных — слева от ворот. Сейчас трудно сказать, что представляли собой его покои, так как в настоящее время эти помещения превращены в мастерские. Можно только утверждать, что, пройдя через небольшой дворик, попадаешь в длинный проход, где на

левой стороне имеются три комнаты. В дальнем конце справа, рядом с мечетью кондитеров, находятся фонтан и умывальная комната. Все комнаты прямоугольные, какие бы то ни было следы декоративного убранства давно исчезли.

Лучше обстояли дела с общими помещениями: они не только сохранились в хорошем состоянии, но в них работают нынешние сотрудники музея, которые во время моего первого появления там спали, что-то изучали, готовили кофе и так далее, то есть занимались тем, чем занимались белые евнухи. Пройдя через небольшой дворик — такой же, как в покоях начальника белых евнухов, — я встретился с очень сердитым карликом. Он бросился ко мне, что-то крича и яростно жестикулируя, делая все, чтобы помешать мне войти. Однако имевшаяся у меня бумага была слишком убедительной, и он с мрачным видом ретировался. Сначала я вошел в большую комнату, чем-то напоминающую зал алебардщиков, только меньшего размера. Эта комната с широким балконом по периметру служила спальней охранников. Повсюду были расстелены матрацы, а некоторые, наоборот, были аккуратно скатаны, кое-где на матрацах глубоким сном спали люди. На нижнем этаже было сооружено несколько перегородок, а в дальнем правом углу на возвышении была устроена комната, предназначенная, вероятно, для евнухов более высокого ранга.

Пройдя дальше, попадаешь в общую столовую, где во время моего посещения на большой жаровне в центре зала готовилась еда. В дальнем конце слева, у стены со стороны Второго двора, ряд фонтанов для омоений, перед ними сидели несколько мужчин. Помимо этих двух комнат, там существовала небольшая третья, использовавшаяся в качестве кладовой.

У белых евнухов было пять направлений деятельности, каждая группа несла свои обязанности во внутренней службе дворца. Точно так же как черные евнухи занимались всем, связанным с жизнью гарема, белые евнухи были обязаны следить в селямликe за порядком и разнообраз-

разными занятиями его обитателей. Поскольку обычным слугам не разрешалось входить в Ворота блаженства, обязанности дворцовой челяди Третьего двора — белых евнухов и пажей султана — были поделены: преподавание в дворцовой школе и обслуживание его величества.

В XVI и XVII веках, судя по всему, существовало четыре поста главных евнухов, а с течением времени к ним прибавился пятый. Главными евнухами были: капы-ага, хазынедар-баши, кылерджи-баши и серай-ага, пятым стал хас ода-баши. Сначала старшим среди них был белый евнух, капы-ага; и вплоть до возвышения черных евнухов он имел наибольшую власть. Однако даже тогда он по своему положению был равен кызлар-аге, и это несмотря на то, что отдельные его привилегии были переданы черному сопернику.

Во-первых, и это основное: капы-ага возглавлял внутреннюю службу, то есть он был личным доверенным лицом султана. Кроме того, в его ведении была дворцовая школа. Он также являлся начальником привратников, больницы и главным церемониймейстером Серая. В первый период через него проходили все направляемые султану прошения и государственные документы; только ему дозволялось лично говорить с султаном. Со временем многие из этих привилегий были переданы главному черному евнуху — более подробно мы поговорим об этом в следующей главе. Одевание капы-аги состояло из отделанного дорогим мехом свободного парчового или бархатного халата с очень длинными рукавами, а под ним сорочка покороче из того же материала. Пояс, желтые туфли, льняные или шелковые штаны и тюрбан с конусообразной тульей завершали костюм.

Ниже его по рангу был хазынедар-баши. Он возглавлял казначейство и руководил пажами, приписанными к хазын-оде (казне); отвечал за все ценности султана, осуществлял все выплаты по линии внутренней службы и вел тщательный учет всех расходов.

Третий сановник, кылерджи-баши, отвечал за пищу для султана и надзирал за всеми работавшими на кухне.

Четвертому, серый-аге, было поручено управлять Сералем в отсутствие султана. Кроме того, он был заместителем начальника дворцовой школы и возглавлял сеферлы-оду, или палату военных кампаний.

В непосредственном контакте с султаном находились избранные члены хаз-оды, или внутренней палаты. В правление Сулеймана главой этой палаты был старший слуга, однако по мере того, как должность приобретала все большее значение и обязанности ее главы расширялись, руководство палатой было поручено белому евнуху, известному как хаз-ода-баши. В его функции входило удовлетворение личных нужд султана, кроме того, он являлся хранителем одного из трех перстней с печатью султана — ею он опечатывал наиболее ценные предметы, находившиеся в покоях султана, например сосуды со святой водой, в которую был опущен уголок халата Пророка. Также он отвечал за почетные шубы, предназначенные для подарков иностранным послам и другим важным особам.

Остальные белые евнухи выполняли обязанности помощников своих высокопоставленных собратьев. Полностью в их ведении находилась больница, они были и санитарями-носильщиками, и поддерживали порядок в палатах, и кормили больных.

Что касается того, откуда брали белых евнухов, то во времена расцвета Османской империи с этим проблем не было — ведь в столицу привозили множество рабов обоих полов из Венгрии, Германии, Словении. Однако складывается впечатление, что число белых евнухов тогда было очень невелико и основная часть рабов, способных владеть оружием, шла на пополнение турецкого войска. Поскольку Коран запрещает кастрацию, обычно утверждают, что данная операция выполнялась за пределами Константинополя, и затем их присылали в Сераль, где обучали определенным профессиональным навыкам.

Судя по тому, что в начале XVII века писал Бон, в отдельных случаях кастрацию проводили и в самом Серале: «Всех кастрируют и полностью лишают половых

органов; для этого берут некоторых подаренных султану мальчиков из числа отказавшихся от своей веры, но насильно их кастрируют редко, так как главный церемониймейстер считает, что в таком случае очень велика опасность смертельного исхода. Несмотря на то что мальчикам об этом известно, их прельщает перспектива — если они выживут — стать впоследствии важными персонами. После кастрации их обучают вместе с остальными и через определенный период времени переводят из четвертой оды на службу к султану; то же самое происходит и с теми, кто не подвергся операции».

Другими источниками рабов были Армения, Грузия и Черкесия — сначала после победоносных для империи войн, затем в результате мирных переговоров; последнее было особенно характерно для Черкесии. Кстати, что касается поставок негров, то там описанная практика вообще не применялась. Караваны невольников состояли как из мужчин, так и из женщин, и очень быстро о красоте грузинок узнали все. Вскоре появилась работорговля, и по опасному Черному морю пошли в Турцию корабли с невольниками. Когда в результате военных успехов России поступление рабов из Грузии временно прекратилось, увеличился их поток из Черкесии, и небольшие суденышки, битком набитые мужчинами и женщинами для рынков Леванта, начали прибывать в Трапезунд, превратившийся к тому моменту в портовый город.

Что касается черкешенок, то они часто ехали по собственной воле, стремясь сменить крестьянскую жизнь на призрачную возможность стать женой паши или даже наложницей самого султана. Из числа невольников мужского пола евнухами по-прежнему становились очень немногие. Это объяснялось тем, что число надзирающих за дворцовыми слугами всегда было ограниченным, в отличие от постоянно существовавшей потребности в притоке черных евнухов для гарема.

После того как в 1864 году работорговцы были изгнаны из Черкесии, они просто перенесли свой бизнес

поближе к Константинополю — в Румелию и в Бурсу на азиатском побережье. Когда возникала потребность в белом евнухе, его находили и доставляли по назначению, однако более широкий размах приобрела торговля женщинами, и не только для невольничьих рынков, но и для любителей-энтузиастов, которые после тщательной подготовки девушек продавали их с большой выгодой.

Несмотря на все попытки прекратить работоторговлю и на принятие турецким правительством закона о ликвидации рабства в Черкесии, торговля людьми продолжалась как прежде, просто не столь открыто. Лишь какой-то огромный сдвиг в сознании нации в сочетании со снижением спроса мог положить конец системе, являвшейся составной частью социальной и религиозной жизни общества. Такой сдвиг произошел, и сегодня загадочная Турция — страна, которая смотрит на Запад, открылась для нас; однако следует заметить, что она потеряла много былого очарования и привлекательности. Если приехавшему в Константинополь нашему современнику-чужеземцу повезет и он получит редкую возможность увидеть то, чем гордился этот, возможно, самый прекрасный город на земле и что сейчас уже наполовину скрыто от глаз наблюдателя, он с негодованием отметит старания властей превратить Перу в современный деловой центр с помощью всех этих ярких безвкусных американских штук, что уничтожает своеобразие этой едва ли не самой загадочной страны в мире.

Прежде чем начать рассказ о черных евнухах, я завершу эту главу кратким обзором архитектурных деталей различных зданий Серая. Стоит обратить внимание на разные стили капителей колонн, в частности во Втором дворе. Это не единственное место во дворце, где можно увидеть капители, которые я бы назвал лотосовидными, — они есть в коридоре черных евнухов, во внутреннем дворе и спальнях невольниц гарема, а также во внутреннем дворе матери султана, на веранде Багдадского павильона и во многих других частях Серая. Такую

капитель узнаешь сразу по глубокому резному орнаменту в форме стилизованного лотоса. У этой капители явно имелся ранний византийский прототип; она несколько напоминает капители Бин бир дирек — цистерны 1001 колонны, хотя в данном случае за счет закругленных углов оснований капители более выпуклые. В Святой Софии капители с остроугольными основаниями можно увидеть в западном гинекее (иногда его называют гостевой галереей). Вероятно, такая форма понравилась турецкому архитектору, и он скопировал ее при создании трибуны султана (мафил-и-хумайин) и аркад масбата на большом куполе северного крыла.

Помимо построек византийского периода, такие лотосовидные капители есть в нескольких мечетях Константинополя, в том числе в мечетях Миримах и Рустема-паши, которые около 1550 года возвел знаменитый Синан. Таким образом, их также можно увидеть в мечетях Перы и Скутари.

Другая характерная для Сералия форма капители — сталактитообразная, или сотовая, напоминающая капитель, встречающуюся в Альгамбре в Гранаде. Такие капители можно найти на террасе, окружающей зал Аудиенций, в Третьем дворе и в туалетной комнате султана. Они есть и в ряде мечетей, в том числе в мечети Рустема-паши.

Третий, несколько модифицированный тип капители, венчает колонны портика в Третьем дворе. За исключением неоправданно утяжеленного эхина, он тоже напоминает капители Альгамбры.

Но правильно ли называть эти типы капителей турецкими? Как и во многих других случаях, турки копировали архитектурные приемы покоренных стран. Поэтому для того, чтобы выявить подлинно турецкое искусство в огромном количестве заимствований, следует подходить к этому вопросу очень осторожно. У византийских архитекторов в качестве образцов перед глазами были как коринфские, так и ионические капители. Однако с отказом от ахитрава для поддержки кирпич-

ной арочной конструкции пришлось изобретать совершенно новую группу капителей, которая бы гармонично связала в единое целое колонну, капитель и арку. Как им удалось решить эту проблему, можно увидеть в вечно прекрасной Святой Софии.

Поначалу вообще не существовало такого понятия, как турецкое искусство, а архитектурные приемы и собственно материалы для строительства турки заимствовали в разрушенных византийских церквях, частных домах, банях и прочих постройках. Так, встречающиеся то тут, то там увенчанные капителями колонны из порфира, сиенита, змеевика, гранита и другого камня сделаны отнюдь не турками. Видоизмененные византийские капитель и арка в значительной степени стали турецкими капителью и аркой во многом, но не полностью, а вот в XVI веке появилось подлинно национальное искусство, его создателем был Синан. Он возвел не только бесчисленные мечети, больницы, библиотеки и бани, он построил и много таких скромных сооружений, как колодцы, кухни, цистерны и т. п. И все же его искусство было своего рода гибридом, получившимся в результате синтеза сирийских и армянских образцов, ставшего благодаря его гению турецким. Подтверждения этому мы неоднократно встречаем в Серале, но еще чаще — в Константинополе, Адрианополе и Бурсе.

В данной книге не стоит рассуждать, да я и не обладаю необходимыми для этого знаниями, о месте турецкого искусства относительно его предшественников как на Западе, так и на Востоке. Конечно, самостоятельность его существования нельзя ставить под сомнение, но как оценить его долг, например, перед создателями Святой Софии Анфемием и Исидором и одновременно отдать должное искусству, зародившемуся на землях Анатолии и Сирии?

Глава 5

ЧЕРНЫЕ ЕВНУХИ

Их жилье и обязанности

Как показано на плане, квартал черных евнухов (см. план, поз. 32—37) расположен за левым северным углом Второго двора; с одной стороны он граничит с помещениями гаремных рабынь, с другой — с Диваном и казначейством. Золотая дорога, начинающаяся в самом сердце селямлика, заканчивается у двери главного входа в гарем (поз. 41); сразу же за этой дверью находится внутренний двор черных евнухов (поз. 34). Еще одна дверь (поз. 40) выходит прямо в Третий двор, а из противоположного конца (поз. 30), через башню Дивана можно попасть во Второй двор.

Таким образом, занимаемое кварталом черных евнухов центральное и господствующее местоположение указывает на то, какая огромная ответственность возлагалась на кызлар-агу и его подчиненных-евнухов.

Небольшая простая дверь из Второго двора (ил. 14, справа) аналогична двери слева, ведущей в квартал алебардчиков. Она известна как Каретные ворота (араба капысы) потому, что в этом месте обитательницы гарема садились в экипаж (араба) для прогулок вверх вдоль Босфора, поездок в Старый Сераль и т. д. Поскольку эти маленькие ворота вели прямо во внутренний дворик, который женщины пересекали по пути во Второй двор, они всегда хорошо охранялись. Сразу за этими воротами открывается квадратный, с высокими сводчатыми потолка-

ми зал, ныне называющийся долаплы куббе — купольная прихожая со шкафами (поз. 31), так как в данном помещении были сделаны стенные шкафы с большими, покрытыми краской дверцами. Без сомнения, в разные периоды зал использовался по-разному, однако похоже, что он одновременно был и прихожей и привратницей, где ночью могла спать охрана, а на день спальные принадлежности убрали в шкафы. Здесь же, судя по всему, собирались женщины, перед тем как их проводят к стоявшим снаружи экипажам.

Дверь размером с Экипажную калитку ведет в продолговатую комнату (поз. 32) почти вдвое большую, чем долаплы куббе. Она отделана чудесными изразцовыми панелями с цветочным орнаментом, опоясанными глубоким фризом с куфическими письменами. Эта комната, скорее даже холл или прихожая, не имеет конкретного назначения и является проходной, связывающей различные помещения. Она разделена пополам, в первой части очень высокий сводчатый потолок, что позволило сделать вдоль всей комнаты параллельно первому фризу с куфическими надписями такой же второй; ширина первого фриза — более полуметра. Слева — обшитая деревянными панелями дверь с большим окном над ней, она ведет в длинный узкий проулок, отделяющий гарем от квартала алебардщиков; в конце проулка — Ворота шалей (поз. 62), а за ними — сад, окружающий внешние стены Серая.

Непосредственно за этой калиткой — дверь в мечеть евнухов (поз. 33), построенную после большого пожара 1665 года. В мечети обилие отличного фаянса с пояснительными табличками, где написано, кто из евнухов какие пожертвования сделал на ремонт и украшение помещений. У мечети имеется маленькая прихожая; вторая дверь ведет во внутренний дворик — но проще в него попасть из комнаты поз. 32, куда мы сейчас и вернемся. Во второй части этой комнаты нет сводов, ее плоский потолок с большим вкусом отделан фаянсовыми панелями и лепниной. Рядом с мечетью лежит ог-

ромная мраморная плита со ступенями по обе стороны, специально предназначенная для того, чтобы с нее садиться на коня. Этим приспособлением пользовались султаны, отправлявшиеся верхом в священную мечеть в Эйюбе. Здесь же мраморный восьмиугольный фонтан. С противоположной стороны — двойная дверь на лестницу, ведущую к окну над залом Дивана. Оттуда лестница идет вверх через все этажи башни Дивана.

Теперь проследуем в открытый дворик (поз. 34) с десятью мраморными колоннами по левой стороне. Вдоль всей левой части — деревянный навес на косых балках, защищающий окна и изразцовую отделку от капризов погоды. Из десяти колонн, каждая из которых заканчивается лотосовидной капителью, первые шесть свободно стоящие; колоннада примыкает к спальням черных евнухов, вход в них находится между шестой и седьмой колоннами. Давайте заглянем в этот весьма необычный коридор (поз. 35) между двумя рядами комнат. Он очень небольшой, в него выходят расположенные на трех этажах, одна напротив другой всего на расстоянии в 2,5 метра маленькие комнатки. В этом здании поражают, во-первых, основательность сооружения и, во-вторых, атмосфера монастырского аскетизма, в которой жили евнухи. Если этот дом пострадал от пожара 1665 года, то восстановить его было несложно, а ущерб от огня был незначительным. Несмотря на то что об этой части квартала евнухов обычно говорят как о спальнях, здесь находились и гостиные. Насколько мне удалось установить, комнаты первого этажа использовались старшими евнухами и в качестве спален, и в качестве гостиных, за исключением «общей комнаты» слева (она вдвое больше прочих по размеру) и комнаты для приготовления кофе в дальнем конце справа. Всего по правой стороне шесть комнат, по левой — пять. В конце коридора — типичный турецкий очаг с остроконечным навесом из нарядных изразцов; стена за очагом тоже полностью отделана изразцами, однако здесь они уже простые цветные.

Посетителям показывают сохранившиеся доски бастинадо¹, к которым привязывали ноги несчастных, а также петли, куда вкладывали руки провинившихся, подвергавшихся этому наказанию. Первый этаж похож на открытый балкон, второй поддерживают короткие мощные восьмиугольные колонны с лотосовидными капителями — такими же, как во внутреннем дворе. Единственные имеющиеся на этом этаже окна сделаны рядом с очагом. Судя по всему, здесь спали старшие евнухи. Для какой цели использовались комнаты нижнего этажа — в качестве спален или имели какое-то другое назначение, трудно сказать определенно, так как на этот счет разные источники приводят противоречивую информацию. На третьем этаже балкона нет, находящиеся здесь маленькие комнатки были предназначены для молодых евнухов. Несмотря на то что в одной комнате спало по несколько человек, едва ли во все эти помещения могло поместиться так много работавших в гареме евнухов. В то же время нельзя забывать, что большинство из них несли службу в различных частях дворца, и они сменяли друг друга. Стоит сказать и еще об одной особенности турецкого быта: в одной комнате, не испытывая при этом ни малейшего дискомфорта, возле маленькой жаровни могут дремать или сидеть, попивая кофе и куря наргиле, довольно много людей. Во время одной из моих прогулок по Стамбулу я забрел в ночлежку довольно грязного еврейского квартала Балата на берегу Золотого Рога. Любопытство привело меня на верхний этаж, куда можно было попасть через люк по приставной лестнице. Там на полу на тонких ковриках (едва ли их можно назвать матрацами), постеленных почти вплотную друг к другу, глубоким сном почивало не меньше дюжины мужчин; а на местах, откуда люди уже ушли, лежали аккуратно свернутые коврики и оставалось еще достаточно места. Сле-

---

Б а с т и н а д о — битье по пяткам; вид наказания в некоторых странах Востока. (Примеч. пер.)

дует учитывать, что в турецких спальнях вообще нет мебели, и поэтому в четырехметровой комнате одновременно может спать человек восемь.

Вернувшись во внутренний дворик, мы обратим внимание на то, что следующие три колонны соединены одной стеной, отделанной великолепными изразцами и принадлежащей помещению школы принцев, где давали начальное образование мальчикам королевской крови до восьми- или десятилетнего возраста. У последней колонны, за маленьким передним двориком, — вход в школу; оттуда можно пройти и в покои начальника черных евнухов, кызлар-аги. Помещения школы и покои главного евнуха выполнены в едином архитектурном стиле, но их объединяет не только это: дело в том, что основные классные комнаты находились как раз над его покоем, и именно в его обязанности входил надзор за обучением принцев. Последнее относилось и к принцессам.

По словам Оттавиано Бона, мальчики живут на женской половине до одиннадцатилетнего возраста. С пяти до одиннадцати лет у них есть свой ходжа — наставник, которого назначает султан. Наставник ежедневно приходит в гарем, его провожают в одну из комнат квартала черных евнухов, женщин при этом он не видит. В этой комнате мальчики находятся в присутствии двух старых черных рабов. Наставник обучает детей в течение стольких часов, сколько ему позволят там оставаться, после чего он покидает гарем. Когда наследник престола завершает начальное образование и проходит процедуру обрезания или же когда султан решит удалить сына с глаз своих, то дарует ему собственное хозяйство, где есть абсолютно все необходимое для жизни царственного отпрыска, придает ему одного из главных евнухов в качестве куратора (лала-паша), постепенно обеспечивает сына штатом слуг из числа уже работающих в Серале либо набранных за его стенами, а также определяет ему и всем остальным такое денежное содержание, какое сочтет нужным.

Школа состояла из нескольких комнат, отделанных в стиле рококо, — это явное французское влияние говорит о более позднем времени их декорирования по сравнению, например, с обычной отделкой изразцами помещений, часто использовавшихся в качестве прихожих. В одной из школьных комнат имеется отличная карта Мекки, полностью составленная из изразцов, она датируется примерно 1665 годом. Великолепные образцы куфических надписей над дверями и необычные деревянные панели на дверях вновь заставляют вспомнить дворец Альгамбра в Гранаде.

Покои кызлар-аги (поз. 37) небольшие по размеру и очень уютные. Они состоят из нескольких комнат: столовой, которая особенно радует глаз, спальни, курительной и туалета. В настоящее время все они открыты для публики, и их стоит посмотреть.

По правую сторону внутреннего дворика располагались апартаменты казначея и гофмейстера (поз. 38,39). Как уже говорилось, непосредственно в этот дворик выходит дверь гарема. За этой дверью — дворик султан-валиде (матери царствующего султана) (поз. 64), он находится слева, а если пойти прямо, то за маленькой дверью в углу прихожей, или комнаты стражей гарема (поз. 42), откроется Золотая дорога.

Теперь давайте подробнее поговорим о том, сколько черных евнухов работало в гареме и какие обязанности на них возлагались. Поначалу статус белых евнухов был выше, чем черных, однако по причине совершенных ими многочисленных краж и растрат они постепенно утратили свои позиции, и их полномочия были частично переданы черным евнухам, в определенной степени являвшихся соперниками. В 1591 году власть белых евнухов резко ограничил султан Мурад III. Особо пострадал их начальник — ведь он был лишен не только высокого поста «господина девушек», но и весьма доходной должности назира, или управляющего вакуфами — пожертвованиями мечетям империи и священным городам Мекке и Медине. С тех пор полномочия кызлар-аги

постоянно расширялись. Он стал начальником корпуса алебардщиков в ранге паши с тремя бунчуками¹ и посыльным между султаном и великим визирем в особых, требующих конфиденциальности случаях. Только начальник черных евнухов пользовался привилегией держать у себя в услужении и евнухов, и девушек-рабынь. Кроме того, он владел 300 лошадьми и был единственным, кто мог обращаться к султану в любое время дня и ночи; о нем говорили как о «самом известном из приближенных к султану сановников, достойном доверия монархов и правителей». Его боялись больше всех, и поэтому со временем он превратился в самого корыстного чиновника во всей Османской империи. Естественно, он был членом Тайного совета; кроме того, после консультаций с матерью правящего султана он проводил назначения на вакантные должности, причем не только в Серале, но и за его стенами. Если кто-то стремился получить от султана какие-то милости и пытался добиться желаемого, действуя через его мать, миновать кызлар-агу было невозможно. Как уже говорилось, многие прежние должности и полномочия белых евнухов были отданы черным евнухам. В правление некоторых султанов отдельные посты вновь возвращались белым евнухам. Этим и объясняются противоречия в записках разных авторов. Во времена д'Оссона у кызлар-аги в подчинении были четыре начальника внешней службы.

Чадыр-михтер-баши — главный смотритель навесов и павильонов султана. У него под началом был корпус из 800 человек, состоявший из четырех отрядов по 200 человек. Особое место среди них занимали 40 везнедаров, в чьи обязанности входило взвешивание полученных султаном денег. Командовал ими везнедар-баши, начальник государственной казны, хранившейся в Первом дворе. В этот корпус также входили палачи, ожидавшие приказаний у Центральных ворот.

¹ Б у н ч у к — пряди из конских волос на древке — символ власти турецких пашей XV—XVIII веков. (Примеч. пер.)

Хазынедар-баши — управляющий внешней казной. Со своими двадцатью помощниками он отвечал за порядок в архиве финансовых документов, а также в хранилищах шуб для почетных гостей, шелковых мешков и златотканой парчи, использовавшихся министерством при рассылке приказов.

Базеркьян-баши — поставщик муслина, хлопковых, шелковых и льняных тканей и подобных товаров для двора султана.

Пешкешджи-баши — хранитель подарков; в его ведении находились все подарки, поднесенные султану как его подданными, так и иностранными послами от имени своих правителей.

Во времена Сулеймана Великолепного все перечисленные чиновники подчинялись капы-аге — начальнику белых евнухов.

Одеяние кызлар-аги состояло из нижней сорочки травчатого шелка с широким, обернутым вокруг талии кушаком. Сверху, обычно почти полностью закрывая нижнюю сорочку, надевался халат из зеленой, синей или красной материи с длинными, почти до земли рукавами. Халат отделывали соболем или другим ценным мехом. На голове кызлар-ага носил, слегка сдвинув на затылок, огромный тюрбан с конусообразной тульей.

Здесь, вероятно, следует упомянуть о коллекции кукол, выставленной сейчас в галереях церкви Святой Ирины в Первом дворе Серая. В этом представляющем несомненный интерес собрании представлены костюмы различных должностных лиц Османской империи. Коллекция была изготовлена по приказу Абдул-Меджида (1839—1861). Нет сомнения, что тогда костюмы на всех куклах полностью соответствовали подлинным. Но с тех пор собрание неоднократно перевозилось с места на место, и, когда в 1914 году оно наконец вернулось в церковь Святой Ирины, многие куклы были повреждены, одеты не в свои костюмы, некоторые одежды изорваны до такой степени, что не подлежали ремонту, а большая часть пояснительных надписей безнадежно пе-

репутана. Даже кукла кызлар-аги оказалась совершенно неправильно одетой. У меня есть рисунок, где она изображена в настоящем костюме черного евнуха, который полностью соответствует приведенному выше описанию, за исключением того, что рукава не такие длинные. В путеводителе 1924 года доктор Мамбури говорит, что все куклы коллекции были поделены на тридцать одну группу; в наши дни любые попытки разыскать все фигурки или правильно, в соответствии с первоначальным планом, сгруппировать их безнадежны. Конечно, коллекция остро нуждается в реставрации — ведь, как написал Мюррей, «нигде больше посетитель не сможет получить такое яркое представление о необычной жизни старой Турции, после реформ Махмуда II навсегда ушедшей в небытие».

Скорее всего, кызлар-ага был невероятно богатым человеком и редко оставлял пост по собственной инициативе. Тем не менее такое тоже бывало, и в таких случаях его отправляли в Египет. Некоторые главные черные евнухи приобретали собственность в Египте с единственной целью: чтобы, удалившись от дел, провести остаток жизни среди восточной роскоши. Покупка собственности в Египте не вызывала недовольства султана — ведь он сам являлся наследником имущества кызлар-аги и знал, что со временем все отойдет империи. При выходе в отставку кызлар-аге выдавалась большая пенсия.

Балтаджи, неграм и женщинам, работавшим в Сера-ле по найму, жалованье выдавал секретарь кызлар-аги; он также занимался учетом получаемых мечетями доходов и других денежных поступлений, шедших на пополнение казны его хозяина. И все же, несмотря на столь высокое положение и важность занимаемой им должности, главный черный евнух был жестоким, невежественным и корыстолюбивым человеком; передача ему таких широких властных полномочий сыграла заметную роль в приближении конца и в окончательном упадке Османской империи.

За кызлар-агой следующей по значимости была должность хазынедар-аги, главного казначея, который часто наследовал пост кызлар-аги. В его ведении находилась финансовая сторона жизни гарема и балтаджи. Каждый квартал он предоставлял соответствующий отчет казначею оды. Хазынедар-ага имел ранг паши с тремя бунчуками. Его заместитель назывался хазын-векилом.

Ниже хазынедар-аги на иерархической лестнице стоял баш-муссахиб, исполнявший функции порученца в сношениях султана с кызлар-агой. У него под началом было восемь или десять муссахибов; в течение дня они по двое несли дежурство, готовые в случае необходимости передать распоряжение султана главе гарема.

Кроме того, существовали должности ода-лалы — главного камергера, баш-капы-оглана — главного привратника апартаментов и яйлак-баш-капы-оглана, его помощника. Помимо этого, если была жива мать султана, то у нее имелись свои собственные главный евнух, казначей, имам, наставник наследников, хранитель шербетов и другие черные евнухи, занимавшие второстепенные должности, а также многочисленные помощники на все случаи жизни. Таким образом, общее число работников в гареме в период его расцвета не могло быть ниже шестисот—восемисот человек. Авторы раннего периода называли значительно меньшие цифры. Так, около 1517 года Менавино говорит о сорока, а Юнисбей в 1537 году — о двадцати евнухах, однако мы должны помнить, что гарем начал заметно расширяться в правление Сулеймана. При нем в гареме было всего триста женщин, а при Мураде III соответственно увеличилось и число евнухов. В начале XVII века О. Бон писал, что только вход в покои султанш охраняли тридцать евнухов. Д'Оссон приводит цифру двести, а оценки более поздних авторов колеблются между тремястами и пятьюстами. Только совсем недавно, когда были получены новые данные о работавших в Серале, фактическом количестве и расположении комнат, перехо-

дов в гареме, мы смогли представить, сколько людей там работало, если всего лишь одну дверь охраняли тридцать человек. Безусловно, в различные периоды число слуг было то большим, то меньшим, но с полной определенностью сказать что-либо нельзя. Рядовые черные евнухи выполняли в основном функции стражников, охранявших не только внешние и внутренние двери, но также проходы, внутренние дворики и кладовые. Более конкретные обязанности существовали либо у очень молодых, либо у старых и опытных евнухов. Следует учитывать, что чернокожие евнухи, подобно аджем-огланам, проходили длительную и тщательную подготовку. Давайте еще раз обратимся к Бону, великолепно описавшему этот процесс: «До определенного возраста за мальчиками следят и готовят к службе другие юные обитатели Сералья. Затем их переводят в качестве младших евнухов в услужение к наложницам и султаншам; там они работают под руководством кызлар-аги, или «госпожина девушек». Они получают весьма приличное жалованье — от 60 до 100 асперов в день, кроме того, ежегодно им положено два халата из отличнейшего шелка, одежда и другие необходимые вещи. Помимо этого, на них как из рога изобилия сыплются подарки от обитательниц гарема. Им дают имена цветов: там есть Гиацинт, Нарцисс, Роза, Гвоздика; поскольку они работают у женщин, их имена должны вызывать приятные ассоциации — с чистотой, непорочностью и благоуханием».

Евнухам доверяют передавать записки от султана к его женам и наоборот, заключать небольшие сделки, посещать мужскую половину, относить письма капы-аге для последующей передачи султану и выполнять многие другие поручения подобного рода. Однако с того момента, как евнухи попадают в Сераль, им не позволяется выходить за его стены без особого разрешения султанши, пусть даже их об этом слезно умоляет какая-нибудь из младших жен. Ни одному из белых евнухов ни при каких обстоятельствах не разрешается приходить

в гости к его черным собратьям. Даже главного врача проводят через двойной строй черных евнухов, не давая даже мельком взглянуть на обитательниц гарема, и протянутая рука пациентки — это самое большее, что ему разрешено обследовать.

Об обязанностях черных евнухов мы уже говорили, когда вели речь об их квартале, расположенном между Вторым и Третьим дворами.

Использование турками евнухов и происхождение этого обычая

Несмотря на то что использование евнухов для охраны женщин практиковалось как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке на протяжении столетий, эта практика не была известна туркам, и они не испытывали в этом необходимости, до тех пор пока не перенесли свою столицу в Европу и не начали перенимать обычаи византийских греков. Для Константинополя использование евнухов не было новинкой, и хотя это было запрещено Домицианом¹ в I веке нашей эры, в литературе постоянно встречаются упоминания о евнухах Византии.

Первые султаны ничего не знали о евнухах, равно как и о гареме, королевском уединении, сложных придворных церемониалах и о правительстве, почти целиком состоявшем из попавших в неволю христиан.

Турки начали прибегать к услугам евнухов не ранее начала XV века. В 1361 году главным городом страны стал Адрианополь, постепенно он обретал черты настоящей столицы: были возведены оборонительные сооружения, общественные здания и мечети, построен дворец султана. Со временем турки стали находить византийский обычай королевского уединения все более

---

¹ Д о м и ц и а н (51—96 гг.) — римский император. (Примеч. пер.)

привлекательным, они позаимствовали у византийцев принципы охраны правителя, которые те использовали для обеспечения безопасности своего государя, а вскоре появились гарем и евнухи. Эти два института всегда существовали вместе. Деспотия и многоженство породили необходимость появления евнухов, а заповеди Корана были забыты на удивление быстро. Конечно, этому очень способствовало стремительное развитие Османской империи. После все новых и новых побед в различных регионах Болгарии, Хорватии и Греции, а также в Малой Азии, Сирии, Египте и Персии в империю приток рабов был непрерывным. Среди невольников обоего пола, которых эмиры покоренных стран дарили султану, чтобы завоевать его расположение и заручиться его покровительством, часто были и евнухи. Поскольку новинка имела успех, то появилось и предложение. По мнению турецких историков, институт евнухов в Турции зародился в первой четверти XV века при Мехмеде I и Мураде II. Судя по всему, это относится только к белым евнухам. Чернокожие появились около 1475 года, а ко времени прихода к власти Сулеймана личная охрана прекрасной Роксоланы состояла как из белых, так и из черных евнухов. С переездом гарема султана (ок. 1541 г.) из Эски-Серай в новый дворец на холме Сераль институт евнухов окончательно оформился. По мере роста могущества Оттоманской империи и наполнения ее казны увеличивалось население Сералья, а дворцовые церемониалы по сравнению с прежними временами заметно усложнились. Если раньше для охраны какой-нибудь калитки или двери было достаточно двух евнухов, то сейчас их требовалось десять. Так реализовывалась подлинно восточная любовь к пышности, и былая греко-византийская роскошь возродилась в Османской империи.

Власть евнухов была долгой, и даже в XX веке при Абдул-Хамиде II не меньшей, чем в былые времена.

Трудно назвать более жестокого и злого евнуха, чем Джевхер-ага — человек огромного роста, необъятной

толщины и невероятного могущества, который закончил жизнь на виселице на Галатском мосту. Противоположностью ему был по-девичьи стройный Надир-ага, второй евнух того же периода, купленный в возрасте десяти лет за 150 франков у египетского работоторговца. Революция 1908 года нанесла по прогнившей до основания системе смертельный удар.

Довольно интересно проследить, пусть и очень бегло, происхождение обычая использования евнухов, путь, по которому он пришел в Европу, а также узнать, откуда евнухи попадали в Турцию.

Первые евнухи появились в Месопотамии — государстве, где зародилось множество обычаев, впоследствии переселившихся на Запад. Утверждение Аммиана Марцеллина¹, что первым человеком, кастрировавшим мужчину, была Семирамида, возможно, не столь далеко от истины. Но не стоит воспринимать ее как какую-то богиню из греческих мифов, подобную Иштар, на самом деле Семирамида — это Шаммурамат, правившая Ассирией с 811-го по 808 год до н. э. в качестве регентши. Из дошедших до нас рукописей видно, что в Ассирии услугами евнухов пользовались, и постоянные упоминания о них в Ветхом Завете только подтверждают это. Здесь мы не будем говорить о жреце-евнухе Артемиды Эфесской, об Атаргатис² и о культе Кибелы³ и Аттиса⁴, не будем касаться религиозной содомии, широко распространенной не только в Африке, но и среди древних семитов и американских аборигенов. Я упоминаю об этих необычных культах для того, чтобы показать, как традиция кастрации по религиозным соображениям по-

---

А м м и а н М а р ц е л л и н (ок. 330—395) — римский историк. (*Примеч. пер.*)

² А т а р г а т и с — сирийская богиня плодородия, культ имел оргиастический характер. (*Примеч. пер.*)

³ К и б е л а (Великая мать, Мать богов) — фригийская богиня — олицетворение матери-природы; в честь ее жрецами справлялись мистерии с обрядами самоистязания. (*Примеч. пер.*)

⁴ А т т и с — бог плодородия во фригийской и древнегреческой мифологии. (*Примеч. пер.*)

степенно перебиралась на Запад: из Месопотамии — в Сирию, из Сирии — в Малую Азию, а оттуда — в Европу.

Однако этим порочная связь религии и евнухов не ограничилась, и противоестественный рост числа приверженцев аскетизма в раннехристианской церкви был столь же непреодолимым, сколь и удивительным. «Евнухам открыты двери в Царствие Небесное», — провозгласил Тертуллиан¹, и Ориген² — лишь один из многих, кастрировавших себя сам. Моральные заповеди отцов церкви (как следует из работ Афанасия, Климента Александрийского, святого Иеронима, святого Амвросия и Григория Нисского)³ отстаивали абсолютную необходимость чистоты и непорочности любой ценой, и женщины рассматривались как препятствие на этом пути. Данная доктрина была опасной по своей сути, наверняка она принесла людям много несчастий. Вина за поощрение порочной практики кастрирования мальчиков для папского хора Сикстинской капеллы ради сохранения их голоса лежит и на церкви. Несмотря на то что Бенедикт XIV осудил ее, она продолжала существовать до вступления на папский престол в 1878 году Льва XIII. То же можно сказать и о использовании певцов-евнухов на итальянской оперной сцене, где в XVIII веке кастраты пользовались огромной популярностью.

¹ Т е р т у л л и а н Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — ок. 230) — христианский богослов и писатель, подчеркивал пропасть между верой и разумом, выступал как приверженец римского стоицизма. (*Примеч. пер.*)

² О р и г е н Александрийский (ок. 185—253 или 254) — христианский теолог, философ и ученый. Его доктрина об аскетическом самопознании и борьбе со страстями оказала сильное влияние на становление монашеской мистики в IV—VI веках, влияние его идей испытывали многие мыслители Средневековья. (*Примеч. пер.*)

³ Вероятно, имеются в виду А ф а н а с и й Афонский (ок. 920—1000) — византийский религиозный деятель; К л и м е н т Александрийский (ок. 150—215) — христианский миссионер; с в я т о й И е р о н и м (347—419) — христианский деятель; с в я т о й А м в р о с и й Медиоланский (ок. 339—397) — христианский деятель; Г р и г о р и й Н и с с к и й (ок. 335 — ок. 394) — церковный писатель, последователь Оригена. (*Примеч. пер.*)

стью; имена певцов — Николини, Гримальди, Сенеси-но, Фаринелли — и многих других узнала вся Европа.

Из числа евнухов, кастрированных по религиозным соображениям, нам осталось упомянуть только о скопцах. Впервые о них узнали в 1772 году в деревнях недалеко от Орла, в Белевском и Алексинском уездах. Эта тайная русская секта, первоначально насчитывавшая всего шестьдесят человек, в настоящее время состоит из ста тысяч членов, причем многие из мужчин не подвергались кастрации. Одно из поверий скопцов гласит, что Адам и Ева были созданы бесполоыми и что после грехопадения половинки запретного плода превратились в яички и груди. Отсюда следует вывод: долг скопцов — с помощью ножа восстановить созданный Богом образ. Эта секта почему-то очень нравится финнам, для которых вообще характерна страсть к религиозному фанатизму.

Но давайте вернемся к евнухам, кастрированным, так сказать, ради дальнейшего использования для охраны гаремов. Из Ассирии такая практика распространилась в Персию, и персы, вероятно, первыми стали подвергать этой операции пленных для определенной цели; во всяком случае, о персах это известно точно. Когда в 538 году до н. э. Кир захватил Вавилон, то решил, что раз уж у евнухов нет собственных семей, то кроме своего хозяина им некого любить и некому служить. Как писал Ксенофонт, аргументация царя была следующей: «Он считал, что раз у евнухов не было любимых [семей], они превыше всего будут ценить того, кто имеет возможность сделать их богатыми, кто станет их защитником, если им попытаются причинить зло, кто даст им должность, на которой они будут пользоваться почетом. Никто, полагал он, не сможет превзойти его самого в даровании таких милостей. Кроме того, поскольку все обычные люди евнухов презирают, им нужен хозяин, способный оказывать покровительство, — ведь каждый считает, что он имеет право в любом удобном случае унижить евнуха, если только какая-то высшая сила не воспрепятствует ему. С другой стороны, нет причин,

почему евнух не может быть более верным слугой своему хозяину, чем другой человек. Он не боялся, что очень многие будут склонны воспринимать евнуха как какое-то слабое существо, и приводил в пример животных: норовистые кони после оскопления прекращают кусаться и подниматься на дыбы, однако они не меньше других годятся для войны; кастрированные быки теряют упрямство и становятся более управляемыми, при этом их сила и работоспособность сохраняются. То же относится и к собакам, которые после кастрации перестают убегать от хозяев, но не утрачивают способности нести охрану и охотиться. Подобным образом и мужчины после лишения их половой функции становятся более мягкими и смирными, но не менее усердно выполняют порученное дело; они так же хорошо, как и раньше, ездят на лошади, так же умело владеют копьем и столь же амбициозны. Напротив, и в дни войны, и на охоте они показали, что в их душе сохранился дух соперничества; они показывали чудеса верности, когда их хозяин оказывался в беде. И если мнение об их некоторой телесной слабости не лишено оснований, то на поле боя сталь делает слабого равным сильному. Принимая во внимание эти факторы, он взял в свое личное услужение, начиная с привратников, только евнухов».

Несмотря на то что в нескольких случаях, являющихся исключениями из правил, верность суждений Кира нашла подтверждение, в целом наделение евнухов властью не принесло ничего, кроме жестокостей, интриг, подкупа и несчастий.

Геродот рассказывает, как персы кастрировали ионийцев и вместе с самыми красивыми девственницами приводили к своему царю. Так что с практикой оскопления греки были хорошо знакомы с давних времен. На Востоке тоже давно практиковали кастрацию: она широко использовалась в Китае, где процветала вплоть до падения великой пекинской династии.

На Западе вредное влияние азиатской любви к роскоши повлекло за собой появление евнухов в Риме и

Греции. Э. Гиббон¹ так писал о правлении евнухов в Римской империи: «Сдерживаемые суровыми эдиктами Домициана² и Нервы³, взлелеянные пышностью Диоклетиана⁴, утратившие свое положение и ставшие смиренными при благоразумном Константине⁵, они множились во дворцах его слабоумных сыновей и незаметно приобретали знания, а со временем начали управлять созданными Констанцием⁶ тайными советами».

Однако находились люди, отваживавшиеся бороться с этой язвой, разъедавшей сердце империи. Клавдий, один из последних классических поэтов, посвятил целую поэму критике Евтропия — евнуха, пользовавшегося практически неограниченным влиянием на Аркадия⁷. Даже капавший с пера яд не помог ему выразить полностью свою смешанную с презрением ненависть к евнуху и возмущение глубиной падения государства, позволившего править такому ничтожеству: «Наверх стремится этот армянин, в чьей руке никогда не дрогнет нож, делающий мужчин женоподобными и путем такой утраты добивающийся большей верности хозяину. Он лишает тело дающего жизнь вещества из двойного со-

---

Г и б б о н Э д у а р д (1737—1794) — английский историк. (Примеч. пер.)

² Д о м и ц и а н Т и т Ф л а в и й (81—96) — римский император; добивался популярности у плебса организацией зрелищ, игр. (Примеч. пер.)

³ Н е р в а Марк Кокцей (96—98) — римский император; при нем были прекращены процессы по оскорблению величества, очень частые при его предшественниках. (Примеч. пер.)

⁴ Д и о л е к т и а н Гай Аврелий Валерий (284 — ок. 305) — римский император; с его именем связано установление монархии по типу древневосточных деспотий. (Примеч. пер.)

⁵ К о н с т а н т и н Гай Флавий Валерий (Великий) (306—337) — римский император; перенес столицу в Константинополь; христианскую религию сделал господствующей; организовал новое государственное устройство; причислен к лику святых. (Примеч. пер.)

⁶ К о н с т а н ц и й II Флавий Юлий (353—361) — римский император; дворцовая жизнь отличалась большой пышностью; значительную роль играла бюрократия с многочисленными соглядатаями-шпионами. (Примеч. пер.)

⁷ А р к а д и й Флавий (395—408) — первый император Восточной Римской империи; слабый правитель, находившийся в постоянной зависимости от евнуха Евтропия. (Примеч. пер.)

суда и одним ударом отбирает у жертвы способность быть отцом и мужем».

Несмотря ни на что, в Леванте этот обычай продолжал существовать, и к тому моменту, как турки стали запирают своих женщин дома, византийцы уже были в состоянии предоставить им необходимое количество евнухов. Постепенно византийцы перешли к планированию и расширению своей деятельности. Белых евнухов привозили из многих покоренных стран, однако часто они оказывались слишком нежными, их смертность была очень высока. Поэтому предприняли попытку использовать негров, и тут работорговцев ожидал успех; к тому же чернокожие евнухи обходились им значительно дешевле. Так появился спрос на негров-евнухов, и дельцы быстро объяснили африканским вождям, что живой пленный имеет значительно большую ценность, чем мертвый. В этой книге я не буду подробно говорить о расширении работорговли и лишь кратко расскажу о том, откуда привозили этих негров и какой путь они проделывали, прежде чем добраться до конечного пункта назначения. Поток чернокожих рабов полностью шел в магометанские страны, и только по причине отдаленности работорговцы не отправляли их в другой дворец, которому постоянно требовалось большое количество евнухов, — в пекинский Запретный город¹. Главное различие между евнухами в Турции и в Китае заключалось в том, что в Китае это были китайцы, а в Турции — представители любых народов, кроме турок. Что касается Леванта, то для него основными поставщиками евнухов были Египет, Абиссиния и Центральная Африка, и постепенно к белым евнухам из Грузии и Черкесии добавились черные из Абиссинии и Судана. По магометанским законам рабы, захваченные на войне, являлись полной собственностью победителя, и поскольку право собственности можно передать дру-

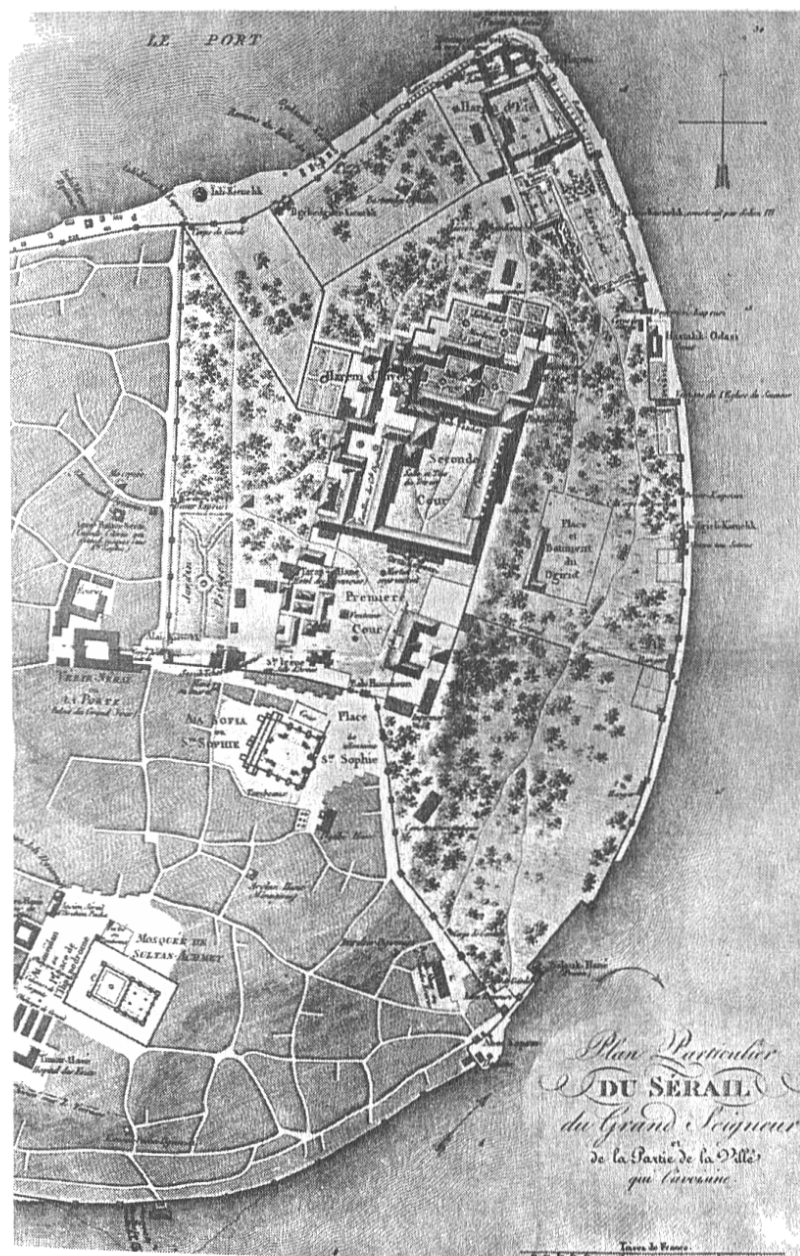
---

¹ Запретный город — дворец китайского императора.
(Примеч. пер.)

гому, то работорговец, купивший негров у какого-нибудь африканского вождя или араба, занимающегося похищением людей, вполне законно мог за деньги уступить свое право владения товаром любому магометанину. Именно поэтому и произошел бурный рост такого прибыльного вида торговли. Основные регионы, откуда доставляли негров, это верховья Белого Нила, главным образом Кордофан, Дарфур и Донгола, а также район Багирми, находящийся к юго-востоку от озера Чад. Помимо этого, чернокожих рабов покупали в Абиссинии — оттуда, из портов Массауа и Суакин на Красном море, и начинался их долгий трудный путь на главные невольничьи рынки: в Смирну, Бейрут, Джидду, Мекку, Медину и Константинополь. Негров из областей в верховьях Белого Нила обычно везли на битком набитых утлых суденышках вниз по Нилу в Александрию. Был и другой путь — через Сахару (часть пути они проделывали пешком, часть — на верблюдах) к городам побережья: Триполи, Тунису и Марокко. Перевозка живого товара была, естественно, непростым и рискованным делом, поэтому на пути следования существовали перевалочные пункты. На Ниле такие пункты были в Гондокоро и Хартуме, а по дороге через Сахару — в Кебабо и Марзуке, в районе Феззана. Именно во время остановок на таких пунктах и проводили кастрацию чернокожих мальчиков. Операция была опасной, в качестве единственного кровоостанавливающего средства использовался горячий песок пустыни, поэтому смертность была высокой. Однако деньги, вырученные за все же добравшихся до места назначения евнухов, в конечном счете компенсировали работорговцам все потери. В караване рабов, помимо мальчиков, было много негритянок, предназначенных для продажи на невольничьих рынках Каира и Константинополя. В дома богатых пашей да и в Сераль евнухов как своего рода предмет роскоши часто продавали по одному. Остальных рабов из каравана вели на невольничьи рынки, существовавшие вплоть до недавнего времени.

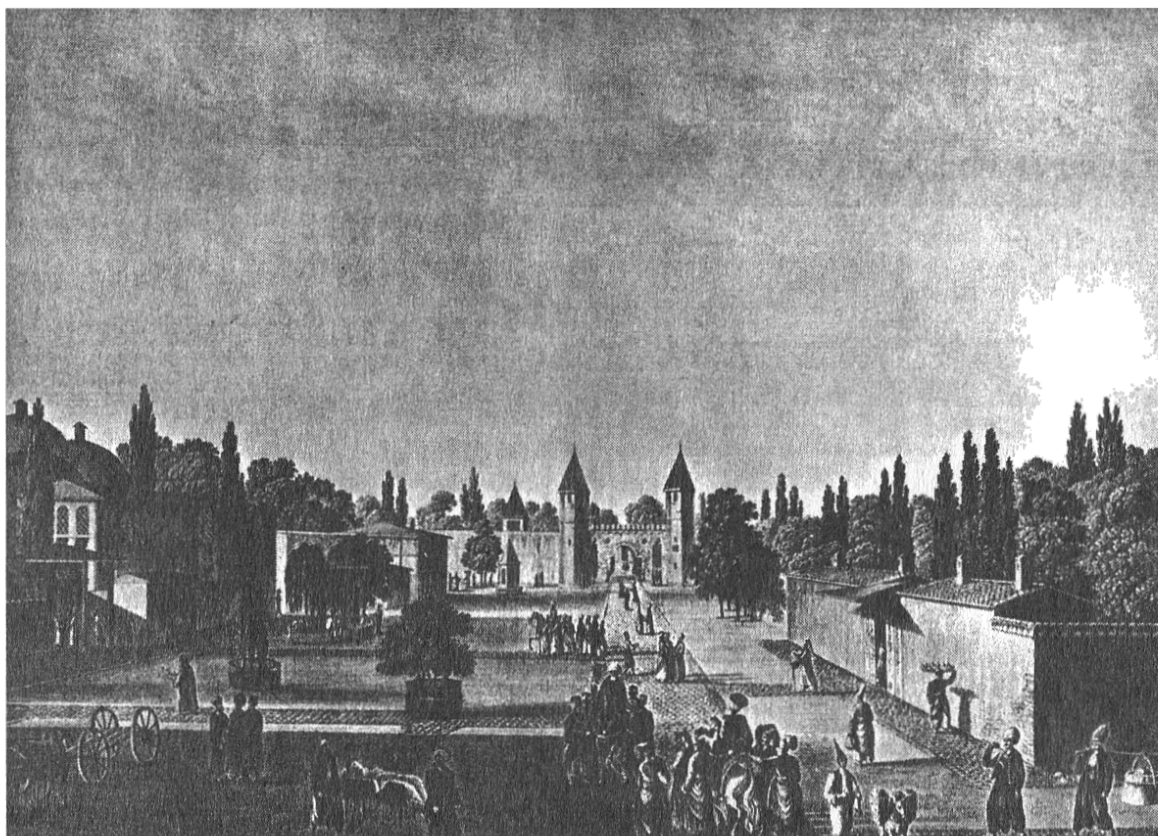

1. Вид на холм Сераль со стороны Галаты. По Грело, 1680 г.

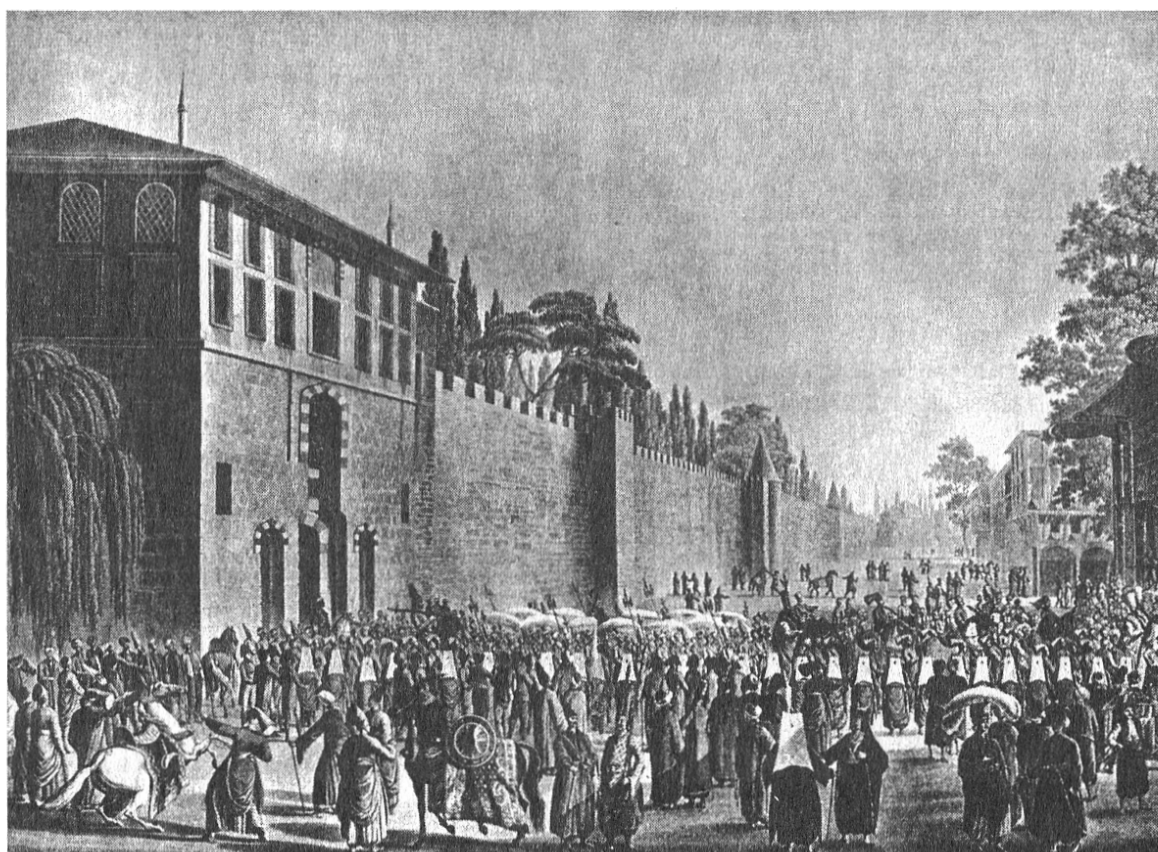

2. План холма Сераль.
По Ф. Кауфферу, 1776 и 1786 гг.

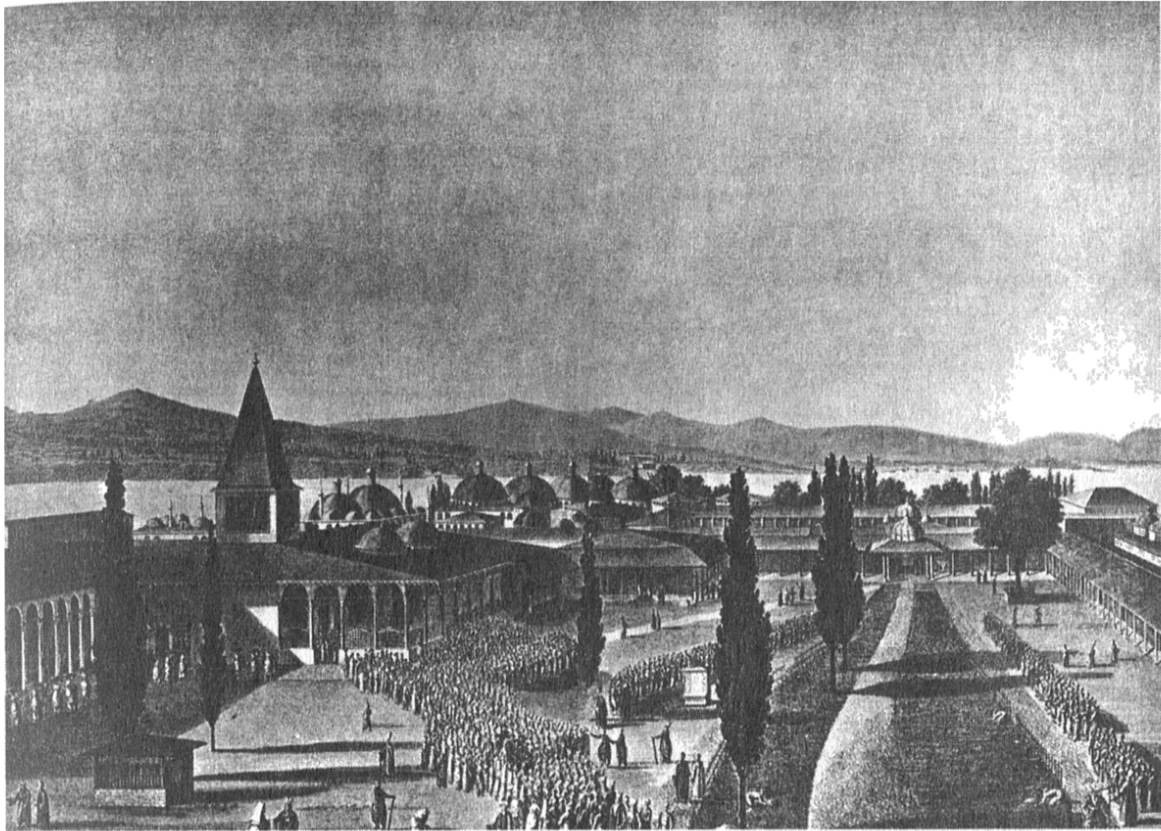

3. Первый двор Серая. С офорта А. Меллинга, 1819 г.

4. Процессия на празднике Байрам. С офорта А. Меллинга, 1819 г.

5. Второй двор Серая. С офорта А. Меллинга

6. Мехмед II Фатих

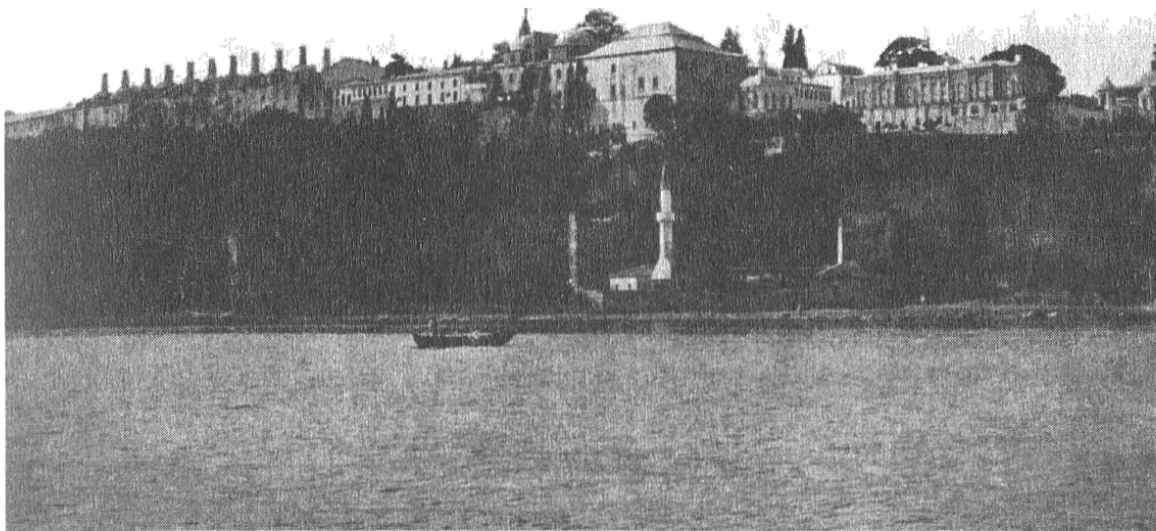

7. Крыши Серая. Вид на селямлик и примыкающие здания

8. Крыши Серая. Вид на здания гарема

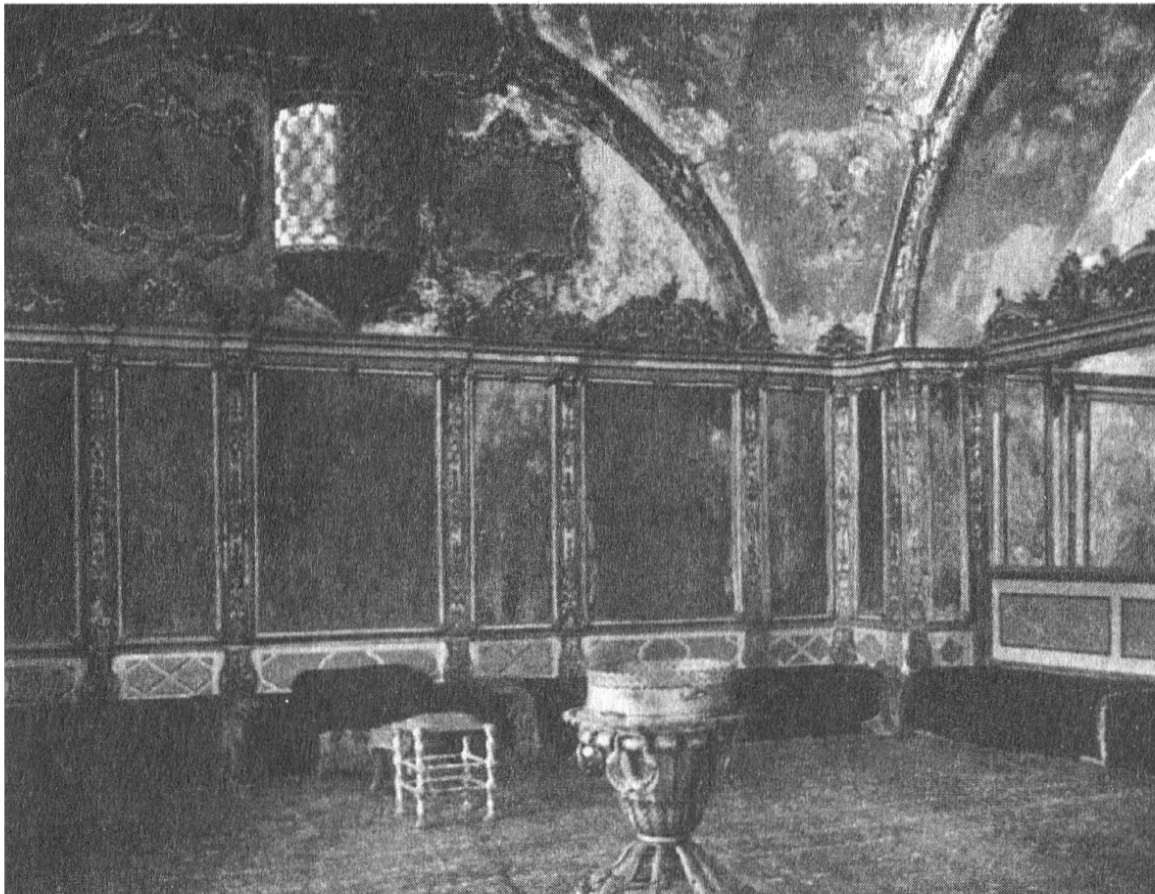
9. Вид на Сераль со стороны Мраморного моря: часть «морской» стены, Мельничные ворота и небольшая мечеть; перед стеной со стороны дворца — железная дорога; слева — ряд каминных труб зданий во Втором дворе; в центре — зал Кампаний, бани Селима II, здание казны; справа — павильон Абдул-Меджида

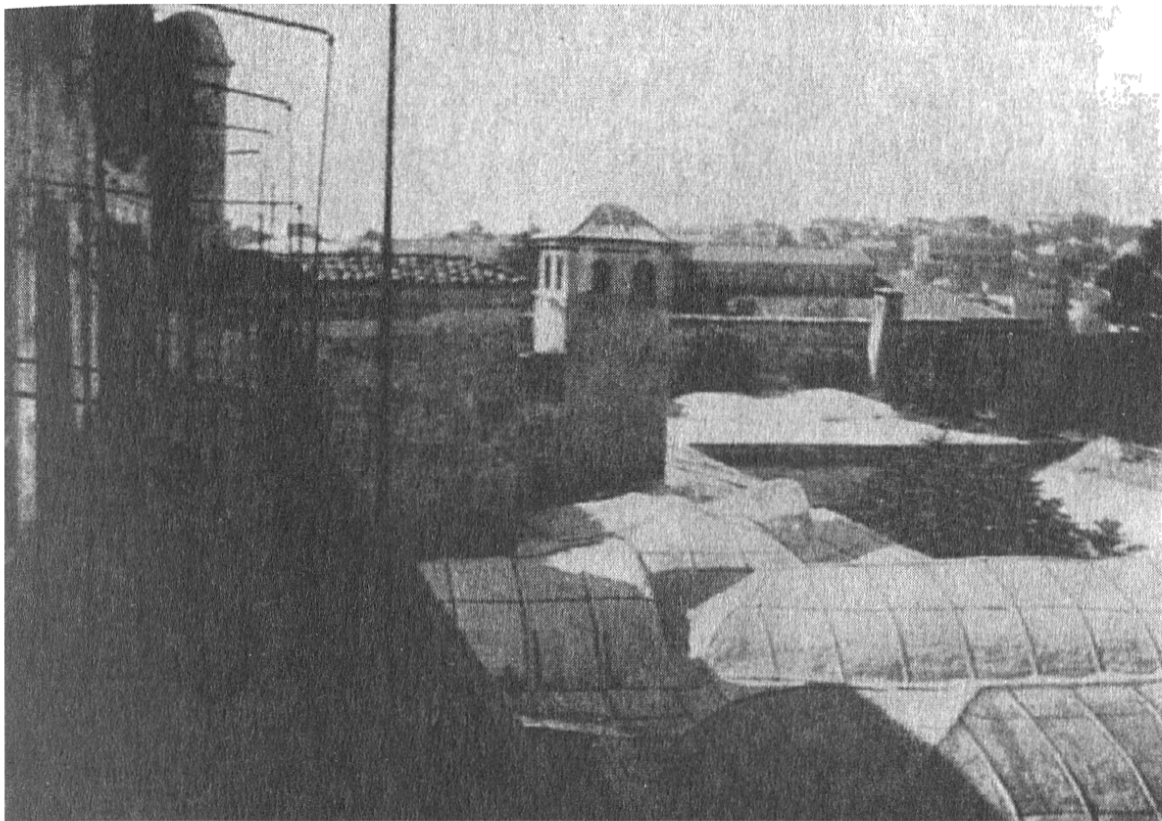
10. Первый двор Сералья: вид на церковь Святой Ирины и Центральные ворота; справа — ряд каминных труб; у ближней стены — здание водопроводной станции; слева — башня Дивана, возвышающаяся над соседними куполами и каминными трубами селямлика и гарема

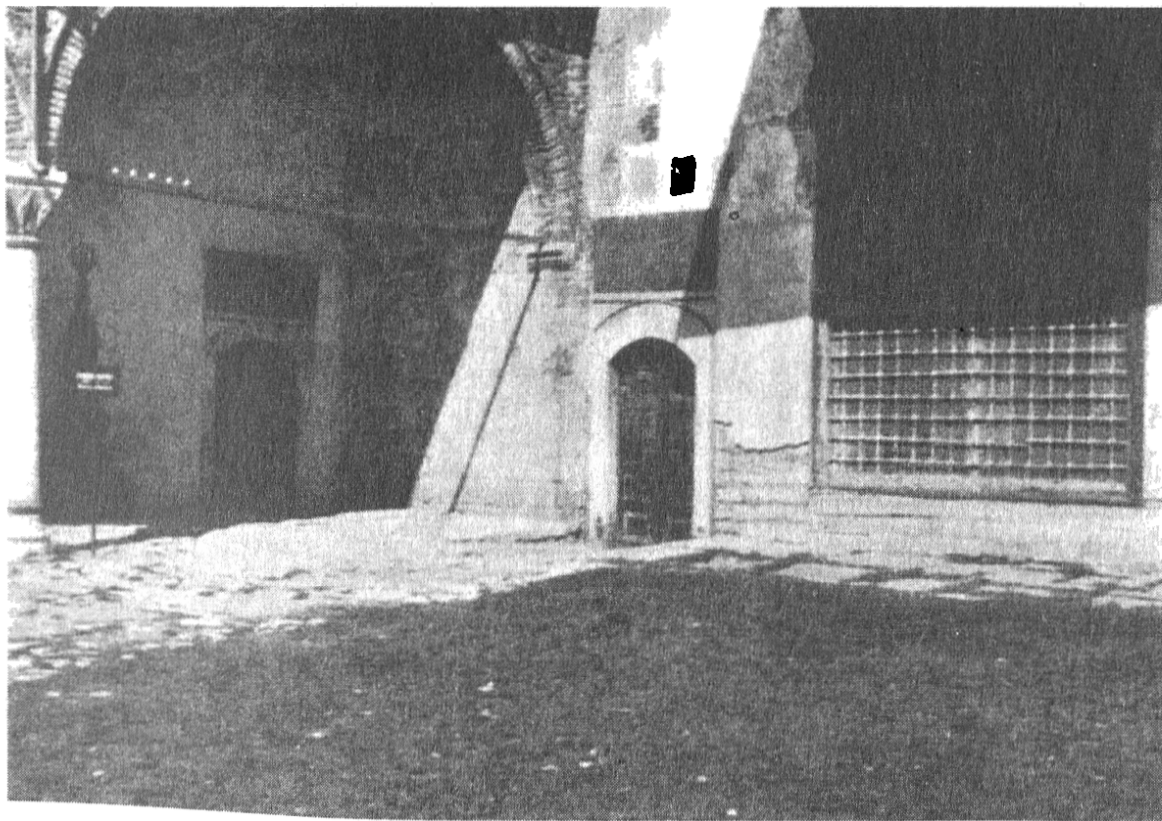
11. Центральные ворота — вход во Второй двор Серая

12. Фрагмент интерьера зала Дивана с зарешеченным окном

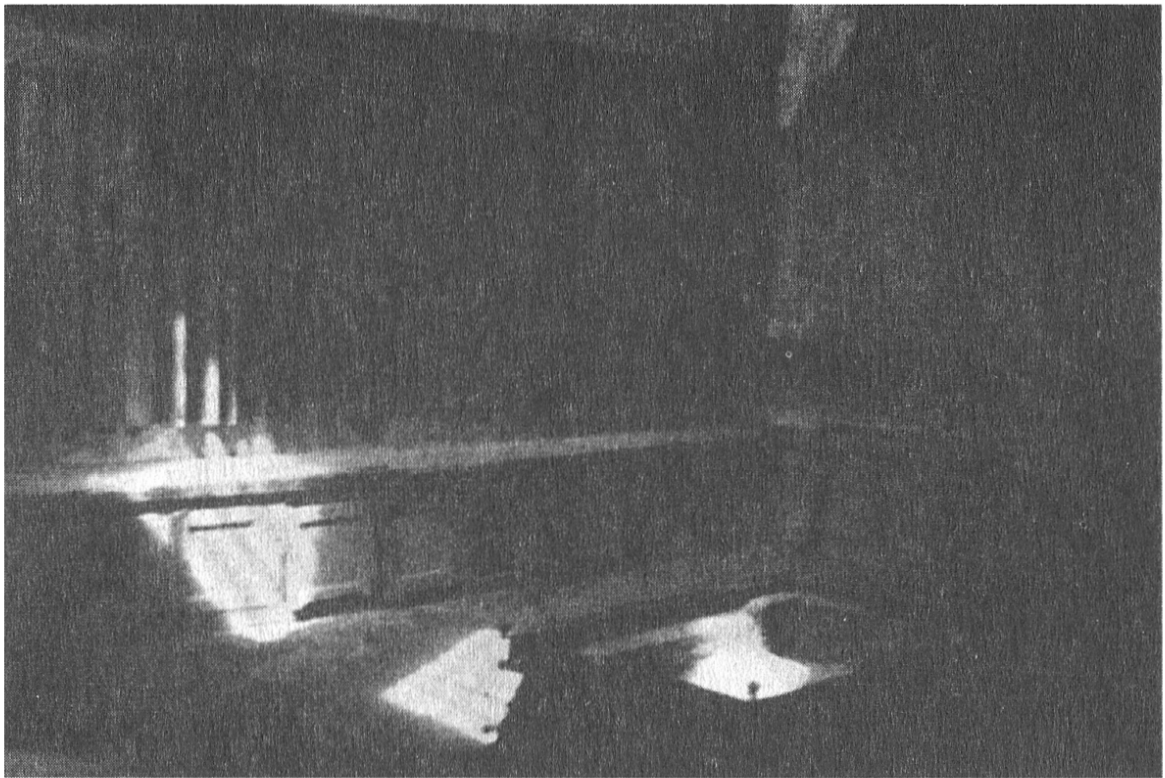

13. Вид с балкона главной няни; под окнами — здание больницы гарема

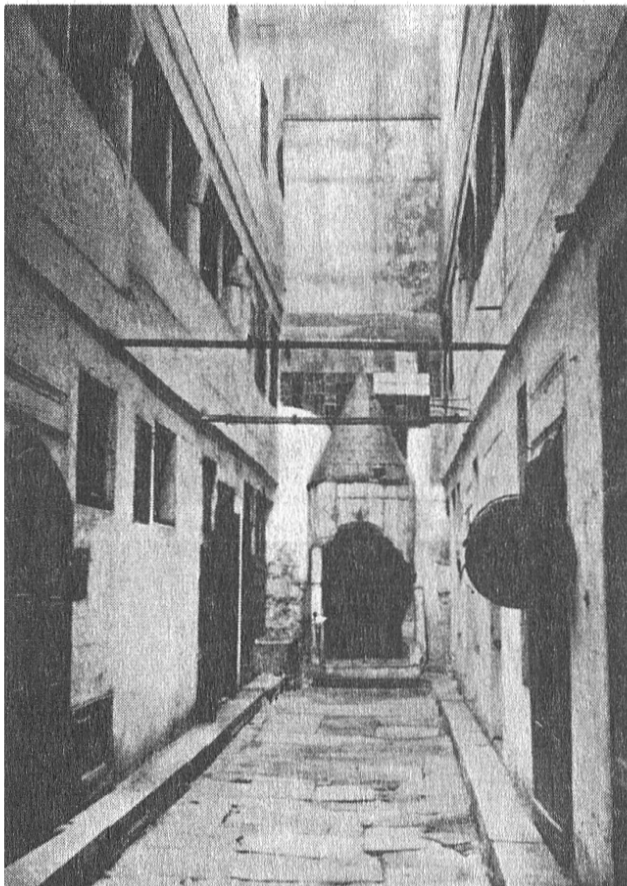

14. Двери в кварталы алебардщиков (слева) и черных евнухов (справа); правая дверь называлась также Каретными воротами

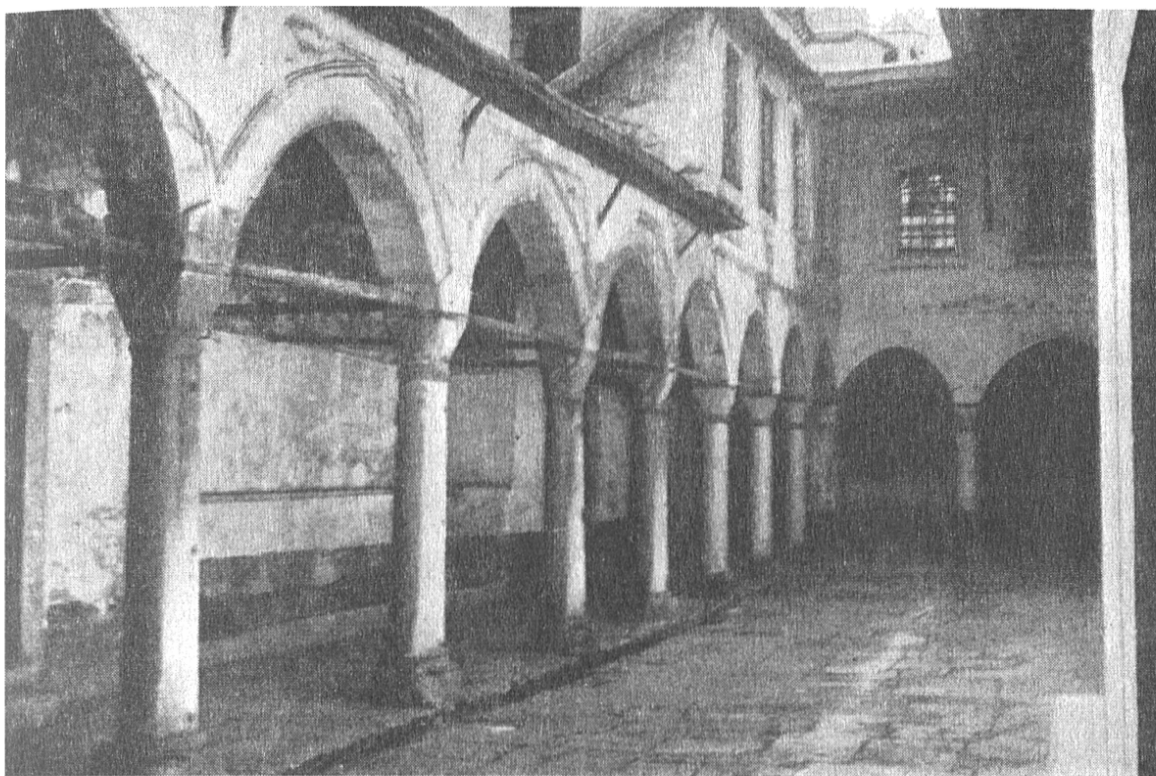
15. Столовая алебардчиков; вдоль стен — два типа шкафов, в центре — жаровня

16. Внутренний дворик черных евнухов

17. Кызлар-ага, или начальник черных евнухов

18. Внутренний дворик гаремных рабынь

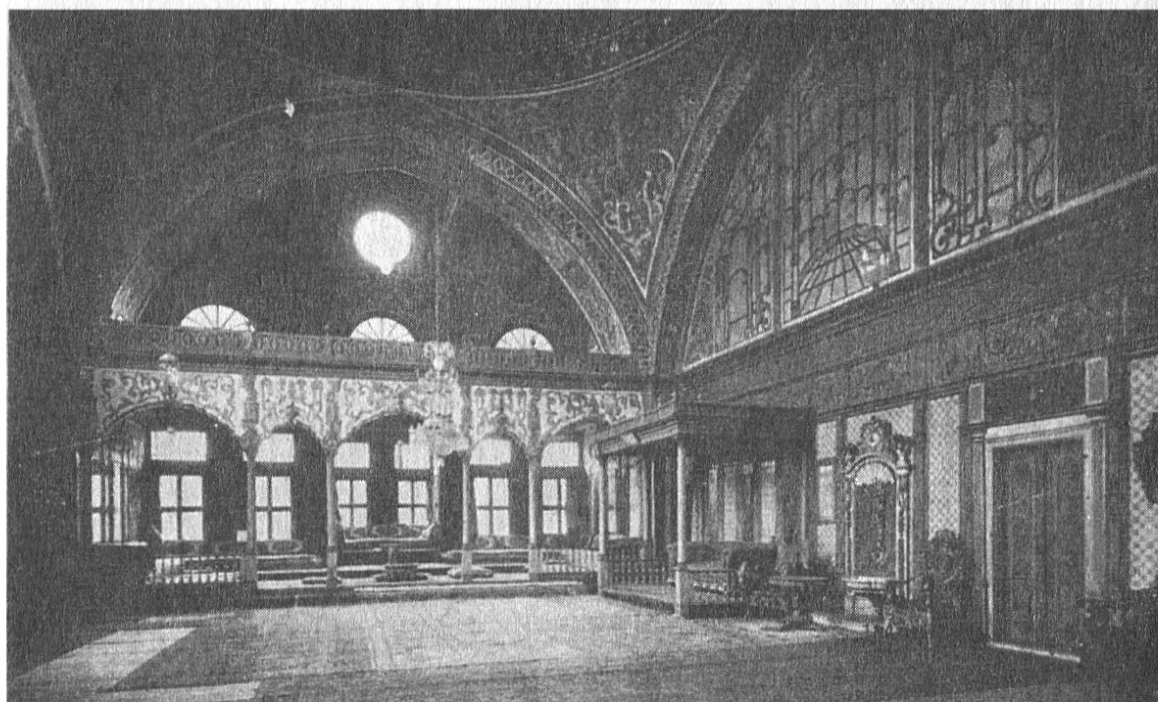
19. Роды в гареме.
Из рукописи Фазиля
«Занан-наме»

20. Султан-валиде

21. Кадина в домашней одежде

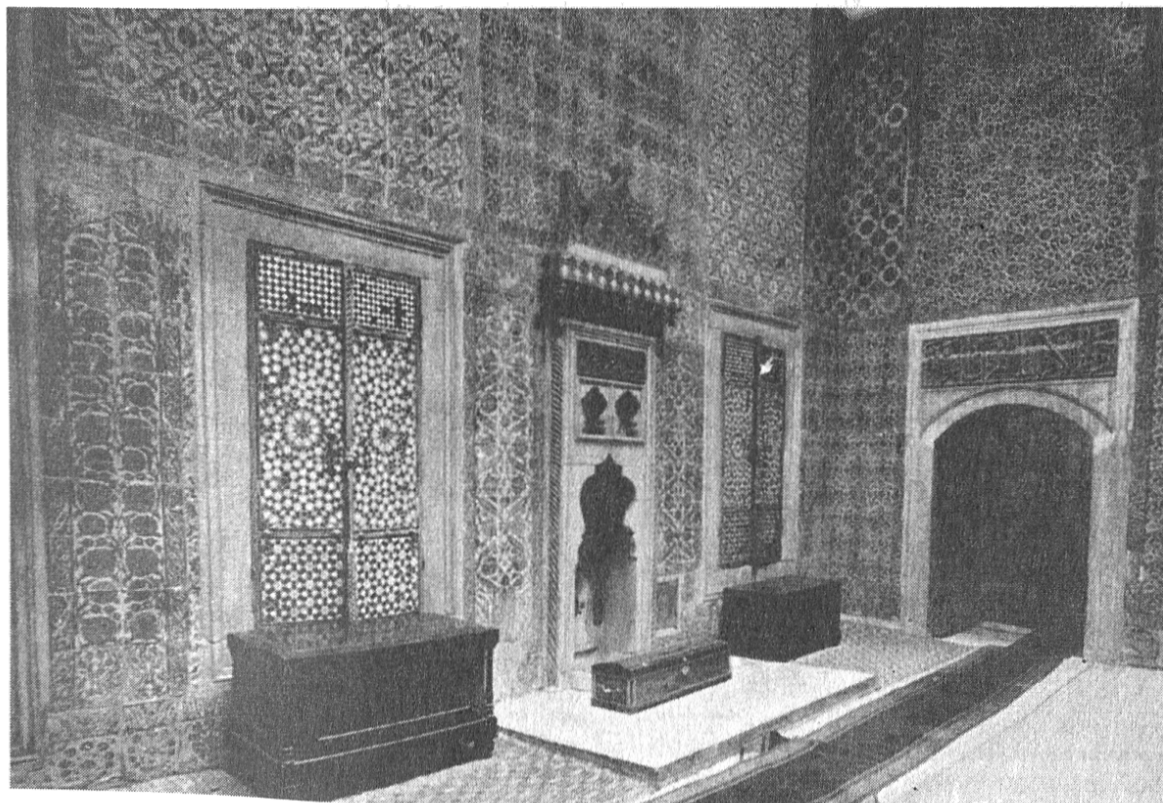

22. Зал Приемов султана

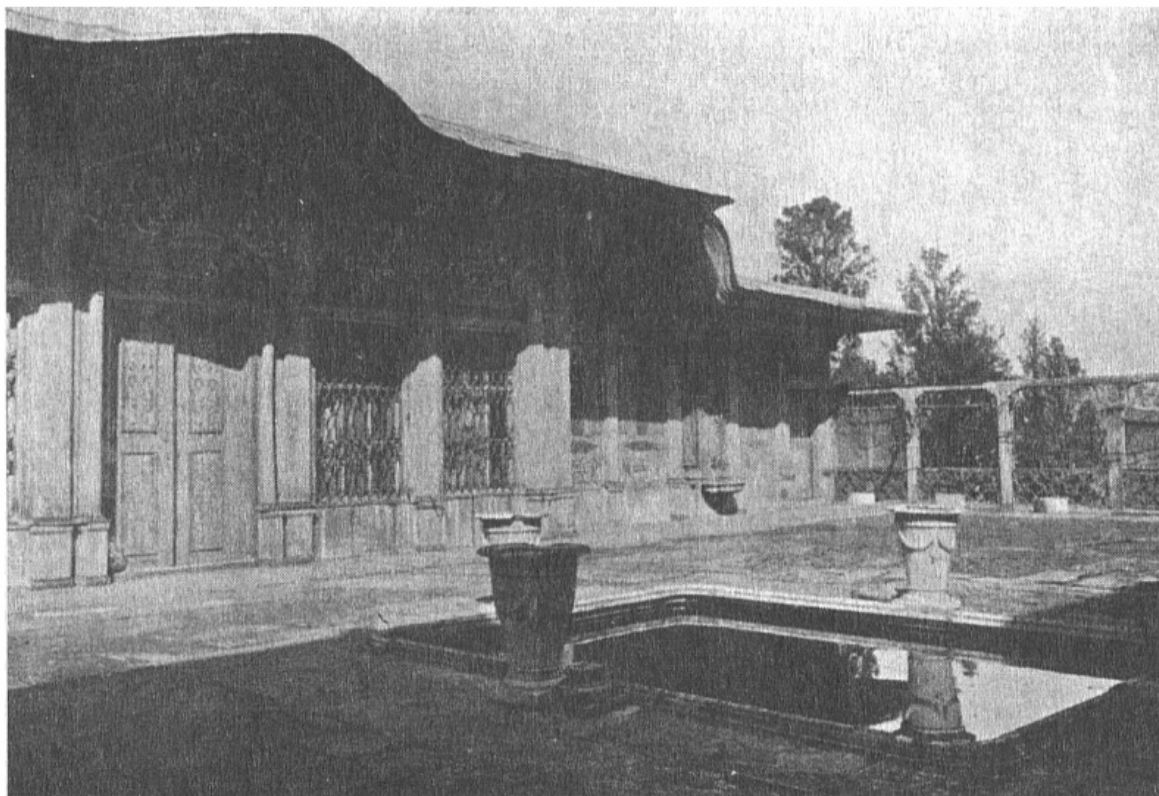

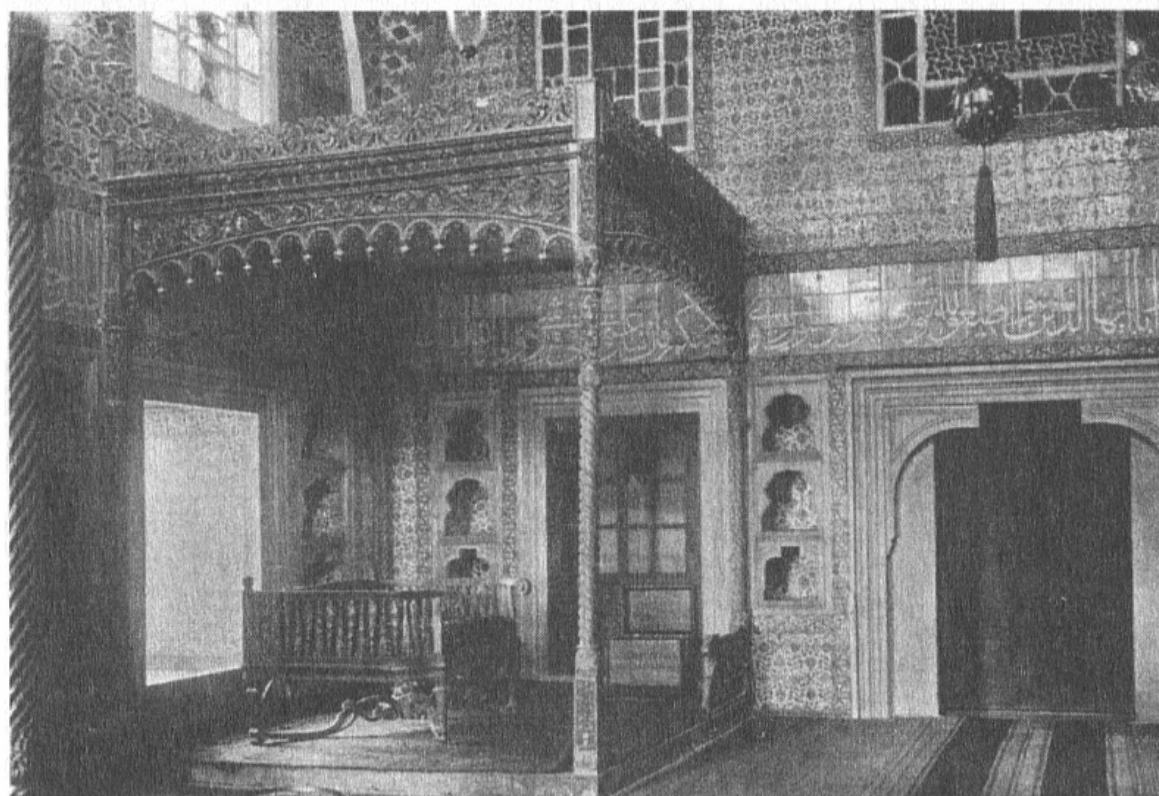
23. Гарем султана. С офорта А. Меллинга, 1819 г.

24. Вестибюль фонтана

25. Павильон и дворик Османа III

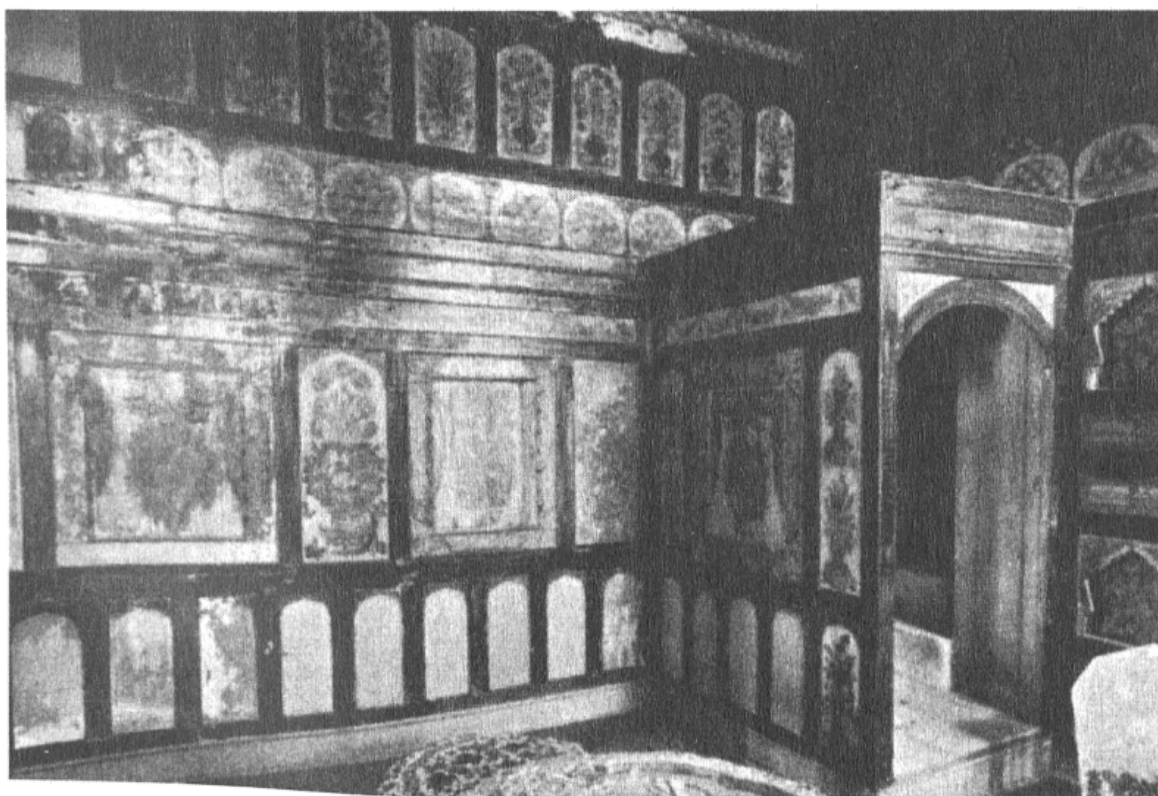

26. Комната Мурада III

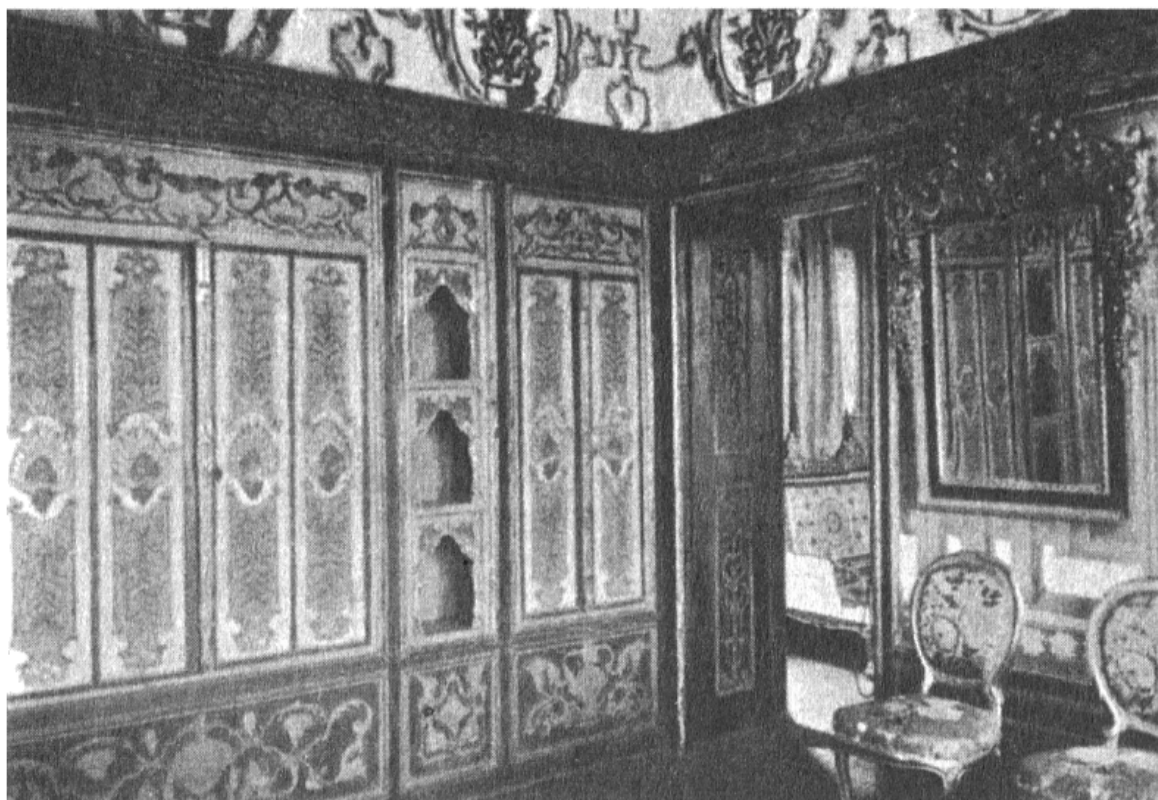

27. Вид из сада Ссраля
на Стенной павильон
Османа III

28. Трапезная Ахмеда III с деревянными панелями и боковой дверью
в зал Приемов султана, украшенными цветочными орнаментами

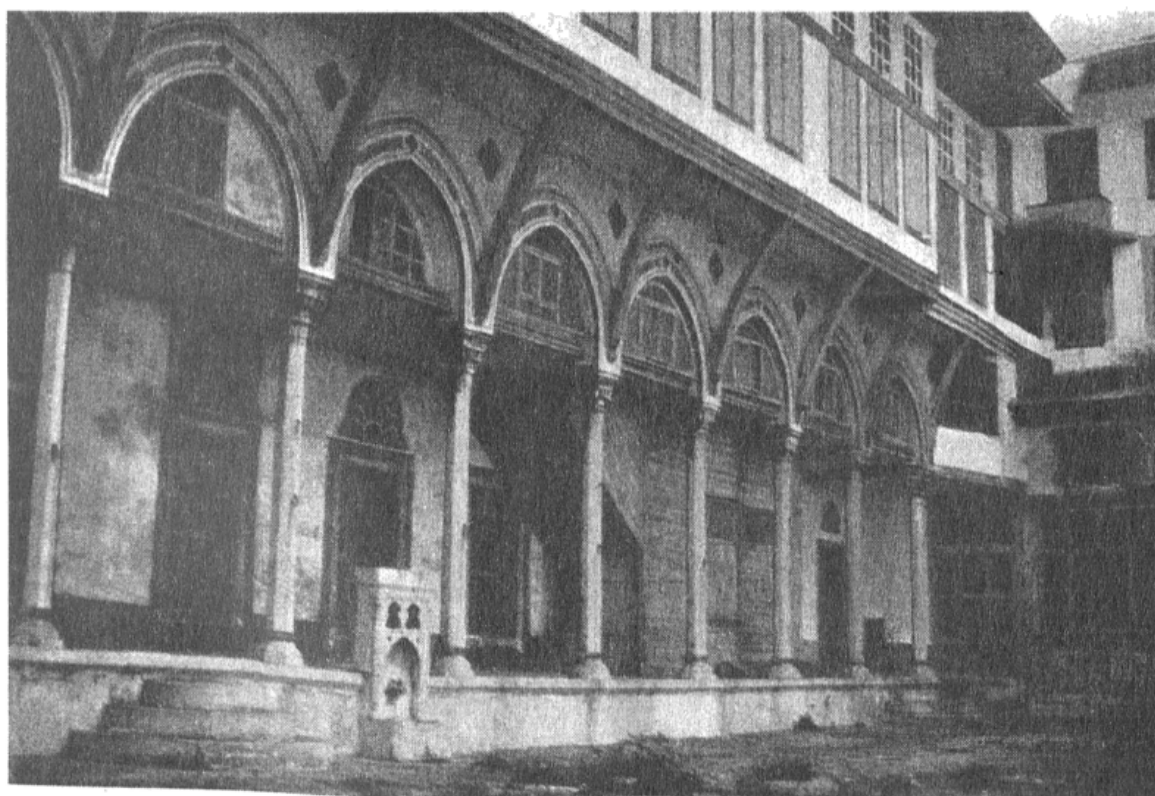
29. Павильон Османа III: одна из малых комнат

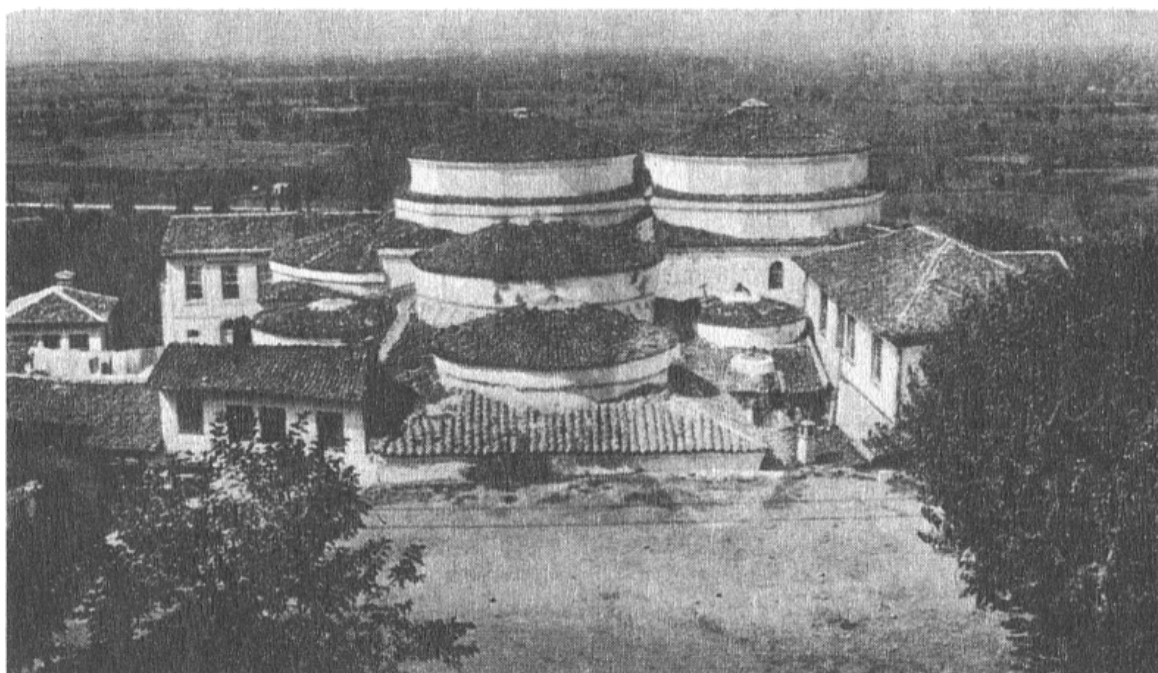
30. Кафес, или Клетка: северо-западная часть здания

31. Коридор «Место сбора джинов», ведущий в Клетку

32. Юго-восточная часть внутреннего дворика Клетки (фото автора)

33. Бани Эски-Каплийя в Чекирдже близ Бурсы

34. Женские бани

Физиологический и психологический аспекты

Я включил в книгу небольшой экскурс по данным проблемам потому, что максимально полное представление о физическом и моральном состоянии евнухов различных типов поможет читателю понять систему гарема, причины ее упадка и окончательного краха, чему в немалой степени способствовало появление института евнухов и рост влияния этих бесполезных, ущербных, неспособных к продолжению рода людей, в которых это общество нуждалось.

С давних времен люди проявляли к евнухам большой интерес. Это вполне естественно: ведь даже уродство всегда вызывало любопытство — ни один бродячий цирк не обходился без сиамских близнецов, бородатой женщины, мальчика-с-пальчика и других мрачных шуток природы.

Однако что касается евнухов, то всем известно, что они не родились такими и что этот ужасный ущерб был нанесен одним человеком другому. Результат виден и слышен, и все понимают, что было тому причиной, а вот способы превращения мужчины в евнуха, похоже, почти никому не известны. Неведение, без сомнения, проистекает не из отсутствия интереса к проблеме, а объясняется несколькими причинами: редкими публикациями в печати, постепенным отмиранием обычая, всегда окружавшей этот грязный бизнес атмосферой секретности. Большинство авторов, писавших о евнухах, скрывали свои имена под псевдонимами, а что касается современных работ, то, за исключением книги Р. Миллана (о ней мы поговорим позднее), их просто нет. Как часто бывает, этимология самого слова заслуживает некоторых комментариев. Следует отметить, что среди ученых нет единого мнения о происхождении хорошо известного всем слова. Так, некоторые немецкие филологи считают, что греческое «эиноихос» заимствовано из семитских языков. Мне не удалось найти этому никакого подтверждения; английские ученые — как

ассирологи, так и специалисты по древнееврейскому языку — не смогли привести никаких доказательств в пользу этой теории. Поэтому, вероятно, следует принять другую давнюю теорию, согласно которой слово «евнух» образовано от греческого «эини» — «постель» и «ох» — «хранить», «содержать». Таким образом, «евнух» буквально означает «тот, кто отвечает за постель». Какое-либо отношение к ассирийскому языку это слово может иметь только через древнееврейское «сарис» — «евнух» — это заимствованное ассирийское «са реси», означающее, как говорится в одной работе по медицине, «ля алиди» — «тот, кто не способен быть отцом». Получается, что в самом слове «евнух» нет намека на физическое состояние человека. Но необходимо отметить, что древнееврейское «сарис» имело два самостоятельных значения: первое — «евнух», второе — «капитан», «высокий сановник» или «гофмейстер». В последнем значении слово встречается главным образом в книгах Ветхого Завета (Второзаконие, Вторая книга Царств), в первом — в Евангелии от Матфея, Деяниях апостолов и Послании к римлянам. Существует еще несколько слов, по смыслу которых можно понять, что они имеют отношение к кастрации, — они обозначают методы ее проведения: сдавливание, отбивание, срезание или выдергивание.

Таким образом, получается, что помимо импотентов от рождения существовало еще несколько типов евнухов. Так, в Евангелии от Матфея (19: 12) мы читаем: «Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного».

Толкователи заявляют, что здесь слово «евнух» употребляется в символическом значении, то есть в том смысле, что люди, посвятившие себя обретению Царства Небесного, не могут удовлетворять требованиям мирской семейной жизни. Ориген всю жизнь раскаивался в том, что слишком буквально трактовал это ме-

сто из Евангелия. Примечательно, что и Мухаммед, осуждая практику «создания евнухов», использует это слово не в прямом смысле и при этом замечает: «В исламе кастрация возможна только в форме поста».

В классические времена существовало несколько типов евнухов:

1. Кастраты — у них срезано все: и пенис, и яички.
2. Спадоны — у них яички удалены путем оттягивания и выдергивания.
3. Тлибии — им яички отбивают, нанося многочисленные удары; в этом случае полностью поражаются семенные железы. Данный метод применяется главным образом при кастрации детей. Еще один тип — тласии — почти полностью соответствует типу 3.

По данным Бертона, на Востоке было известно тоже три типа евнухов:

1. Сандалы, или «сбрито все». Половой орган удалялся полностью одним движением лезвия. В уретру вставлялась оловянная или деревянная трубочка, а рана прижигалась кипящим маслом. После этого пациента помещали в свежую навозную кучу. Его питание ограничивалось молоком. Мальчики, на момент операции не достигшие половой зрелости, часто выживали.

2. Евнухи с удаленным пенисом. Представители этого типа сохраняли способность совокупляться и иметь детей, даже будучи лишенными «самого необходимого», что после открытия каучука им и заменялось.

3. Евнухи, или классические тлибии и семивiry. Они переставали быть мужчинами после удаления яичек (подобно жрецам Кибелы, которых кастрировали каменным ножом) или после их отбивания, перевязывания, прижигания или бинтования.

Похоже, что методы кастрации одинаковы во всех странах, а различия касаются лишь особенностей, связанных с остановкой кровотечения и способами предотвращения отеков каналов. Картер Стент приводит подробное описание метода, принятого в Китае: «Операция проводится по следующей схеме: для того чтобы избе-

жать слишком сильного кровотечения, нижнюю область живота и верхнюю часть бедер плотно обвязывают белыми бинтами. Части тела, на которых будет проводиться операция, трижды моют горячей перцовой водой, при этом будущий евнух находится в горизонтальном положении. После того как место операции тщательно вымыто, все — и яички, и пенис — отрезается «под корень» небольшим, украшенным гравировкой ножом, часто серповидной формы. По завершении собственно кастрации в основное отверстие у основания пениса аккуратно вставляется оловянная пробка. Потом рану покрывают вымоченной в холодной воде бумагой и тщательно перевязывают. После этого пациента заставляют ходить по комнате в течение двух-трех часов в сопровождении двух «хирургов», а затем разрешают лечь. На три дня его лишают всякого питья. Часто пациенты все это время испытывают сильнейшие страдания, причем не только из-за жажды и нестерпимой боли, но и из-за невозможности справить нужду. Спустя три дня повязку снимают, пробку вынимают, и мученик наконец получает возможность обильно помочиться, при этом моча бьет фонтаном. В том случае, если мочеиспускание проходит нормально, это означает, что жизнь пациента вне опасности, с чем его и поздравляют. Однако если несчастный не может мочиться, он обречен на предсмертную агонию, так как отек захватил каналы, и человека уже ничто не может спасти».

Несмотря на то что обычно приводятся явно завышенные показатели смертности, на самом деле этот процент был невелик. Правда, не вызывает сомнения, что смертность чернокожих юношей по вине неквалифицированных «хирургов» могла быть значительной. Но ведь всегда предстоят «потери» в пути. О евнухах Серая Дж. Сэндис и сэр П. Рикан писали, что в своих тюрбанах те носили серебряные трубки, с помощью которых мочились.

Влияние кастрации на умственное и физическое состояние человека зависит, естественно, от возраста, в

котором была сделана операция. Если это ребенок, не достигший половой зрелости, и во время операции соблюдены все меры предосторожности, она не опасна. Если же пациент старше, факторы физического и умственного развития приобретают чрезвычайно важное значение. К этому возрасту мозг уже начал воспринимать зов природы, даже если человек еще не имел половых сношений. Поэтому осознание невосполнимой утраты влечет за собой такие душевные муки и страдания, которых мы не в силах понять. Однако и в случаях, когда мысли и желания сексуального характера человеку были прежде неведомы, постоянное нахождение в окружении женщин подскажет ему — к несчастью, слишком поздно, — какие удовольствия доступны нормальным мужчинам, и тогда к сожалению об утрате добавится невероятная обида, смешанная с отчаянием и жаждой мести. Поэтому неудивительно, что евнухов считали угрюмыми, вечно всем недовольными, инфантильными, мстительными, жестокими и высокомерными, то есть людьми со скверным характером. С другой стороны, им давали совершенно противоположную характеристику: простые, доверчивые, безобидные, часто раболепные, большие любители удовольствий и очень великодушные. Очевидное противоречие в оценках объясняется, вероятно, тем, что на разных людей операция влияла по-разному. И дело здесь не только в возрасте подвергнутого кастрации, который, безусловно, имел значение для формирования его характера, но и в тех обстоятельствах, которые привели к кастрации. Например, похищенный во время набега и затем проданный в рабство ребенок не возненавидит весь мир и тем более своих родителей так, как мальчик, проданный собственными родителями исключительно ради наживы. В физическом плане последствия кастрации хорошо известны: это полное отсутствие волос на теле, женоподобный ломающийся голос (у негроидов он, как правило, ниже), дряблость тела, с годами все более выраженная, которой зачастую сопутствуют ожирение, а с

возрастом и уродливые морщины. К последствиям операции следует отнести также слабый мочевой пузырь, потерю памяти, бессонницу и плохое зрение. Евнухи не жалуют алкоголь и пьянеют даже от капли спиртного. Мясу они предпочитают кексы и засахаренные фрукты. Из всех цветов им больше всего нравится красный. Евнухи любят музыку, предпочитая ритмичный бой барабанов или тамбурина, а также все музыкальные инструменты Центральной Африки. Они скромны в своих привычках, но при этом скупы и склонны к накопительству. В них сочетается примитивность мышления негроидов с детским восприятием действительности неграмотного жителя Востока. По этой причине евнухи верят во все самое невероятное, а поверив, остаются с этой верой навсегда. Страшная история о китайском евнухе, которую я расскажу ниже, является прекрасным тому примером. Они обожают все, что мы называем волшебными сказками, и могут часами слушать рассказы из «Тысячи и одной ночи» и тому подобных книг. Они любят детей и животных, в том числе кур, овец, коров и обезьян, но больше всего — кошек, которых держат в качестве домашних животных и очень о них заботятся.

Что касается сексуального желания, то было бы совершенно неправильно считать, что у кастрированного мужчины оно сразу же совершенно исчезает. Наоборот, часто не только он сам чувствует сильное влечение к женщинам, но, как ни странно, и они отвечают ему взаимностью; история гарема знает немало случаев, когда евнухи женились. Однако женатый евнух уже не может жить на территории Серая, и обычно его переводят на службу в один из второстепенных дворцов Константинополя. Наличие и сила полового желания зависят от состояния простаты, которая у евнухов, кастрированных до начала полового созревания, полностью атрофирована.

В Британском музее хранится датированная 1699—1700 годами рукопись Дж. Ричардса, одного из братьев

Ричардс, проживавших в Солсбери, графство Вексфорд. В ней есть интересные моменты, относящиеся к женитьбе евнухов: «Существует третий вид брака, если это можно так назвать, это брак между женщиной и евнухом. Из надежных источников я слышал, что евнухи, у кого полностью отсутствуют наружные половые органы, имеют половые сношения неизвестным для нас способом, причем это не такое уж редкое дело. Да и женщинам известны способы, как можно компенсировать этот мужской дефект».

Настроения, вкладываемые Монтескье в уста главного евнуха в его девятом и шестьдесят четвертом письмах, вполне могут быть выражением подлинных чувств человека, кастрированного после достижения половой зрелости. Монтескье черпал сведения о Серале и царивших там нравах главным образом у Х. Тавернье и Ж. Шардина, а суждения о женщинах являются результатом его личного опыта. В девятом письме, говоря о своих неоправдавшихся надеждах на то, что после кастрации его разум успокоится, и об охватившем его ужасе при осознании того, что женщины его по-прежнему привлекают, евнух писал: «Напротив, освобождения не наступило, и я понял, что меня окружают объекты, постоянно возбуждающие мое желание. Когда меня впервые ввели в Сераль, где все заставляло сожалеть об утрате, с каждой минутой мое возбуждение нарастало, тысяча естественных соблазнов представала предо мной, доставляя мне невероятные мучения... каждый раз, когда сопровождал женщину к постели господина, мое сердце кипело от ярости, а в душе билось невыразимое отчаяние... Я помню, как однажды, когда я прислуживал женщине в бане, я настолько отвлекся, что потерял над собой контроль и осмелился положить руку туда, куда не следовало. Моей первой мыслью было, что настал мой последний день. Однако мне повезло, и я избежал ужасной смерти, но та, которая стала свидетельницей моей слабости, вынудила меня дорого заплатить за свое молчание — она совершенно перестала мне

подчиняться и заставляла меня каждый раз с риском для жизни выполнять тысячу ее капризов».

С течением времени огонь юности угас, и его место заняло страстное желание отплатить за причиненные ему унижения и страдания: «Сераль — это моя империя; удовлетворение собственных амбиций — это моя единственная страсть. Я с удовольствием отмечаю, что мое присутствие всегда необходимо; я намеренно вызываю ненависть всех этих женщин — ведь это упрочивает мое положение. И могу вам сказать, их ненависть появляется не на пустом месте: я мешаю их самым невинным удовольствиям, я всегда становлюсь непреодолимым препятствием; еще до того, как они что-то задумают, я расстраиваю все их планы; я всегда всем отказываю, ко всему придираюсь, от меня не услышать других слов, кроме «долг», «добродетель», «чистота», «скромность»... Не думайте, что я, в свою очередь, не испытываю бесконечных неприятностей. Каждый день эти женщины ищут удобного случая отомстить мне, и часто их месть бывает ужасной».

Далее несчастный рассказывает о 1001 злой шутке, которую они сыграли с ним, вызывая его подозрительность, гнев, сочувствие и сомнение, лишь для того, чтобы посмеяться над ним. Он говорит о том, что все его усилия могут превратиться в ничто, когда их фальшивые слезы, вздохи и объятия растопят сердце хозяина: «Это их время триумфа; их чары направлены против меня... и ничто не может служить мне защитой в глазах хозяина, который уже сам не свой».

Зачастую евнухи годами копят свои обиды и, если предоставляется возможность, стремятся за них отомстить. Это хорошо известно из истории Гермотима, любимого евнуха царя Ксеркса. По словам Геродота, он был захвачен в плен и продан в рабство. Его купил некий Панионис с Хиоса, зарабатывавший на жизнь самыми неблагородными занятиями. Купив мальчиков особо привлекательной наружности, он их кастрировал, а затем вез в Сарды и Эфес и там выгодно прода-

вал. Гермотим был одним из этих несчастных мальчиков. Судьбе было угодно свести его с Панионисом еще раз, и тогда он уговорил дельца переехать в Сарды с женой и детьми. Обретя таким образом власть над старым врагом, Гермотим оплатил за свою сломанную жизнь, вынудив его кастрировать собственных четверых сыновей. Не удовлетворившись этим, он заставил сыновей кастрировать отца — «...так месть Гермотима настигла Паниониса».

В развращенном Риме распутные женщины знали, что после частичной кастрации коитус был возможен в течение довольно длительного времени, и всюду пользовались этим. Поэтому в своей едкой эпиграмме Марциал вопрошает: «Ты спрашиваешь, Панникус, почему твоя Целия имеет дело только с евнухами? Целии нужны цветы брака, а не плоды».

И вновь ссылаясь на закон Домициана, запрещающий кастрацию, Марциал говорит: «Расшатывать священные узы брака было развлечением, увечить ни в чем не повинных мужчин было забавой. Ты, цезарь, запретил одно и другое, так пусть твой указ о том, что родившиеся дети ни в чем не повинны, поможет появиться на свет новым поколениям. Поэтому пока ты правишь, ни один мужчина не станет евнухом или прелюбодеем, а прежде (о, нравы!) даже евнух был прелюбодеем».

У Ювенала мы находим больше подробностей: «Некоторым женщинам нравятся ласковые евнухи, нежные поцелуи, отсутствие бороды и то, что нет нужды в противозачаточных средствах. Но высшее наслаждение они находят с такими парнями, которых приводят к врачу на заре юности, когда темные волосы уже пробились, а яички (как ждали этого момента!) достигли пары фунтов; тогда хирург Гелиодор, подобно брадобрею, срезает их. Ставший евнухом по воле своей хозяйки, заметный издали, в бане он привлекает всеобщее внимание и соперничает со стражем наших садов и виноградников [Приапом]. И пусть сейчас он делит ложе с хозяй-

кой, но, Постум, не доверяй ему своего Бромииуса, уже стоящего на пороге мужественности».

Действительно, тот факт, что евнух, у которого удалены только яички, может довольно долго сохранять эрекцию и вступать в половые отношения, учитывали там, где работали такие люди. Собственно говоря, этот, если можно так выразиться, мотив стал основной темой «Рассказа о Бухайяте, первом евнухе» в книге «Тысяча и одна ночь». Юный негр соблазняет девушку, в наказание за содеянное его кастрируют. Потом его назначают ее агой, но он продолжает любовную связь с ней до самой ее смерти. В примечании к рассказу сэр Бертон пишет, что способность иметь эрекцию сохранялась у евнуха до тех пор, пока у него было здоровое сердце и отсутствовали проблемы с кровообращением. Поэтому евнуха, не утратившего пенис, очень ценят в гареме, и некоторые женщины предпочитают его полноценному мужчине потому, что евнух способен на длительный половой акт; вслед за Ювеналом добавлю от себя: главным образом потому, что можно не думать об опасности зачатия.

В Серале было невозможно запретить все половые излишества, и евнух, имеющий связь с внешним миром, с легкостью мог пронести в гарем искусственный фаллос или что-то ему подобное и затем в какой-то степени играть роль лесбиянки, что, благодаря своей новизне и необычности, могло удовлетворить желания скукающей и забытой женщины. Женатый евнух тоже не был полностью лишен сексуальных наслаждений. Р. Бертону удалось войти в доверие к жене одного евнуха, и та рассказала, что ее муж прибегает к разнообразным приемам — мастурбации, лесбийской любви... и так далее, — таким образом вызывая у себя оргазм (секрецию предстательной железы?). В критический момент она брала в руки небольшую подушку, чтобы муж ее кушал, — дело в том, что иначе на лице и груди женщины не осталось бы живого места. Есть множество свидетельств того, что евнухи часто по-настоящему старались

доставить удовольствие своим подопечным, ничего не требуя взамен. Значительно труднее понять, какими приемами пользовались женщины, чтобы вызвать у евнуха оргазм; никаких сведений об этом, судя по всему, не сохранилось. Вероятно, в основном это была стимуляция области вокруг отверстия уретры, ведь некоторые евнухи говорили об эротических ощущениях в этом месте. Определенная роль, наверное, отводилась и массажу ануса, нелишним было и применение афродизиаков — средств, стимулирующих половое влечение.

Турки, перенявшие традицию использования евнухов для охраны своих гаремов, старались брать только полностью кастрированных мужчин. Белых евнухов — грузин и черкесов — допускали только на такую работу, где им не пришлось бы вступать в прямой контакт с женщинами — ведь в большинстве случаев такие евнухи не были полностью лишены половых органов. Что касается негров, то самую высокую цену давали за тех, кто имел самую уродливую и отталкивающую внешность: это считалось дополнительной защитой от женского распутства. Дворцовые врачи обследовали евнухов не только перед тем, как они впервые попадут в Сераль, но и каждые несколько лет — просто чтобы убедиться, что все в порядке и что у них ничего не выросло вновь! Существует забавный рассказ о заносчивом главном евнухе-китайце, процветавшем в правление императора Цяньлуна (1736—1796). Однажды он нанес оскорбление всемогущему премьеру Лю, заявив, что власть того не может распространяться на евнухов. На следующий день Лю сообщил императору, что у многих евнухов половые органы выросли настолько, что их вновь необходимо кастрировать. Кроме того, по его словам, евнухи и женщины постоянно предаются разврату. Последовал приказ немедленно подвергнуть всех евнухов новой операции; после нее многие умерли, а выжившие вновь испытали жуткие мучения. Таким образом, евнухи на некоторое время были вынуждены забыть о своей заносчивости и высокомерии. Невежественность и суевер-

рия толкали людей на странные поступки, и Стент рассказывает о евнухе по имени Вей Чусен, тайно содержащем любовницу и принимавшем все известные средства, для того чтобы восстановить способность к продолжению рода. Один врач сказал ему, что если он съест мозг семи мужчин, то его гениталии вернутся в первоначальное состояние. Евнух приказал убить семь преступников, вскрыть их черепные коробки и вынуть мозг. Когда все было исполнено, он съел это отвратительное месиво. Легенда ничего не говорит о том, был или нет достигнут желаемый результат после приема этого ужасного «лекарства».

Однако время евнухов ушло. С исчезновением в исламском мире института гарема (за исключением самой Мекки) необходимость в евнухах отпала. Несмотря на все мои старания, мне удалось встретить в Турции всего двух или, может быть, трех этих необычных существ. Мне сказали, что это были последние евнухи. Евнухи были неизбежным злом во времена, когда процветали деспотизм и полигамия, сейчас это осколки прошлого, и мы воспринимаем их как персонажей, вернувшихся на страницы арабских сказок, где, судя по всему, им и место.

Глава 6

ГАРЕМ-I

Прежде чем рассказать о том, как была организована жизнь гарема в пору его расцвета, и поговорить о некоторых церемониях и занятиях, которым посвящали себя его обитатели, читатель, вероятно, захочет узнать, какие из помещений гарема сохранились до наших дней и что ему удастся увидеть при посещении Серая. Поэтому большую часть этой главы я посвящу описанию строения гарема, как их внешнему, так и внутреннему убранству в том виде, в котором видел их я. Я намеренно делаю эту оговорку, так как в настоящий момент ни одному человеку не удастся обследовать все комнаты и коридоры полностью, даже если при этом он сможет заручиться специальным разрешением самого Кемаля Ататюрка¹. Причиной тому настолько ветхое состояние полов во многих помещениях, что по ним опасно ходить; несколько комнат и переходов завалены либо разным мусором, либо грудami упаковочных ящиков, чемоданами, огромными канделябрами, старыми диванами и т. д. Я считаю, что мне очень повезло: представилась редкая возможность сфотографировать двор гаремных девушек (ил. 18) — ведь даже официальному фотографу ни разу не удавалось этого сделать. Гарем состоит из многочисленных небольших строений, и следует учитывать, что картина постоянно

А т а т ю р к М у с т а ф а К е м а л ь — основатель и первый президент (1923—1938) Турецкой республики. Фамилию Ататюрк (букв. «отец турок») получил от Великого национального собрания Турции в 1934 году при введении фамилий. (*Примеч. пер.*)

менялась: здания перестраивались, одни сносили, на их месте возводили новые и т. д. Каждый султан стремился претворить в жизнь свои прихоти и фантазии при строительстве новых апартаментов для любимой кадины, при одном султанине делали внутренний дворик, при следующем его сносили, чтобы построить какой-нибудь павильон. Как правило, личные покои бывших фавориток не ремонтировались, и туда просто вселялась новая обительница. Но когда после смерти султана его бывших жен переселяли в Старый Сераль, их покои обычно оставались пустыми и постепенно разрушались. В более поздние времена помещения неоднократно перестраивали и обновляли их отделку, особенно когда в Порту пришла мода на стиль Людовика XIV и Людовика XV. Мы уже отметили это влияние в декоративном убранстве зала Дивана и отдельных комнат в квартале черных евнухов, другие примеры такого влияния нам предстоит увидеть в Четвертом дворе, где находится Абдул-Меджид-кешк, знаменитый тем, что в его внутренней отделке и предметах мебели нашли отражение всевозможные стили.

Значительный интерес представляет офорт А. Меллинга, где изображен гарем. Немного позже мы поговорим о нем подробнее. А сейчас я упоминаю о нем для того, чтобы вам стало ясно: таким гарем вообще никогда не был. Этот рисунок — то, что построил бы Меллинг, если бы ему поручили полностью перестроить Сераль, на что он, без сомнения, надеялся. У него были хорошие шансы: он уже смог получить место архитектора у Хатиджи-Султан, любимой сестры Селима III, но, судя по Летнему дворцу и по тому, что он возвел выше по Босфору, мы должны быть благодарны судьбе за то, что политические события помешали сбыться его планам. В противном случае мы бы потеряли одну из самых интересных и уникальных достопримечательностей мира, где каждое строение — это история, уж не говоря об атмосфере тайны и романтики, по-прежнему витающей в этих крохотных комнатках, узких коридорах и на шатких лестницах, ее ощущаешь, глядя на раз-

битый мрамор бань, на пахнувшие плесенью стенные шкафы, на пустые внутренние дворики, на окна с прочными решетками и скрипучие, обитые железом двери.

Если вам доведется побывать там, постарайтесь сбежать от гида и тихо посидеть в одиночестве, как сделал это я. И если атмосфера этого места ничего вам не подскажет — значит, вам явно не хватает воображения. Естественно, перед посещением Серая стоит побольше прочесть о дворце, и ваши усилия будут многократно вознаграждены.

Какими бы интересными ни были те помещения гарема, которые в настоящее время открыты для публики, но, пока не увидишь весь гарем, создается впечатление, что увлекательную историю тебе рассказали только наполовину. Однако наибольший интерес, с моей точки зрения, представляют помещения верхних этажей. Здесь сильнее ощущается дух прежней жизни; когда заходишь в какой-нибудь будуар или спальню и понимаешь, что находишься в самом недоступном и сокровенном месте страны, чье название в старые времена наводило ужас на всю Европу, почему-то начинаешь чувствовать неловкость за вторжение, и тобой овладевает благоговение, перерастающее почти в страх.

Не такое уж простое дело сказать, где начинается гарем и где он заканчивается или же насколько в старину он отличался от селямлика. Близость архитектурных стилей гарема и селямлика очевидна и сейчас. Грубо говоря, «общая» часть гарема располагается на северо-западе от квартала черных евнухов, а покои дам находились поблизости от дворика валиде (султанши-матери), с юго-востока ограниченного Золотой дорогой, связывающей селямлик с двориком черных евнухов и залом Дивана. Если мысленно продлить в обе стороны стену между двумя ванными комнатами султанов (см. план, поз. 79, 80), то это приблизительно будет линия границы между гаремом и селямликом.

С внешней стороны к главному входу в гарем великое двойное ворота. О первых (поз. 30) мы уже говорили: они

находятся рядом с башней Дивана и называются Каретными, поскольку именно там дамы садились в кареты в тех редких случаях, когда они отправлялись подышать свежим воздухом. Вторые назывались Ворота птичника (поз. 40); они вели в западный угол Третьего двора и использовались в основном слугами. К главному входу, сразу за которым находится помещение охранников (поз. 42), идет узкий проход. Как видно на плане, это помещение занимает стратегически важное положение: чтобы попасть в любое место в гареме, необходимо пройти через эту комнату. В одном углу комнаты имеется выход на Золотую дорогу, а с другой стороны можно пройти к дворику матери султана, а также к дворику и комнатам гаремных рабынь.

Сначала поговорим о помещениях гаремных рабынь. Они состоят из двух отдельных частей: первая — рядом с помещением охранников, вторая — сразу за углом, слева. Необходимо отметить, что, несмотря на то что первое здание директор Сералья называет «апартаментами рабынь», невозможно точно сказать, что это всегда было так, и лично я считаю, что, хотя некоторые обитательницы гарема занимали все три этажа строения, они не всегда принадлежали к низшему сословию, а учитывая расположение здания, скорее всего, были кадинами, и покои каждой из них занимали целый этаж. Вполне вероятно, что в последние годы существования гарема и произошли перемены, однако все же основные помещения рабынь были сосредоточены с левой стороны дворика (поз. 44); по своему характеру они значительно лучше подходят для размещения большого числа женщин, чем первое здание. Сразу за ним находится квадратный резервуар, снабжавший водой все фонтаны и бани в округе.

Повернув налево, мы увидим дворик гаремных рабынь; именно от входа в него я и сделал фотографию.

Всю левую сторону и дальний конец дворика (поз. 44) окружает аркада, состоящая из девяти арок, опирающихся на такое же количество колонн с лотосовидными ка-

пителями. На нижнем этаже постройки с этой стороны расположены кухня, бани и лестница, ведущая на второй этаж к спальням, которые занимают весь этаж вплоть до дальнего конца дворика. Небольшая кухня находится напротив второй и третьей колонн, ее не стоит описывать подробно, так как она полностью переделана и сейчас используется в качестве кладовой. Рядом с кухней — хаммам (баня), состоящий из двух помещений разного размера; судя по фрагментам сохранившегося тут и там убранства, первоначально они оба были отделаны белым мрамором. Чаши бассейнов в хорошем состоянии. В стене между помещениями имеется небольшое окошко — в нем устанавливали светильники. В дальнем конце второго помещения — уборная обычного типа: мраморные подножия и заглубленный резервуар за ними. Дальше находятся небольшой магазинчик и кофейня.

С противоположной стороны двора — на фотографии этого нет — расположены три длинные узкие комнаты, которые занимали главная няня, распорядительница гарема и главная прачка, а также еще одна большая комната, где, судя по всему, жили другие работники из числа обслуживающих гарем. Я не могу с абсолютной точностью утверждать, что принадлежность комнат была именно такой, — дело в том, что сведения на этот счет, полученные мною в Серале, были противоречивы и могли относиться только к сравнительно недавним временам.

Самое интересное из всех помещений — это комната главной няни. Небольшой туалет и огромный шкаф делят ее на две практически равные части. В первой кое-где сохранилась изразцовая отделка стен. Во второй имеются шесть крашенных стенных шкафов и два окна с балконом. Мне рассказали, что туда выставляли колыбели многочисленных отпрысков султана, с тем чтобы дети дышали свежим воздухом. Оттуда открывается великолепный вид: окна выходят в сад, прямо за ним начинается Босфор, а с правой стороны — Мраморное море. Чудесную золотую колыбель, украшенную драгоценными камнями, можно увидеть в Музее Серала.

Вероятно, некоторые переделки все же имели место: на одном старом рисунке видно, что в каждой комнате был отдельный балкон, в настоящее время это один длинный общий балкон. Около комнаты главной няни проем для двойной двери, за которым находится ведущая к расположенным ниже садам каменная лестница. Дальше, если пройти комнату распорядительницы гарема, будет еще одна двойная дверь — через нее можно попасть в гаремную больницу, но об этом мы поговорим позже.

Как я уже говорил, лестница с левой стороны двора ведет к спальням девушек. На лестничной площадке между этажами — небольшая уборная, от верхней площадки идет узкий коридор, в который выходят маленькие комнаты, — возможно, это помещения для распорядительницы, дежурящей в гареме ночью. Главная комната в конце прохода представляет интерес с нескольких точек зрения. У нее очень толстые стены, со стороны сада в ней три двойных окна, забранных мощными решетками, и три стенных шкафа для спальных принадлежностей, со стороны дворика тоже три окна, но расположенных ближе друг к другу, а справа — еще три стенных шкафа для матрасов. Потолок поддерживают восемь коротких и слишком массивных для такого помещения колонн с лотосовидными капителями; колонны соединены парапетом, ограничивающим большой прямоугольный проем, через который видна почти вся комната нижнего этажа. Эта комната тоже использовалась в качестве спальни, вдоль стен также были сделаны шкафы для спальных принадлежностей. Кстати, там сохранились и подлинные матрасы — правда, в плохом состоянии. Маленькая уборная и водопроводный кран завершают перечень оборудования спальни на верхнем этаже. Девушки, вероятно, раскатывали свои матрасы в ряд вокруг проема, и благодаря такому простому решению распорядительнице было несложно контролировать происходящее на обоих этажах. Стоит отметить, что на верхнем этаже в углу коридора, прямо за дверью первой комнаты, стоит небольшой шкафчик для зонтиков от солнца.

Возвратившись во дворик и перейдя на его противоположную сторону, мы подошли к двойным дверям, ведущим к длинной лестнице из пятидесяти трех каменных ступеней. Периодически ступени чередуются с небольшими площадками — по обе стороны от них располагаются помещения, через которые можно пройти в так называемую гаремную больницу, куда в конечном итоге и приводит лестница. Спустившись до конца лестницы, попадаешь в очаровательный зеленый дворик, окруженный арочной колоннадой с восемью колоннами с каждой стороны и открытой с обоих торцов. Трудно представить более уединенное и неожиданное место. Спрятавшийся на нижнем склоне холма и просматривающийся только с балкона главной няни, этот маленький дворик и окружающие его комнаты, куда можно попасть только по тайной лестнице под другими строениями, одновременно и романтичны и очаровательны, пусть даже когда-то там и находилась больница, в чем я все-таки сомневаюсь. Эти комнаты различные по длине и ширине, что объясняется рельефом склона, к которому примыкает наружная стена. Комнаты устроены на двух этажах, между собой соединенных лестницами. Нынешнее состояние помещений достойно сожаления: где-то окна выбиты, где-то, напротив, заложены или закрыты ставнями, поэтому комнаты трудно подробно обследовать, особенно учитывая тот факт, что они завалены мусором, а кое-где в полах и потолках зияют дыры, и к тому же есть реальная угроза обрушения кусков штукатурки, каменных плиток и лепнины. Комнаты нижнего этажа большие и темные, в настоящее время какое-либо декоративное убранство в них отсутствует. Если идти вдоль комнат по двору справа налево, попадешь в большую баню, представляющую интерес с художественной точки зрения. Там по-прежнему сохранились великолепные мраморные фонтаны, причем некоторые даже на своих местах. Правда, количество разбитой лепнины и мусора настолько велико, что практически невозможно определить, каково состояние мраморных полов и стенных панелей.

Дойдя до угла двора, мы замечаем, что вдоль его короткой стороны тоже находятся помещения в два этажа. Судя по всему, это были кофейня и спальни работников кухни. Кухня — большой зал с высокими потолками — слева, на нижнем этаже; здесь достаточно места, чтобы приготовить пищу и для пятидесяти человек. Среди мусора и сегодня можно разглядеть остатки разбитых очагов и сервировочных столиков. За кухней большая туалетная комната с пятью отдельными уборными и большим пространством для умывания и омоений. Другие помещения на этой стороне почти ничем не отличаются от тех, что расположены на противоположной стороне двора. Правда, вероятнее всего, это были не спальни, а гостиные.

Комнаты второго этажа в основном маленькие, — наверное, это были спальни, за исключением еще одной кухни, а также комнаты, отличающейся от прочих по размерам, — возможно, ее занимала старшая экономка. В большинство комнат входить небезопасно, и посетителю приходится удовлетвориться осмотром с порога. С лестничной площадки второго этажа виден небольшой дворик, откуда можно попасть в некоторые помещения первого этажа, а справа — балкон в комнатах старшей няни. Только здесь понимаешь, как низко на склоне стоит больница: несмотря на то что мы находимся на втором этаже, кажется, что комнаты няни на первом этаже главного здания расположены на самом деле значительно выше того уровня, где мы находимся.

Принимая во внимание размеры и расположение помещений в той, так называемой гаремной больнице, я не мог не задаться вопросом: всегда ли они использовались в таком качестве? Дело в том, что они значительно больше, чем те, где обитали гаремные рабыни, и это кажется не очень разумным. Размеры бань, кухонь и туалетных комнат говорят о том, что население этой части гарема, в отличие от больницы, могло быть весьма многочисленным. Кроме того, это не слишком хорошо согласуется с тем немногим, что нам известно об обстановке секретно-

сти, которая сопровождала визиты врача к заболевшей женщине.

Вот мы и обошли весь квартал, где жило подавляющее большинство гаремных девушек, или рабынь, как их часто называют. Рабами султана были все, поэтому данный термин не следует понимать слишком буквально. В гареме самую тяжелую работу выполняли почти исключительно негритянки, которые жили главным образом в цокольных этажах основного здания. Порученная другим девушкам работа зависела от того, каких высот им удалось достичь во время обучения, что было важной составной частью системы гаремной жизни; подробнее мы поговорим об этом в следующей главе. На территории гарема находятся также дворик и покои матери султана; помещения, примыкающие к ее покоям, занимали лица из ее свиты и разные гаремные начальники; рядом находились и апартаменты особо любимых кадин. Такие покои, похоже, когда-то были в нынешнем Султан-Ахмед-кешк (см. план, поз. 63). Вход в покои матери султана расположен почти точно напротив первого ряда колонн во дворике гаремных девушек.

Крутая лестница приводит нас в зал прямоугольной формы с очень высокими потолками; в настоящее время зал лишен какого бы то ни было декоративного убранства. Такая высота помещения противоречит архитектурному облику здания, поэтому сразу же возникает мысль о том, что расположенный выше этаж (по крайней мере один) рухнул, и поэтому помещение пришлось частично перестраивать. Где-то под потолком прилепился маленький балкончик из разноцветного дерева. Поднявшись от зала на несколько ступенек, попадаешь в очаровательную комнатку с окнами, выходящими на покои матери султана и на Босфор. Ее стиль и отделка, а также необычная закругленная форма, множество окон и сочные краски полотен, изображающих итальянские сады, — все свидетельствует о том, что это был летний павильон, где можно было подышать воздухом с Босфора и Мраморного моря, при этом находясь вда-

ли от пристальных взглядов менее удачливых обитательниц императорского гарема. Это помещение нуждается в реставрации и заслуживает того, чтобы на него обратили внимание в первую очередь, — ведь в своем роде это жемчужина гарема.

Из квадратного внутреннего дворика матери султана можно попасть в ее покои, состоящие из четырех комнат: небольшой приемной справа, проходной комнаты, выполняющей функции коридора, ведущего в столовую, а также спальни и комнаты для отдыха, окна которой смотрят на Босфор. Все эти помещения открыты для публики, поэтому не стоит говорить о них подробно. Как правило, они отделаны великолепными изразцами с крупным цветочным рисунком; расписанные красками и отделанные позолотой потолки, равно как барочная позолоченная резьба, явно были добавлены позднее. До нашего времени дошло несколько ковров и больше практически ничего. Покои султан-валиде — это самая важная, если не самая загадочная часть гарема. Отсюда королева-мать правила всем Сералем, а иногда и империей. Эти крохотные тихие комнатки — сама история, и нельзя не подумать, как повезло, что тебе позволили их увидеть, пусть даже в их нынешнем состоянии, далеко от первоначального. Дворик тоже претерпел много изменений — об этом можно судить по тому, что вдруг внезапно пропадают турецкие арки и колонны с лотосовидными капителями. Небольшой фрагмент изразцовой облицовки вокруг большой ниши справа от двери покоев — это остатки того, что когда-то украшало весь двор. С противоположной стороны двор ограничивает внутренняя стена Золотой дороги, а в северном углу имеется вход в Вестибюль очага и в Вестибюль фонтана. Вот мы уже и за пределами гарема, но в данном случае трудно говорить о каких-то четко установленных границах: дело в том, что к концу XVII века эта часть Серая подверглась значительным перестройкам. Например, в официальных путеводителях то место, где сейчас находятся здания (обозначенные на плане, поз. 72 и 73), отмечено как покои главной и дру-

гих кадин. Так что получается, оно тоже было территорией гарема, а в XVII веке, похоже, ее часть была отделена, и там был сделан вестибюль Очага (поз. 70), соединивший зал Приемов (поз. 77) с двориком матери султана. Дверь, ведущая из дворика (поз. 69), была известна под названием Тронной калитки. Эти покои в настоящее время завалены разнообразным хламом, правда, кое-где еще видны фрагменты оригинальной отделки.

А вот вестибюль Очага сохранился прекрасно: его стены, как прежде, полностью отделаны изразцами, по верху стен идет куфический карниз, перед очагом — каминная решетка со сквозными отверстиями, над ним — яркая медная труба с коническим навесом. У стены сделан очаровательный фонтан; двери из темного дерева — возможно, эбенового — инкрустированы перламутром.

Все соседние помещения относятся к селямлику, и мы поговорим о них в одной из следующих глав. О каминном зале и так называемой бане султана, соседствующих с покоем матери султана, я расскажу в главе, посвященной баням. Связующим звеном между селямликом и гаремом является Золотая дорога — длинный коридор, стены которого отделаны самыми прекрасными изразцами из всех когда-либо существовавших. В конце главы, посвященной стенам и павильонам, я рассказывал о том, как в XV веке производство изразцов появилось, в XVI веке достигло своего расцвета, а в первой половине XVIII века постепенно умерло. В истории изразцового искусства четко различимы три периода: лучшим образцом первого является Чинили-кешк, второго, когда были созданы лучшие в своем роде произведения, — это отделка Золотой дороги в Серале. По сравнению с изразцами первого периода изделия второго отличаются многообразием цветовой гаммы, глазурь стала безупречной. Желтый цвет исчез, и его место занял красный всех оттенков — от ярко-алого до кораллового. Выполненный красным рисунок слегка рельефный — это свидетельствует о том, что в данный период мастерство изготовления изразцов достигло своей вершины. Фотография чудесной панели из

отделки Золотой дороги, датируемой 1575 годом, приведена в уже упомянутой статье Ташина Чукру. Вот что он пишет: «Невозможно без восторга исследовать эти изразцы: поле — невероятной белизны, глазурь без единого изъяна, рисунок безупречен, цвета не сливаются один с другим и не смешиваются с глазурью, краски чистые; огонь придал им яркость и жизнерадостность».

Производство изразцов сделало огромный шаг вперед благодаря Синану, чьи архитектурные шедевры подтолкнули параллельное развитие декоративного искусства.

Золотая дорога, начинающаяся у дверей помещения охранников гарема, идет вдоль одной стороны дворика матери султана, проходит между покоем кадин и гаремной мечетью, мимо дворика Клетки и, наконец, достигает зала с колоннами около павильона Священной мантии.

Вот мы и завершили осмотр помещений гарема. Прежде чем поговорить о том, как гарем управлялся и какие там существовали традиции, я хочу обратиться к женскому костюму.

В главе, посвященной черным евнухам, после краткого описания костюма кызлар-аги я упомянул о выставленной в настоящее время в церкви Святой Ирины в Первом дворе коллекции кукол и отметил, что многие костюмы были перепутаны или неправильно отреставрированы. В значительной степени дело может быть поправлено (если с 1935 года официально ничего не было предпринято): можно изучить прекрасные образцы турецкого костюма, а также фотографии этих кукол до того, как коллекция начала свои странствия. Кстати, эти фотографии все еще можно найти в Константинополе. Интересно, что среди ста сорока трех кукол коллекции нет ни одной, изображающей женщину, даже в уличном платье. Тем более невозможно сказать, что носили женщины в гареме. Не исключено, что по сравнению с великолепными костюмами турецких сановников женское платье было простым и неинтересным. На улице женщины были похожи на пере-

двигающиеся с трудом коконы тусклого желто-коричневого цвета, но в гареме они могли выглядеть иначе, поэтому я посвящу оставшуюся часть главы более подробному рассмотрению этого вопроса. Но прежде я хочу сказать несколько слов.

При изучении турецкого костюма необходимо помнить, что сразу несколько факторов сыграли роль в том, что разнообразие великолепных одежд — от алых с золотом костюмов моряков до парчи и собольих шуб знати — было столь велико.

Орхан, один из ранних султанов, посвящал много внимания достижению единообразия в покрое и цвете одежды, а также формам тюрбанов; со временем костюм стал отличительной характеристикой правящего класса, а у покоренных турками народов и знаком лояльности победителям. Постепенно костюм становился все затейливее, а с расширением Османской империи, когда появились новые должности, потребовалось и одеть этих чиновников по-новому. После покорения Константинополя были практически полностью скопированы многие костюмы византийцев — так известные своей любовью к пышности и помпезности турки нашли новый источник заимствований.

Ко времени Сулеймана одежда уже не была просто вопросом обычаев и традиций — она стала законом. В «Законе о церемониях» были изложены все требования к цвету, покрою, виду материала, длине и ширине халатов и тюрбанов. Порядок ношения одежды в соответствии с занимаемым положением и в каждом конкретном случае тоже определялся законом.

Историю Константинополя называют «костюмной драмой», и, безусловно, это не преувеличение — ведь речь идет о стране, где правила, связанные с одеждой, и придворный этикет определялись как установления императора. Профессор А.Г. Либье пишет: «Все классы, на которые делились обслуга дворца султана и придворные, все высокие государственные чиновники, все самостоятельные войсковые подразделения действующей

армии отличались друг от друга одеждой или головным убором, а то и обоими сразу. Каждая группа и каждый человек в каждой группе имел свое определенное место в каждом церемониале и в каждой процессии».

Церемонии были весьма многочисленными и различались в зависимости от повода: это мог быть прием иностранного посла, одна из трапез Байрама, выступление в поход флота и армии или же обрезание наследника султана. Каждое из этих событий давало возможность устроить демонстрацию костюмов — одно из самых великолепных зрелищ. Приблизительное представление об этом дает офорт А. Меллинга с изображением следования султана в мечеть в праздник Байрам, однако это не могло сравниться с более важными церемониями, сопровождавшими события частной жизни султана, например, по случаю обрезания наследника трона. Во всех этих торжествах с демонстрациями нарядов женщины не принимали практически никакого участия. Их не должен был видеть ни один мужчина, кроме мужа! Однако время показало, что покрой и правила ношения женской одежды очень способствовали их тайным свиданиям с любовниками. Муж не смог бы узнать свою жену на улице, а прилюдно дотронуться до женщины или заговорить с ней было просто немыслимо. Ее покрывало и накидка были такими же священными, как двери гарема. Так что закон в отношении одежды женщин тоже существовал и соблюдался. В Серале правила ношения одежды выполнялись столь же неукоснительно. Наступление нового сезона требовало полной смены гардероба, и султан никогда не видел ни одну из обитательниц гарема в одном и том же одеянии дважды. Естественно, больше всего внимания женщины уделяли уличному платью, например когда они отправлялись на прогулку вверх по Босфору или — при менее строгих султанах — за покупками. Представьте себе, насколько было трудно получить хоть какую-то информацию о том, что женщины носили дома, если даже в самом Серале их видели только евнухи! Поэтому путешественникам приходилось рассчитывать лишь на то, о

чем случайно расскажет дружественно настроенный евнух — либо сам, либо передаст через кого-то из работников Сералья, — ведь, в конце концов, табу была женщина, а не ее платье. Еще одним возможным источником информации были торговцы одеждой — как новой, так и ношеной. А на рынке у еврейки, поставлявшей в Сераль всякие безделушки, ленты и кружева, можно было получить самые разные сведения, в том числе и скандального характера.

Поскольку у итальянцев были многочисленные деловые контакты с турками, то они были лучше осведомлены об их жизни. Самое раннее описание, которое мне удалось найти, принадлежит перу Бассано да Зары (ок. 1540 г.), самый ранний рисунок выполнил Николас де Николаи (1551). Бассано рассказывает главным образом об уличном платье, что вполне понятно, а также о косметике и средствах для удаления волос для женщин. Некоторые встречающиеся в тексте слова нельзя найти в словарях, поэтому они требуют пояснений.

«В Турции женщины — будь то христианки, турчанки или еврейки — очень любят шелковую одежду. Они носят халаты до пола, похожие на мужские. Они носят закрытые ботинки, туго охватывающие лодыжку. Все носят брюки; сорочки шьют из очень тонкого полотна или муслина, натурального цвета или окрашенных в красный, желтый или синий. Они обожают чёрный цвет волос, и, если женщина не имеет его от природы, она добивается его искусственными средствами. Блондинки и седые используют краску, которой красят хвосты лошадям. Она называется хной. Ею же красят ногти, иногда всю кисть и ступни ног; некоторые красят лобок и живот на четыре пальца над ним. Для этого они удаляют с тела все волосы — у них считается грехом иметь волосы в интимных местах. Волосы на голове женщины украшают ленточками, свисающими ниже плеч. Когда они закрывают волосы, то покрывают голову цветным шарфом из тонкого шелка с небольшой бахромой в уголках. Кроме того, надевают на голову

маленькую, плотно сидящую круглую шапочку; она украшена шелковой или другой вышивкой. Многие носят шапочки из бархата или парчи, к шапочке прикрепляют упоминавшийся выше шарф. Я видел, что некоторые женщины прикрепляют шарф к маленькой белой шапочке, а сверху надевают еще одну, шелковую шапочку. Она размером не больше половины ладони. Косметикой они пользуются значительно больше, чем представительницы какой-либо другой из виденных мной народностей. Они густо красят брови чем-то черным, некоторые закрашивают и пространство между ними так, что создается впечатление, что брови срослись, — с моей точки зрения, это выглядит очень некрасиво¹.

Губы они красят в красный цвет — я думаю, они научились этому у гречанок или жительниц Перы, уделяющих этому очень много внимания. У них большие груди и кривые ноги — последним они обязаны сидению на земле со сплетенными ногами. В основном они все очень толстые, так как едят много риса с мясом кастрированных быков и сливочным маслом — намного больше, чем едят мужчины. Они не пьют вина, а только подслащенную воду или сервозу [травяное пиво], приготовленную особым способом. Христианки, по каким-то причинам живущие в турецких домах, бывают вынуждены отказаться от вина. Когда турецкие женщины выходят на улицу, то поверх платья, которое они обычно носят, они надевают рубашку из белейшего полотна. Подобно саккосу² наших священников, она такой длины, что из-под нее можно видеть только край платья. Это одеяние напоминает стихарь с узкими ру-

---

Если хна уменьшает потоотделение, то некоторые виды черной краски для глаз (сажа, сурьма, уголь и др.) дают глазам ощущение прохлады и предотвращают развитие офтальмии; кроме того, обводка служит защитой от дурного глаза. Сросшиеся брови жителям стран ислама очень нравятся, а в Индии, Исландии, Дании, Германии, Греции и Богемии их не любят и считают признаком оборотня или вампира. (*Примеч. авт.*)

² С а к к о с — богослужebное облачение у христиан-священников белого цвета до колен, надеваемое на подризник. (*Примеч. пер.*)

кавами — они такие длинные, что закрывают всю руку полностью, невозможно увидеть даже кончик ногтя. Длина рукавов объясняется тем, что в Турции и мужчины, и женщины в любую погоду ходят без перчаток. Вокруг шеи они оборачивают полотенце¹, оставляя открытыми только глаза и рот, а их они прикрывают шарфиком из тонкого шелка; сквозь эту ткань они видят все, и в то же время их глаз не видит никто. Этот шарфик прикрепляется тремя булавками к головному убору надо лбом; когда на улице одна женщина встречается другую, обе поднимают шарфики, прикрывающие лица, и целуются. Эти шарфики шириной с полотенце называются *чуссеч* и напоминают те, что носят мужчины. Все описанные предметы и составляют их костюм, закрывающий женщину до такой степени, что невозможно разглядеть даже кончика ногтя. Этот наряд объясняется тем, что турки более ревнивы, чем какой-либо другой народ».

Прежде чем я начну подробно описывать каждую деталь туалета, приведу для сравнения еще пару рассказов путешественников. Это даст нам возможность охватить большой временной период и познакомиться с описаниями, оставленными большим числом людей. Сначала я приведу отрывок из воспоминаний Николаса де Николаи, правда, он, к сожалению, не приводит описаний в тексте, а просто отсылает читателя к рисункам. Он посетил Константинополь в 1551 году; для того чтобы правильно сделать «наброски», ему удалось уговорить публичных женщин надеть некоторые наряды. Упомянув, что женщин гарема может видеть только начальник евнухов, он продолжает: «Чтобы иметь возможность представить вам их одеяния, я познакомился с евнухом покойного Барбароссы², он назывался зафер-агой, а по нацио-

---

Вероятно, речь идет о куске ткани или шерстяном шарфе. (*Примеч. авт.*)

² Б а р б а р о с с а (ок. 1483—1546) — знаменитый корсар, служивший с 1538 года под именем Хайрадин-паша адмиралом турецкого флота при султанах Сулеймане I. (*Примеч. пер.*)

нальности он был рагусан. Это человек очень осторожный и благородный, превыше всего он ценит добродетель. С нежного возраста он воспитывался в Серале. Когда он узнал о моем желании увидеть одеяния турчанок и то, как их носят, он предложил обрядить в эти костюмы двух публичных женщин-турчанок. Он дал им очень дорогую одежду, за которой посылал в бедестан, где можно купить все, что угодно. Вот так мне удалось сделать наброски турецких женских костюмов».

Столь любимую многими женщинами изящную вышивку и шитье драгоценными камнями на этих рисунках можно только предполагать, хотя на представленных в Музее Серале кусках ткани такие украшения имеются. Что касается одежды гаремных невольниц, то основные предметы костюма у них были такими же, как у дамы-турчанки, занимавшей высокое положение в обществе. Богатая парча из Бурсы использовалась широко, и нет сомнения, что именно ее изобразил Николай в одеяниях султанши-матери и благородных дам. В Британском музее хранится специальный экземпляр немецкого перевода этой книги, опубликованный в 1572 году. Аккуратно раскрашенные рисунки дают прекрасное представление о роскоши парчи. Султанша-мать изображена в платье, полы которого спереди заправлены за пояс; из-под платья видна длинная нижняя рубашка с разрезом спереди. На талии широкий кушак. Рукава облегающие, с плеч спускаются парчовые ленты. Благородная дама одета в такое же платье с пуговицами впереди. В отличие от костюма султан-валиде из-под платья у нее видны и нижняя сорочка и шаровары. Кушак и свисающие с плеч парчовые ленты такие же. Ниже я скажу, как называется каждый предмет туалета, и приведу его турецкое название. Как я уже говорил, все, кто описывал костюмы обитательниц гарема, могли пользоваться информацией только из вторых или третьих рук, и никогда не видели одежды на ее владелицах.

Правда, одно исключение все же было. Наш старый друг Даллам, с которым мы познакомились ранее, на

самом деле видел некоторых обитательниц гарема через решетку в стене. Вот что он писал об этом: «Когда он показал мне много разных вещей, вызвавших мое удивление, мы пошли через небольшой вымощенный мрамором квадратный дворик. Там он знаками объяснил мне, чтобы я подошел к решетке в стене, и то, что он сам не может этого сделать. Когда я приблизился к указанному месту, я обратил внимание, что стена очень толстая и что с обеих сторон там сделана прочная железная решетка. Однако именно через эту решетку я смог увидеть, как в соседнем дворике 30 наложниц Великого синьора играли в мяч. Сначала мне показалось, что это юноши, но когда я заметил их спускающиеся на спину длинные волосы, заплетенные в косы, на концах украшенные кисточками из мелких жемчужинок, а также другие очевидные признаки, я понял, что это женщины, причем очень хорошенькие.

На девушках были бриджи из тонкой хлопковой ткани, белой как снег и тонкой как муслин, сквозь них была видна кожа бедер. Бриджи доходили до середины икры, у некоторых девушек были отличные высокие кожаные ботинки со шнуровкой, у других икры оставались голыми, на ногах были бархатные туфли на каблучке высотой 10—12 сантиметров, а щиколотки охватывали золотые кольца. Я так долго наблюдал за ними, что человек, оказавший мне такую услугу, начал на меня сильно злиться. Чтобы отвлечь меня от созерцания, он строил гримасы и топал ногами. Мне очень не хотелось уходить оттуда и оставлять такое приятное зрелище».

А сейчас я хочу привести мнение женщины, которой довелось примерить на себя такой наряд. Никто не мог бы выразить свои ощущения лучше, чем леди Мэри Уортли Монтегю, 1 апреля 1717 года писавшая сестре: «Первый предмет моего туалета — это очень широкие, длиной до щиколоток панталоны; они закрывают почти всю ногу и выглядят значительно целомудреннее, чем твои нижние юбки. Они сшиты из тонкого дамаста цвета розы и отделаны парчой с серебряными цветами.

Туфли из белой лайки расшиты золотом. Сверху надевается блуза, напоминающая мужскую, из тончайшей белой шелковой кисеи, по верхнему и нижнему краю украшенная вышивкой. У блузы широкие рукава, достигающие до середины руки; у горла она застегивается на бриллиантовую пуговицу; ни формы груди, ни цвета кожи эта блуза почти не скрывает. Антери — довольно сильно облегающий камзол из белого с золотом дамаста, у него очень длинные рукава, которые откидывают назад; глубокий вырез отделан золотом, пуговицы должны быть бриллиантовыми или жемчужными. Мой кафтан из того же материала, что и панталоны, он сделан точно по фигуре; рукава прямые и очень длинные — прямо до пола. Его подпоясывают поясом шириной примерно четыре пальца; у тех, кто может себе это позволить, пояс весь усыпан бриллиантами или другими драгоценными камнями, у тех, для кого это слишком дорого, он атласный с красивой вышивкой, однако спереди он все равно должен быть скреплен бриллиантовой застежкой. Курди — это свободный халат, который носят по погоде; его шьют из дорогой парчи (у меня он зеленый с золотом) и отделывают мехом горностая или соболя; рукава у курди опускаются чуть ниже плеча. Головной убор состоит из шапочки, называемой тальпок, зимой она из отличного бархата с вышивкой бриллиантами или жемчугом, а летом — из какой-то отличающей серебром ткани. Эту шапочку с золотой кисточкой носят сбоку головы, где она удерживается либо посредством кольца, усыпанного бриллиантами или жемчугом (я видела несколько именно таких), либо широким вышитым шарфом. С другой стороны головы волосы укладываются гладко, и здесь дамы могут проявить свою фантазию: одни закрепляют там цветы, другие — султан из перьев цапли, в общем, кто что хочет. Но чаще всего дамы предпочитают сделанные из драгоценных камней букеты цветов: например, бутоны из жемчуга, розы из рубинов разных оттенков, жасмин из бриллиантов, нарциссы из топазов и т. д. Камни в со-

четании с эмалью смотрятся настолько красиво, что ничего лучшего и вообразить невозможно. Волосы женщины заплетают в косы и закидывают за спину, в косы вплетают жемчуг или ленты».

Мы познакомились с описаниями турецкого женского костюма, сделанными несколькими авторами, видевшими его в разных ситуациях. Теперь я постараюсь перечислить все предметы туалета в том порядке, в каком их надевали, и объяснить, что они собой представляли и каково было их назначение. Насколько я понимаю, за многие века веяния моды почти не коснулись костюма турчанки. Отдельные предметы в разное время назывались по-разному, а иногда слово, первоначально означавшее только название материала, позже начинали использовать для обозначения предмета туалета и т. д. Но в целом каких-либо изменений было очень мало.

1. *Гемлек*. Это свободная блуза или нижняя рубашка из смеси хлопка с шерстью или — у богатых — из шелковой кисеи, обычно белого цвета, реже красного, желтого и синего. Поначалу спереди у нее оставался открытым разрез до талии и были видны груди, однако со временем этот фасон усовершенствовали: у шеи и на животе края одежды стали скреплять украшениями с драгоценными камнями. Рукава широкие и свободные, низ отделан атласом или кружевом. Длина гемлек — до колена, иногда эту блузу заправляли в панталоны, но чаще носили поверх них.

2. *Дизлык*. Название этого предмета туалета образовано от слова «диз» — «колени» и означает «вещь, доходящая до колена». Это очень широкие льняные панталоны; на талии они удерживались посредством учкура — шнура или тесьмы, продетой в складку верхнего края, как в современных пижамах. Похоже, их носили не всегда, так же как и шальвары, — кстати, они и были «первым предметом туалета» в костюме леди Мэри Уортли Монтегю. Это короткие штанишки, завязывающиеся у колен.

3. *Шальвары*. Это предмет верхней одежды, род брюк или же, если женщина не носит дизлык, единственные

брюки или панталоны. У них очень свободный покрой, в талии их ширина составляет около 3 метров. На талии они тоже держатся с помощью учкура (у богатых обильно украшенного). Под коленями их стягивают, и они ниспадают складками к лодыжкам. Другие разновидности доходят прямо до лодыжек, особенно в тех случаях, когда носят дизлык. Цвет и материал шальвар может быть любым. В Серале женщины соперничали друг с другом — у кого они наряднее. Почти всегда на них шла лучшая золотая и серебряная парча из Бурсы, а учитывая то, что на них требовалось около 7 метров ткани, шальвары были весьма недешевым предметом туалета. Слово «кафтан» использовалось для обозначения определенной длины ткани, украшенной вышивкой, в более широком смысле оно употребляется в качестве названия предмета верхней одежды из этой ткани, и именно с таким случаем мы сталкиваемся, читая письмо леди Мэри Уортли Монтегю. Кафтаном также называют почетный халат, так как он тоже украшен вышивкой.

4. *Елек*. Точнее всего этот предмет туалета будет называть дамским жилетом; мужчины тоже носили елек — это был вышитый шелковый жилет. Иногда женский елек имел рукава и был длиной до пола — тогда он фактически становился энтари — другим предметом одежды, о котором я расскажу ниже. Во всех случаях елек плотно облегал фигуру и обычно имеет ряд мелких пуговичек, пришитых очень близко одна к другой; пуговички начинаются на груди и заканчиваются чуть ниже талии. В длинном елеке боковые швы идут только до бедер — дальше полы не соединяются, рукава узкие, но у запястья открытые.

5. *Энтари, антери*. Это платье — самый важный предмет дамской одежды в гареме. Оно плотно облегал спину, иногда его даже называют корсетом, однако, как мы видели, леди Мэри Уортли Монтегю пишет, что «антери — это довольно сильно облегающий камзол...». В действительности это не корсет и не камзол — ведь если бы это было одним или другим, то спереди у него должны

были быть пуговицы или шнуровка. Энтари спереди не застегивается, а когда в моде был гемлек без застежки, то грудь оставалась полностью открытой. Правда, у талии лиф застегивался на три или четыре расположенные очень близко одна к другой жемчужные или бриллиантовые пуговицы. Именно благодаря этим пуговицам задняя часть энтари плотно облегает спину, и поэтому некоторые авторы считали данный предмет одежды корсетом или камзолом.

Рукава очень длинные, почти до пола: до локтя узкие, а ниже локтя шов заканчивается, открывая рукав гемлека.

В талии энтари расширяется, боковые швы отсутствуют. Длина платья сантиметров на 60 или более превышает необходимую, поэтому для того, чтобы в нем было удобно ходить, уголки обеих половинок юбки поднимают наверх и на талии заправляют под кушак — о нем мы поговорим ниже.

В гареме дамы мало ходили, и края платья красивыми складками они распределяли по дивану. Ткань энтари была почти такой же, как на шальварах, — в старину парча из Бурсы с вышивкой, позднее — дамаст, шелк, атлас и парча из Венеции, Лиона и других мест, которые привозили греки, евреи, чаще армяне. Именно армяне достигли большого мастерства в изготовлении тканей с золотой и серебряной нитью, делавшими энтари еще богаче.

Из приведенных выше описаний понятно, что энтари и елек — это практически одна и та же одежда. На рисунках XVI века, в том числе Лоницера, Вецеллио, Джоста Аммана, Байсара, Бри и Бертелли, изображен простой, похожий на жилет елек с глубоким вырезом, из которого был виден нижний гемлек, целомудренно застегнутый и слегка присборенный, а в качестве верхней одежды — энтари. Какими бы точными или, наоборот, приблизительными ни были эти ранние рисунки, каким бы ни был уровень мастерства художника, стремившегося к большему реализму или же, напротив, ста-

равшегося угодить западным вкусам, совершенно очевидно, что обладательница елека и гемлека вполне могла обойтись без одного из этих предметов одежды и что только богатые имели оба.

6. *Кушак* (чуссеч — у Бассано да Зары). Это платок или широкий пояс, который делали из шерсти, миткала, льна или шелка — в зависимости от вкуса хозяйки и времени года. В гареме это обычно был довольно свободный, широко обернутый вокруг талии и верхней части бедер пояс; его также носили как шаль, накидывая на плечи. У служанок гарема он выполнял свою основную задачу — использовался в качестве пояса, кроме того, в него клали деньги, носовые платки, документы, роговые чернильницы и т. д. Кадины вместо кушака носили украшенный драгоценностями пояс. За исключением сеймана — стеганого жакета и керка — меховой накидки, которые носили только в холодную погоду, из предметов верхней одежды мы не обсудили только головные уборы и обувь. Поговорим сначала об обуви.

7. *Шипшип, чипшип*. Это домашние шлепанцы без каблучков со слегка приподнятым мыском. Их шили практически из любого материала любого цвета и богато украшали вышивкой золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Часто в месте подъема к ним прикрепляли различные декоративные элементы вроде розеток из жемчуга, золотого шнура и т. п.

В качестве уличной обуви носили пабуч (папуш) — туфли из желтой кожи на толстой подошве.

Третьим видом обуви были чедик (челик) — удобные туфли из желтого сафьяна с загнутым вверх на несколько сантиметров носком. Для прогулок в саду их могли делать из бархата или подобного материала. Вероятно, описываемые Далламом «бархатные туфли на каблучке высотой 10—12 сантиметров» были одной из разновидностей пабуч или чедик.

8. *Фотаза*. Этот домашний головной убор замечательно описала леди Мэри Уортли Монтегю, только она неточно назвала его армянским словом «тальпок» или «кал-

пак». Тальпок — это головной убор из каракуля, и носят его армяне. Существует много вариантов тальпок, часто его шьют из ткани и только отделывают каракулем. Подобно тюрбану, состоящему из двух отдельных частей, в фотазе тоже две детали. Первая — это маленькая плоская шапочка (такке), похожая на низкую феску. Ее делают из тончайшего фетра или, как это было в старину, из бархата. Сверху на шапочке синяя или золотая кисточка, она свешивалась на одну сторону или рассыпалась по донцу такке. Шапочку элегантно закрепляют на затылке, сдвинув в сторону. Богатые украшают такке жемчугом и бриллиантами, менее обеспеченные — камнями подешевле и вышивкой. На переднюю часть шапочки накидывают сложенный вдвое красиво вышитый платок из муслина — емени. Его задача частично заключается в том, чтобы удерживать шапочку на месте, но главным образом он выступал в качестве второй части головного убора, который тоже можно было украсить ювелирными изделиями. Кадины любили носить в волосах также большие, усыпанные бриллиантами и рубинами шпильки; волосы, перекинутые на одну сторону и заплетенные в длинные косы, они тоже украшали драгоценностями. При выходе на улицу этот головной убор был полностью закрыт верхней частью яшмака — своего рода вуалью. О ней мы сейчас и поговорим.

9. *Яшмак*. Это вуаль, которую носили только в Константинополе. Она состоит из двух кусков тонкого муслина, а в недавние времена ее делали из кисеи «тарлатан». Каждый кусок либо складывали вдвое треугольником, либо оставляли однослойным. Первым куском закрывали переносицу и все лицо ниже ее, ткань закрепляли на затылке булавкой или завязывали. Вторым покрывали голову, спуская впереди до бровей, а сзади завязывали, заправляли под ферасе — верхнюю одежду или на затылке прикрепляли булавкой к второй части яшмака.

Поскольку эта вуаль очень тонкая, она практически не скрывала черт лица, хотя чрезвычайно важно, чтобы не был виден весь нос полностью, — в противном слу-

чае даму могут принять за армянку или, что тоже не исключено, за проститутку.

В других местах Османской империи носят более плотные и очень некрасивые вуали. Чаще всего встречается махрамах — подобие миткалевой pokrышки с оборкой на туалетный стол, верхняя часть которой накидывается на голову и закрепляется под подбородком, при этом все лицо закрыто темным платком. Яшмак отличается и от бурко — длинного куска темной материи, например муслина, закрепленного так, что он, начинаясь сразу под глазами, закрывает и всю фигуру почти до земли. Еще один вид вуали у магометан — это литам, или лисам, однако данное название употребляется практически исключительно по отношению к вуали туарегов Сахары, скрывающей только рот; например, арабские поэты так говорят о заре: «Это день, сбросивший свой лисам». Более подробную информацию обо всех перечисленных видах вуалей, а также о сетках на лицо из черного конского волоса, которые носят кое-где в Малой Азии, вы можете найти в работах, посвященных турецкому и арабскому костюму.

10. *Ферасе, феридже, фериджи*. Остается упомянуть только об одеянии, похожем на плащ с длинными рукавами. Ни одна турчанка не выйдет на улицу без него. У бедных он сшит из черной шерсти, у тех, кто побогаче, — из красивой широкой ткани или светлой меринсовой шерсти. У богатых и обитательниц султанского гарема ферасе обычно сшит из шелка нежных цветов — розового или лилового. Он шьется с большим капюшоном квадратной формы, спускающимся почти до земли. Богатые часто подбивают его черным или белым атласом и украшают кистями, косами и тому подобным, иногда края отделывают бархатом.

Насколько мне известно, на этом список предметов женского туалета турчанки можно считать исчерпывающим.

Глава 7

ГАРЕМ-II

Говоря об устройстве гарема более подробно — о работавших там людях, управлении ими, о существовавших там традициях и обычаях, — отмечу, что в первую очередь следует отказаться от упрощенного взгляда на это явление. Его нельзя воспринимать как место, где под бдительными взглядами черных евнухов несколько сотен женщин ожидают милости султана. Женская иерархия в гареме была достаточно сложной, в системе гарема каждая женщина занимала определенное место в зависимости от своего возраста, статуса и достигнутых успехов в постижении гаремной науки.

Гарем нужно рассматривать как небольшое государство в государстве, безусловно, очень своеобразное, но со всеми присущими настоящему государству атрибутами: своим правителем, кабинетом министров, второстепенными государственными чиновниками и, наконец, населением. Представители этого населения занимали различное положение, но у каждого была определенная должность и каждый имел возможность со временем продвинуться по «служебной» лестнице.

Давайте посмотрим, что представляло собой это государство в пору расцвета — в XVI и XVII веках.

Правитель гарема — не султан, не старшая жена или первая кадина (официальная любовница), а мать султана — султан-валиде.

Турки считают, что у мужчины может быть много жен, что от нежеланных можно избавляться и брать

новых, но мать у него единственная — следовательно, только она занимает почетное место, лишить которого ее способна только смерть. Поэтому именно ей доверяется самое ценное личное имущество — женщины. Власть у султан-валиде огромна, причем распространяется не только на гарем, но и на всю империю. Остается только предполагать, что между матерью султана и его любимыми кадинами велась ни на минуту не прекращающаяся война. Самая амбициозная женщина в гареме не та, которая удовлетворится достижением высокого положения первой кадины, а та, что не теряет надежды, плетет заговоры и молится о том, чтобы однажды стать султан-валиде, — ведь тогда она будет не просто правительницей гарема и Серая, а если она сильна, а сын слаб, то она сможет стать и фактической правительницей империи.

Не найти лучшего примера могущества и влиятельности, каких смогла достичь женщина из гарема, чем пример Хурем — русской рабыни, в Западной Европе больше известной под именем Роксолана. Ее влияние на Сулеймана было столь велико, что не возникало и сомнения, что она станет султан-валиде. Шаг за шагом Роксолана убирала все препятствия на своем пути. В 1541 году она убедила султана разрешить ей жить с ним в Серале, а не в старом дворце, хотя в то время была всего лишь второй кадиной. После смерти матери Сулеймана у нее оставалось только два врага — первая кадина Босфор-Султан и великий визирь Ибрагим, который, по некоторым сведениям, и был первым владельцем Роксоланы. В результате череды заговоров Босфор-Султан была смещена и практически отправлена в ссылку, ее сын был убит, причем способ убийства не оставлял сомнения в причастности к делу Роксоланы, а великого визиря без видимой причины Сулейман казнил. Несмотря на то что Роксолана приложила руку и к этой казни, вполне очевидно, что Ибрагим стоял у нее на пути к достижению абсолютной власти и что она по-прежнему боялась его влияния на султана.

Это был триумф, когда она получила разрешение переехать в Сераль со своими многочисленными рабынями и евнухами, но еще больший триумф ожидал ее, когда Роксалана стала законной женой Сулеймана. Со времен Баязида I (1389—1403) ни один султан не вступал в законный брак, и этот странный поступок султана восприняли с огромным удивлением и опаской. В правление Селима II (так рассказывает нам О. Бон) жена обходилась очень дорого — на эти деньги вполне можно было строить мечети или больницы, — поэтому женитьба никого не привлекала. По той же причине число кадин было ограничено четырьмя. Из всего гарема, где могло быть от 300 до 1200 женщин, султан выбирал фавориток (икбал), которых иногда удостоивал чести разделить с ним ложе.

В случае рождения ребенка мужского пола и сохранения интереса султана к икбал она могла подняться на ступень выше и стать кадиной. Несмотря на то что кадины не были официальными женами султана, их статус приравнивался к рангу официальной жены, а их покои, рабыни, евнухи, платья, личное имущество, драгоценности и получаемое от султана содержание соответствовали почетности и значимости их нового положения. В зависимости от того, в каком порядке она была выбрана, такой кадиной она и считается. Так, она могла быть второй кадиной или третьей, но, естественно, в любом случае она, действуя всеми доступными способами, предпринимала все возможное, чтобы сместить кадину, стоящую на ступень выше. Роксолане удалось добиться невозможного: после того как Босфор-Султан была свергнута, ради любви к Роксолане Сулейман не только не имел других кадин, но даже выдал замуж семь самых красивых женщин своего гарема.

Выполненный А. Меллингом рисунок гарема (ил. 23) требует некоторых пояснений. Как уже говорилось, он был назначен архитектором к любимой сестре Селима III и в этом качестве много общался с ней и с ее дамами, что очень помогло ему в работе.

Несмотря на то что его рисунок — полностью плод воображения автора и в реальности именно такого здания не существовало, Меллинг не только поставил перед собой трудную задачу — нарисовать основных обитателей гарема, но и дал картину их повседневных занятий. На первом этаже в центре изображен высокопоставленный черный евнух, он разговаривает с распорядительницей гарема. В правом углу на переднем плане, спрятав ноги под тандыр, или жаровню с горячими углями, греются три женщины; жаровня находится под квадратным столиком с оловянной столешницей, покрытой гобеленом или ковром. За углом стоят две лесбиянки, а в середине в центре — рабыня, которую легко отличить от прочих по простому платью. Слева в углу кушает дама, занимающая высокое положение, а в общем зале вокруг блюда с пловом сидят еще семь женщин. На втором этаже находится мечеть, и здесь автор постарался запечатлеть различные позы молящихся. На третьем этаже, над мечетью, расположены спальни — несколько женщин только что вынули матрацы для ночного сна. В дневное время постельные принадлежности хранятся в стенных шкафах, таких, как на втором этаже справа. Несмотря на то что автор изобразил рабыню с кувшином для воды, фонтана на картине не видно. Странно, что он отсутствует, — ведь даже в спальнях всегда было по крайней мере по одному фонтану, а уж в таком большом зале, какой изображен на картине, их бывало по несколько.

Однако нам следует вернуться к работникам гарема. Если рассматривать султан-валиде как правительницу гарема, то начальник черных евнухов — это ее премьер-министр. О его обязанностях говорилось в одной из предыдущих глав, но здесь я могу повторить, что он отвечал за женщин гарема и во многом от него зависело, заметит ли какую-то из них султан. Главному евнуху помогали подчиненные ему многочисленные черные евнухи. Он был посредником между матерью султана и женщинами гарема, а также между султаном и внешним

миром. Фактически он являлся одним из самых высокопоставленных «мужчин» в империи, и его интересы и влияние распространялись далеко за пределы Сералья. Непосредственного участия в организации жизни гарема он не принимал. Эти обязанности были возложены на женский кабинет, или, если его можно так назвать, тайный совет. Его возглавляла распорядительница гарема (кетхуда, или кияйя), которая обычно считалась заместителем правительницы гарема; временами она выступала в роли своего рода экономки и управительницы. Практически равной ей по статусу и, по мнению некоторых авторитетных исследователей, тоже заместителем правительницы была казначей (хазыне-дар-уста). Она не только вела учет текущих расходов гарема — очень больших и запутанных, но отвечала и за выплату денег «на булавки», кому они были положены, а также пенсий тем, кто переехал из Сералья в Старый Сераль.

В кабинет также входили: хранительницы гардероба, драгоценностей, кладовых, столовых приборов, смотрительница бань, чтица Корана и т. д.

Все эти посты, предполагающие большое доверие и ответственность, занимали женщины, постепенно достигшие высот в постижении всех гаремных наук, но которые не смогли стать кадинами. Таким образом, это было своего рода компенсацией за то, что их «обошли». Любви — по крайней мере, мужской любви — они были лишены, и все, на что они могли надеяться, — это получить какой-нибудь высокий пост в гареме. Во всяком случае, это могло принести им благосостояние и определенную власть. Снисходительный султан мог даже жениться на них, вместо того чтобы отсылать их доживать свой век в Старый Сераль.

Пока я рассказал только о султан-валиде, ее кабинете, начальнике черных евнухов и четырех кадинах. Сейчас стоит поговорить о рядовой обитательнице гарема, ее обязанностях, о том, чему ее учили и каковы были ее шансы занять более высокое положение.

Каждая из числа самых высокопоставленных дам имела свой собственный небольшой двор (ода), его численность находилась в зависимости от ее ранга. В то же время у каждой были ученицы, старавшиеся достичь совершенства в той сфере деятельности, которая была отведена их хозяйке. Попадавших в гарем девочек в юном возрасте сразу же распределяли по одам; они становились ученицами. Если султанше-матери или одной из высокопоставленных дам требовалась новая рабыня или ученица, они имели право сами купить ее и лично обучать. Новая девочка, выбранная из большого числа, передавалась в ведение, например, хранительницы гардероба. У нее она работала весь период ученичества и воспринимала свою наставницу как мать, которая дает ей все: одежду, деньги, еду и драгоценности. От наставницы в значительной степени зависела последующая карьера ученицы, и та делала все, что в ее силах, чтобы лучше подготовить девочку. Добившись успехов в своей оде, девушка могла получить возможность попасть в другую оду, больше отвечающую ее пожеланиям. Например, она училась хорошо готовить кофе или вести учет расходов. Затем дача взяток нужным людям могла помочь ей получить перевод. Иногда бывало так, что ее продвижение по службе шло медленно, проходили долгие годы, прежде чем она становилась во главе своей оды. В этом случае она, скорее всего, так и оставалась на этом посту; она понимала, что шансов когда-нибудь стать кадиной у нее больше нет, и предпочитала пользоваться тем малым, что давало ей нынешнее положение.

Но давайте посмотрим, что стало с девочкой, начавшей работать у хранительницы гардероба, затем переведенной к старшей по приготовлению кофе и по счастливой случайности находящейся у султан-валиде во время визита султана.

Было вполне достаточно, чтобы султан одобрительно посмотрел на нее или отпустил в ее адрес какое-то банальное замечание. Каждый такой знак внимания султана моментально отмечался, и девушку сразу же начи-

нали называть гюздех, или «присмотренная». Это ее первый шаг на пути к столь желанному положению кадины. С этого времени девушка становится «отмеченной». Ее отделяют от других и дают собственные покои и слуг. Тем временем все ждут дальнейшего развития событий, и приказ предстать перед султаном может поступить в любой момент. Если это случается, то появлению девушки в покоях ее господина предшествуют великие приготовления. В помощь приглашаются по очереди все начальницы разных служб. Первой ее забирает смотрительница бань, она наблюдает за тем, как девушке делают массаж, как ее моют, орошают духами и причесывают. Затем ей бреют волосы на теле, красят ногти и т. д. После этого ею занимаются хранительницы белья, гардероба и казначей. И вот наконец она готова к свиданию с августейшим возлюбленным. Сейчас ей выпал шанс. В ход идут все ухищрения, какие только может придумать женщина, — вдруг от этого союза родится сын? Но сначала она должна пленить сердце султана, и тогда, возможно, она сможет провести с ним несколько ночей, а там кто знает, как сложатся обстоятельства.

Часто утверждают, что, когда кадины или другие удостоенные милости наложницы входят в спальню султана (до того, как туда удалился ее хозяин, этого делать не дозволено), они приближаются к постели, приподнимают одеяло и подносят его ко лбу и щекам. Затем они робко взбираются на ложе и постепенно продвигаются вперед, до тех пор пока не окажутся напротив султана.

Другие оспаривали факт существования такой традиции, а когда леди Мэри Уортли Монтегю спросила об этом главную кадину Мустафы II, та рассказала, что на самом деле сообщения о существовании обычаев и бросать платок, и подползать по постели к султану не имеют под собой никаких оснований.

Однако это единственное свидетельство ни в коем случае не убеждает: во-первых, оно относится к XVIII веку, во-вторых, вполне может объясняться особенностью

конкретного «свидания». Более поздние авторы, за исключением таких серьезных исследователей, как д'Оссон, просто цитировали ее слова, не подвергая их сомнению. Это «вползание» в постель было обязательным ритуалом для мужчины, женившегося на одной из дочерей султана. В таких браках несчастный мужчина, находившийся в полной зависимости от настроений высокородной жены, был вынужден ожидать за дверью, пока ему разрешат войти в спальню. Когда его призвут, он несмело входил, целовал одеяло и робко «подползал» к жене. Тот факт, что этот обычай существовал и за пределами Серая, в домах мужчин, которые до получения от султана такой награды могли занимать в обществе очень скромное положение, в значительной степени объясняет, каким образом о нем стало известно. Более того, обычай «вползания» в постель был характерным не только для Турции, он был устоявшейся практикой и на востоке Азии, в частности в Китае.

В 1877 году в «Журнале Королевского азиатского общества» была опубликована авторитетная статья Картера Стента, посвященная ритуалу посещения спальни повелителя его наложницей. В конкретных деталях он совпадает с турецким. Когда китайский император пожелает присутствия у себя в спальне какой-то женщины, он дает дежурящему у дверей евнуху табличку с ее именем. Тот извещает об этом даму, и евнухи приносят наложницу в опочивальню повелителя. Женщина не должна делать это как обычно, то есть лечь в постель со стороны изголовья или сбоку, — придворный этикет требует, чтобы она делала это со стороны ног и постепенно «подползала» к телу высокородного любовника. За дверями дежурили два евнуха, до рассвета они будили наложницу и относили назад в ее покои. Факт посещения женщиной императора вносился в специальную книгу, где указывались имя дамы и дата визита. Император подписывал документ, и если у женщины рождался ребенок, то данная запись становилась подтверждением его законного происхождения.

Что касается другого обычая — выбирать наложницу, бросив ей платок, то существуют достаточно достоверные свидетельства того, что по крайней мере в какой-то период такой обычай существовал.

В первую очередь следует помнить, что в Турции мендиль, яглык, или платок, играл уникальную роль — он был знаком милости. Все, а не только султан, прикрывали платком любой подарок, вручаемый одним человеком другому. Естественно, появление конвертов и картонных коробок способствовало тому, что при султанах более поздних периодов эта традиция отмерла, но прежде любое важное письмо, деньги, ювелирные украшения и даже подарки в виде фруктов, сладостей и предметов одежды заворачивали в вышитый платок. Чем богаче был платок, тем большее расположение выказывал даритель. Поэтому очень возможно, если не сказать вероятно, что милость повелителя при выборе женщины могла выражаться в том, что он бросал ей платок.

Более того, как мы вскоре увидим, О. Бон, на чье свидетельство можно полагаться, однозначно сообщает, что перед уходом в свои покои султан бросает платок той, кого он хочет видеть¹. В определенных ситуациях слова не нужны и даже излишни, поэтому при дворе, изобилующем многочисленными традициями и церемониями, такой обычай вполне мог существовать. В некоторой степени он перекликается с западной традицией бросать перчатку сопернику при вызове его на бой, хотя, конечно, это более серьезное дело.

Для того чтобы сделать визит женщины тайным, принимались все возможные меры. Ни одна из остальных женщин не должна была узнать вообще о том, на кого пал выбор султана, если только избранница не станет кадиной и не получит собственный штат слуг. Евнуха, охраняющего опочивальню султана, извещают о плани-

---

В XVIII веке Флаше писал о том, что таким же образом султан Махмуд I выбирал понравившуюся ему девушку в саду тюльпанов. (Примеч. авт.)

руемом визите, а гаремная привратница проводит все необходимые приготовления. Между комнатами девушки и султана закрываются все окна и двери, никому не позволено выходить, и везде стоит тишина. Несмотря на то что султан почти всегда принимает женщину в своих покоях в гареме, иногда он удостоивает чести посетить даму в ее апартаментах. В этом случае его провожает туда один из черных евнухов, и дама со своими рабынями принимают султана с глубочайшим почтением. Утром он или она возвращаются в свои покои также тихо и скрытно, как они пришли туда. Рассказывая об этом в начале XVII века, Бон пишет: «...если ему нужна одна из них для того, чтобы она доставила ему удовольствие, или же он хочет понаблюдать за ними во время игр, послушать их пение и игру на музыкальных инструментах, он извещает о своем желании старшую кадину, которая немедленно посылает за самыми красивыми, с ее точки зрения, девушками и выстраивает их в длинный ряд в комнате. Затем она приглашает султана, он один или два раза проходит перед ними и останавливает взор на понравившейся. Бросив один из платков той, с кем он хочет провести ночь (она его сразу же подхватывает), он покидает помещение. Девушка, которой повезло, украшает себя с помощью косметики, потом ее наставляет и орошает духами кадина. Она проводит ночь с султаном в королевской опочивальне на женской половине, эта комната всегда готова для таких случаев. Всю ночь по приказу кадины в комнате посменно по два-три часа дежурили старухи мавританки. В спальне постоянно горели два светильника: один у двери, где несла дежурство одна женщина, другой — в ногах постели, где была вторая. Женщины бесшумно менялись местами, ничем не нарушая сон правителя. Встав утром, султан полностью переодевался и оставлял наложнице старую одежду со всеми находившимися в кошельках деньгами. Возвратившись в свои покои, он посылал ей подарки: одежду, драгоценности и деньги — в зависимости от того, какое удоволь-

ствие она ему доставила. Так он поступал и со всеми другими женщинами; с теми, к кому он благоволил больше, он был щедрее. Та, которой удавалось забеременеть, сразу же получала имя кассачи-султан, то есть королева-султанша, а если у нее рождался сын, устраивали большой праздник.

Этой королеве-султанше сразу же дают собственные великолепные покои со всем необходимым, султан назначает ей большое жалованье, которое она может тратить по своему усмотрению, и весь Сераль признает ее статус, выражая ей почет и уважение. Остальных женщин, предававшихся любовным утехам с султаном, даже если у них будут дети, называют не королевами, а просто султаншами; титул королевы получает только одна, являющаяся матерью наследника трона. Эти султанши, разделявшие ложе с правителем, сразу же поднимаются на более высокую ступень в гареме, им предоставляют собственные покои и слуг, а также дают на расходы столько асперов в день, сколько им нужно на самые красивые наряды, становящиеся предметом зависти других обитательниц гарема.

Все эти султанши беспрестанно интригуют друг против друга и проявляют много изобретательности в том, чтобы не стать безразличными султану. Поэтому каждая, будучи рабыней и живя в страхе не быть удостоенной любви его величества, старается всячески ублажить его, чтобы он выделял и любил ее больше, чем остальных... Жизнь прочих женщин, которым не повезло стать фаворитками султана, пуста, они проводят юность в кознях против своих подруг, а в более старшем возрасте становятся наставницами или воспитательницами молодых девушек, ежедневно привозимых в Сераль. Оказавшись в таких неблагоприятных обстоятельствах, они считают удачей, если им удастся добиться перевода в Старый Сераль, потому что там их могут выдать замуж, если на это будет благоволение дамы-распорядительницы и хватит накопленных в Серале сбережений и подарков, а их может быть доволь-

но много — ведь помимо получаемого из личной казны султана жалованья таких женщин очень ценят султанши и часто им что-то дарят».

Здесь Бон говорит только о женщинах старшего возраста, с опытом, о тех, которые в пору их юности ни разу не привлекли внимание султана. А что происходило с девушкой, которую однажды отправили к султану и которую он не захотел увидеть? Несчастную помыли, надушили и повели как ягненка на заклание, а тут султан передумал, забыл о ней или же на самом деле вообще не собирался проявлять к ней никакого интереса. Ее сразу же лишали пышных нарядов, отбирали недавно назначенных для нее рабов, и она вновь возвращалась к прежней жизни.

Помимо распорядительниц, учениц, помощниц и кадин, в гареме было огромное число женщин-служанок, выполнявших черную работу. Самую грязную работу — мытье полов, коридоров, стен — выполняли негритянки, к более легкой относились ремонт и уход за диванными подушками, чистка и подготовка жаровен, уход за молельными ковриками в мечети, помощь в подготовке шербетов, плова и т. п. В отдельных случаях девушка могла проявить талант в какой-то области, и тогда это было ее шансом получить более легкое и приятное занятие. Каждая училась готовить и, если представлялась возможность, гордилась тем, что смогла порадовать султана каким-нибудь необычным сладким блюдом или приготовить сочное жаркое.

Как мы узнали из предыдущей главы, в селямликe имелся большой зал Приемов султана (см. план, поз. 77), куда правитель для развлечения иногда приглашал обитательниц гарема. В такие дни там мог собираться весь гарем, наслаждаясь музыкой, танцами и представлениями мимов. Красота множества женщин, их шелковые и атласные наряды, всевозможные ювелирные украшения, богатая мебель, яркое освещение, молчаливые ряды черных евнухов и, наконец, сам султан, сидящий на троне в алом отороченном соболями кафтане,

с кинжалом, усыпанным бриллиантами, и белым эгретом, закрепленным на тюрбане брошью с алмазами и рубинами, стоящий рядом с ним кальян, тоже весь в драгоценных камнях, исходящее от небольших жаровен благовоние и аромат кофе — все это, наверное, было удивительным зрелищем и вполне могло соперничать с самыми невероятными выдумками, описанными на страницах «Тысячи и одной ночи», рассказывающей о временах, когда слава Гаруна аль-Рашида находилась в зените. Участвовавшие в представлении танцовщицы, мимы и музыканты оркестра проходили тщательный отбор и подготовку. Иногда для разнообразия приглашались исполнители танцев со стороны, их выступления принимали с огромным энтузиазмом. По сообщениям нескольких авторов, танцы по своему характеру были весьма нескромными, и можно предположить, что большое место отводилось танцу живота и другим двусмысленным телодвижениям. Большой популярностью у обитательниц гарема пользовался театр теней — подобный тому, каким удивляет Монмартр неискушенных туристов. В правление Селима III одному французскому танцовщику и нескольким музыкантам позволили побывать в каком-то здании, относящемся к гарему, но находящемся за его пределами. Там в присутствии евнухов они давали уроки девушкам, отобранным для участия в следующем представлении. Обычно это были те, кто еще не принял магометанство, потому что ислам не слишком одобрительно относится к подобным занятиям.

За исключением таких редких развлечений, как эти, да еще немногочисленных прогулок вверх по Босфору, жизнь в гареме, судя по всему, была очень скучной.

Я уже рассказывал, как девушка могла «совершенствоваться» и что всегда был шанс, что ее заметит султан или даже что ее выдадут замуж за пределы Сералья.

Бывшие кадины покойных султанов переезжали в Старый Сераль и там иногда выходили замуж, порывая, наконец, с дворцами султана. Лучший пример ос-

вобождения «отставной» кадины — это история женщины, получившей нелестное прозвище Султанша-развратница из-за того образа жизни, который она вела, а также благодаря своему занятию. Сначала она была одной из кадин Ибрагима, потом ее отправили в старый дворец и там выдали замуж за пашу. После его смерти она могла жить где захочет. Будучи, благодаря многолетней практике в гареме Ибрагима, большим специалистом в искусстве соблазнения и порока, она сожалела, что ее знания пропадают втуне. Кроме того, ей, женщине в возрасте, было просто скучно. Поэтому она стала самой востребованной и дорогой сводницей Константинополя. Она покупала юных девушек, учила их хорошо петь, танцевать и обольщать мужчин, а затем на время отдавала богатым пашам и знатным молодым людям. В книге «История Османской империи, 1623—1677» сэр Пол Рико рассказывает о том, что она отказала султану Мухаммеду IV, желавшему взять одну из ее девушек, и поэтому стала причиной смерти капитана-боснийца, сделавшего эту девушку любовницей. Доктор Джон Ковел в своем дневнике излагает другую, менее достоверную версию событий.

Не стоит думать, что в гареме все женщины мирились с тихой, небогатой событиями жизнью. Некоторые пытались как-то ее улучшить, и им удавалось в этом преуспеть.

Босфор помнит, что произошло с теми, кто предпринимал такие попытки и терпел неудачу. Однако случилось, что кому-то удавалось добиться успеха, — правда, таких были единицы. Как ни странно, некоторые женщины сами хотели попасть в гарем. Они воспринимали его не только как место полное тайн, тишины, скуки и не как тюрьму — их привлекала возможность плести интриги, получить шанс жить в роскоши и богатстве. Собственно говоря, в XVI и XVII веках итальянок и сицилиек продавали в гарем с их согласия, они стремились туда с единственной целью — реализовать свои амбиции.

Нам не суждено узнать всего об этих бесконечных интригах, как и того, сколько женщин было брошено в волны Босфора в мешках. Судя по всем свидетельствам, подобные истории, когда-то шокировавшие весь цивилизованный мир, не были преувеличением. Если бы речь шла о единичных случаях, то это вообще не привлекло бы никакого внимания. Начальник черных евнухов приводил несчастных к главному садовнику, там их помещали в мешки, нагруженные камнями. Садовник садился в небольшую шлюпку, а мешки с «грузом» клали в привязанную к ней веревкой лодку поменьше. Затем он греб к месту напротив мыса Сераль и, несколько раз дернув опытной рукой за веревку, топил лодку с женщинами. Садовника сопровождал евнух, он и докладывал своему начальнику о выполнении приказа.

Бывало, что после раскрытия какого-нибудь заговора с целью свержения султана или совершения другого тяжкого преступления проводили массовые казни: однажды утопили 300 женщин. Но самый ужасный случай произошел в правление Ибрагима, решившего после одной из попоек утопить свой гарем в полном составе просто ради того, чтобы потом завести новый. По его приказу несколько сотен женщин были схвачены и в мешках брошены в Босфор. Спасти удалось только одной. Ее подобрало проходившее мимо судно, и в конце концов она попала в Париж.

Странную историю рассказал ныряльщик, которому после кораблекрушения приказали нырнуть с мыса Сераль. Практически сразу же он подал сигнал, чтобы его поднимали. Прерывающимся от ужаса голосом он объяснил, что видел на дне моря огромное количество открытых мешков, и в каждом, медленно раскачиваемая течением, стояла мертвая женщина.

Однако стоит поговорить и об обратной стороне медали. Мы уже знаем, как Роксолана первой из женщин смогла въехать в гарем со своими слугами и евнухами, как постепенно она приобрела полную власть над султаном и единолично управляла гаремом до са-

мой смерти, случившейся в 1558 году. Это было началом периода правления женщин, продолжавшегося около ста пятидесяти лет и закончившегося со смертью султан-валиде Тархан, матери Мухаммеда IV. В течение этого долгого времени страной правил гарем, и между ней и первой кадиной шла непрерывная война. Иногда к ним присоединялся и главный черный евнух. Весь гарем превратился в рассадник интриг, взяточничества, вымогательства, заговоров и контрзаговоров. Пока султаны в соответствии с собственными вкусами предавались кто пьянству, кто распутству, именно женщины прокрадывались к тайному зарешеченному окну Дивана, подслушивали государственные тайны и в зависимости от узнанного вели свою игру.

Следуя примеру Сулеймана, Селим II держал свой гарем в Серале. По мере того как он все больше погружался в пучину пьянства, усиливалась власть старшей кадины Нур-Бану-Султан. Когда ее сын стал султаном Мурадом III, она получила титул султан-валиде, что позволило ей заметно укрепить свою власть. Тем временем гарем был погружен в интриги, и началась борьба за желанное место первой кадины. Победу в ней одержала красавица венецианка из дворянского рода Баффо, в ранней юности захваченная в плен турецким пиратом. Красота и живой ум наложницы завоевали сердце Мурада, и он забыл об остальных женщинах. Это очень обеспокоило его мать, султан-валиде Нур-Бану, поэтому она приказала привезти с невольничьих рынков во дворец самых красивых девушек. Ее план удался, и, забыв о любимой, Мурад пустился во все тяжкие, меняя женщин одну за другой. Цены на этот живой товар сразу же подскочили, работоторговцы и даже высокопоставленные обитатели гарема бросились поставлять все новых девственниц для похотливого султана. Влияние и могущество венецианки, известной под именами Сафие, Сафийе и Баффа — последнее по фамилии ее рода — сильно ослабло. Но это относилось только к любовным отношениям с Мурадом. Интересы Сафие

простирались значительно дальше: стремясь не допустить нападения Турции на Венецию, она в это время уже находилась в тайной переписке с Екатериной Медичи¹. Пока Мурад продолжал предаваться всем удовольствиям, которые предлагал ему гарем, именно Сафие определяла передвижения флотов и армий Османской империи. Через еврейку по имени Кьярецца, поставившую в Сераль драгоценности, она поддерживала контакты с венецианским послом. Кроме твердого намерения не допустить нападения Турции на Венецию, у нее было лишь одно страстное желание, ради осуществления которого она пожертвовала бы всем, — сделав своего сына султаном, самой стать султан-валиде. В 1595 году, когда ей представилась такая возможность, Сафие, не колеблясь ни секунды, организовала ужасающее убийство девятнадцати братьев Мухаммеда III. Цель была достигнута, и некоторое время она продолжала управлять страной. Она зашла так далеко, что пыталась устранить от дел собственного сына, поощряя его склонность к пьянству, чтобы он не вмешивался в решение государственных дел. Несмотря на то что в 1596 году его убедили повести янычар на Венгрию и Австрию, он сразу же вернулся под сень гарема, оставив на Сафие управление государством. Но затем наступил и ее черед: и однажды утром Сафие нашли в постели задушенной.

Женское правление продолжалось, полностью под женским влиянием находился и Ахмед I. Его преемник Мустафа I был душевнобольным, а когда сменивший его Осман II начал проявлять интерес к государственным делам, то вызвал недовольство янычар и был немедленно убит. Все это время страной фактически управляла также женщина — Киусем (Киосем, Киюзел)-Султан, мать Мурада IV и Ибрагима. Мурад, вступив-

---

Е к а т е р и н а М е д и ч и — с 1533 года французская королева, была одним из организаторов Варфоломеевской ночи, в конце XVI века определяла государственную политику во Франции. (*Примеч. пер.*)

ший на трон в 1623 году, смог лишить гарем власти, по крайней мере временно; кроме того, он был последним султаном, который лично вел в бой свою армию. Его сгубила привычка пить, и после приступа лихорадки, спровоцированного приемом спиртного и ужасом, обуявшим его при виде заходящего солнца, он умер в возрасте двадцати восьми лет. Одним из последних его распоряжений был приказ убить его брата Ибрагима (в результате чего пресекся бы род Османов) и отдать трон своему фавориту Сылихдару-паше.

Но гарем еще раз одержал победу, и Киусем солгала, объявив о смерти Ибрагима. Услышав новость, Мурад скривил рот в гадкой улыбке и попытался встать с постели, чтобы позлорадствовать над телом брата. Зная, что если правда вскроется, то это может стоить им жизни, слуги удержали умирающего в постели. Конец последовал почти мгновенно, а Киусем, предвкушавшая долгие годы правления, бросилась в Клетку, чтобы сообщить Ибрагиму хорошие новости.

Как мы узнаем в следующей главе, он был слишком сильно напуган и не хотел открывать — он думал, что настойчивый стук в дверь означает приход немых со шнурком для удушения, чего он боялся все восемь лет.

Обретя наконец свободу, Ибрагим взошел на трон. Очень скоро стало ясно, что это самый развращенный, эгоистичный, жестокий, жадный и трусливый человек, какой когда-либо появлялся на свет в Османской империи. Его великий визирь Кара-Мустафа пытался положить конец излишествам султана, но поссорился с кем-то из гарема и вскоре был казнен. Преемник визиря решил вообще не препятствовать причудам Ибрагима, но некоторые из его оргий были настолько возмутительными, что даже в гареме слышался неодобрительный ропот. Все лучшие посты в государстве были проданы тем, кто заплатил больше, и розданы ничего не знающим и не умеющим фаворитам, налоги росли, государственная казна опустела — все деньги ушли на разгульную жизнь Ибрагима.

Скандал в гареме породил слух о том, что из-за постоянного пьянства султан стал импотентом, однако рождение сына в 1642 году и еще двух в следующем его опровергли. В то же время его порочная жизнь продолжалась, и историки рассказывают забавные вещи о том, что творилось в Серале. У султана была нездоровая страсть к использованию духов, особенно он предпочитал тяжелый пряный запах серой амбры. Ею он обильно душил свою бороду, одежду и занавеси в покоех. Второй страстью султана были меха. Однажды вечером в гареме ему рассказали о короле, вся одежда которого была из меха соболя, все диваны и полы были застланы такими же шкурками, и даже стены были обиты ими. Ибрагим тоже захотел стать «соболиным королем», и утром он приказал в Диване собрать по всей империи соболя меха. Было объявлено о необходимости заплатить налог серой амброй и мехами, что вызвало в стране возмущение столь глупой и бессмысленной причудой. В «Истории Османской империи» Деметрий Кантемир приводит ужасающие подробности жизни Ибрагима в гареме: когда у него наступало физическое истощение и природа отказывалась ему повиноваться, он возбуждал себя афродизиаками и уставлял свои покои зеркалами. Каждую пятницу ему дарили (обычно мать!) новую девственницу, а любому, кто предлагал какую-то оригинальную оргию, был обеспечен триумф. Одно из его игрищ было таким: он приказывал всем женщинам раздеться донага и изображать кобыл, а сам, тоже обнаженный, бегал среди них, пока были силы, играя роль жеребца.

Причуды женщин порой не уступали его собственным, и он разрешал им бесплатно брать в лавках и на базарах все, что они хотели. Одна из этих дам как-то обмолвилась, что предпочитает делать покупки по ночам, и хозяев лавок обязали ночью не закрывать их и обеспечить достаточное освещение. Другая сказала Ибрагиму, что ему очень пойдет, если он украсит бороду драгоценными камнями! Сказано — сделано, и он дей-

ствительно появился на людях в таком виде! Суеверные турки сочли это очень плохим предзнаменованием, потому что единственным правителем, поступавшим таким образом, был трагически окончивший свои дни египетский фараон.

Сохранилось много воспоминаний о развращенности, похоти и жестокости Ибрагима, но пересказанная Рико история о кызлар-аге и его рабыне все же стоит внимания, поскольку наглядно иллюстрирует то, как происшествие в гареме привело к войне, длившейся более двадцати лет.

Случилось, что как-то раз кызлар-ага, главный черный евнух, увидел светловолосую рабыню, выставленную на продажу торговцем-персом. Евнух был настолько очарован ею, что решил купить девушку для своего гарема — для него явно не нужную, но необходимую в силу традиции и положения в обществе. Несмотря на то что продавали ее как девственницу, она оказалась беременной, и охваченный праведным гневом евнух сослал ее в дом своего дворецкого. Однако когда ребенок родился, любопытство взяло верх над негодованием, и евнух отправился взглянуть на дитя. Ребенок настолько ему понравился, что он решил его усыновить. Примерно в то же время родился Мухаммед, первый сын Ибрагима. Поскольку сыну султана была нужна нянька, то рабыня кызлар-аги и стала воспитывать обоих детей.

Ибрагим сразу же отдал предпочтение не своему бледному и анемичному сыну, а ребенку рабыни. Он проводил с ним много времени, играя в садах Серая. Это вызвало ревность матери Мухаммеда, возненавидевшей рабыню, ее сына и кызлар-агу. Однажды, когда она стала жаловаться на них султану, он в ярости выхватил Мухаммеда из рук матери и бросил его в находившуюся неподалеку цистерну. Мальчику не дали утонуть, но шрам на лбу остался у него на всю жизнь.

К тому времени ситуация для кызлар-аги стала складываться очень плохо, и он внезапно решил, что отпра-

вится в Мекку, а затем, возможно, уйдет в отставку и уедет в Египет. После недолгих сборов на три корабля погрузили его гарем и огромный скарб главного черного евнуха. Сильный встречный ветер вынудил укрыться суда возле острова Родос, а как только путь был продолжен, к ним подошли шесть мальтийских кораблей и открыли огонь. В кровавой битве турецкие корабли были захвачены, сражавшийся наравне со всеми кызлар-ага погиб как мужчина. Добыча была настолько богатой, что мальтийцы подумали, что это особый караван, и приняли найденного на одном из кораблей ребенка за сына султана, которого везли в Александрию на учебу. Присутствие на судне кызлар-аги укрепило их предположения, и гротмейстер ордена рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского оказал мальчику почести, полагающиеся будущему правителю, а вся Европа поверила в рассказы мальтийцев. Ребенку дали образование, и после скитаний по разным странам он стал монахом, известным под именем отец Оттоман.

Когда известие о случившемся дошло до ушей Ибрагима, он обезумел от ярости, казнил своего капитан-пашу и поклялся отомстить не только мальтийцам, но и венецианцам, дававшим им приют на Крите. Хотя открыто война была объявлена Мальте, тайной целью была Кандия, или Крит. В 1645 году в плавание был отправлен мощный флот с официальной целью атаковать Мальту, которая спешно укрепляла свои оборонительные сооружения и готовилась к долгой осаде. Однако турки изменили свой курс и направились на Канеа — западную оконечность Крита, куда прибыли в конце июня. Они захватили Канеа и Ретимно, а в 1648 году началась осада столицы острова, продолжавшаяся двадцать лет!

Тем временем в самой Турции гарем по-прежнему продолжал править страной, но Ибрагим зашел слишком далеко, и его смещение воспринималось как единственное спасение страны от гибели. У султан-валиде Киусем дипломатично поинтересовались ее мнением, и

она, страдая от причиняемых ей собственным сыном жесточайших унижений, согласилась принять депутацию из представителей армии и народа. Протесты Киусем не помогли, ей пришлось согласиться с их требованиями. Ибрагим был низложен и отправлен назад в Клетку, а вместо него на трон возвели юного Мухаммеда. И теперь Киусем пришлось считаться с другой, более молодой султан-валиде Тархан, или Тюркхан, оказавшейся достойной своей старшей соперницы. Пока заключенный в Клетку Ибрагим пытался вернуть потерянный трон, спаги настаивали на предании его смерти, и муфтий дал на это согласие. Шнурок для удушения закончил никчемную жизнь изрыгавшего угрозы и проклятия бывшего султана.

Сейчас Киусем больше, чем когда-либо раньше, понимала, что власть уходит из ее рук, поэтому решила предпринять последнюю попытку и устроить с агой янычар, которого ей удалось привлечь на свою сторону, заговор с целью свержения Мухаммеда IV. Вместо него она хотела возвести на трон его младшего брата Сулеймана. Поначалу все шло как задумано. Ага собрал войско, и великий визирь, застигнутый врасплох ночью, был вынужден принять заговорщиков. Сделав вид, что согласен с их планами, он попросил разрешения отправиться в Сераль, чтобы созвать Диван, но, как только он вошел внутрь, двери закрыли, и остаток ночи был посвящен вооружению всех войск и баррикадированию выходов из дворца. Разбудили Тархан, и была принесена присяга служить юному Мухаммеду, который к тому моменту был еще ребенком, и защищать его. Муфтий в своей фетве объявил, что Киусем должна умереть, а великий визирь подготовил соответствующий указ. Трясущейся рукой юный султан подписал его. Это был час триумфа Тархан. Киусем безрезультатно пытались найти в ее покоях, но в конце концов нашли в шкафу с нарядами, откуда ее и извлекли. В последовавшей за этим ужасной сцене было забыто всякое почтение. С нее сорвали серьги и браслеты, проигнорировав день-

ги, разбросанные ею по полу в надежде умиловить врагов, ее богатые наряды разорвали на мельчайшие кусочки. Несмотря на приказы султана с уважением отнестись к телу бабушки, с несчастной женщины сорвали одежду и за ноги протащили к калитке гарема, известной под названием калитка Птичника (см. план, поз. 40). Там ее задушили, позднее были убиты и ее сторонники. Теперь вся власть оказалась в руках Тархан, но она поступила мудро, передав полномочия правления Мухаммеду Киуприлы, первому из трех великих визирей, носивших такое имя. Он правил страной очень успешно. Со смертью Тархан эпоха правления женщин в Турции закончилась, и вновь появилась надежда на то, что у империи есть будущее.

Глава 8

СЕЛЯМЛИК

Как уже отмечалось в вводной главе, селямлик — это часть дома, предназначенная исключительно для мужчин; в переводе это слово означает «место приветствия». Однако применительно к Сералю оно используется в своем самом широком значении, то есть селямлик включает и Тронный зал, куда нередко приглашались женщины, и зал Обрезания. Банный коридор и Золотая дорога соединяли селямлик непосредственно с гаремом. Со временем граница между этими двумя важными частями Дома блаженства стерлась, и сегодня уже непросто определить, где кончается одна и начинается другая.

Вестибюль Очага (см. план, поз. 70) был построен после опустошительного пожара 1665 года, для того чтобы связать двор султан-валиде и зал Приемов султана, известный еще как внутренний тронный зал. Вестибюль очага сообщается с прихожей зала Приемов султана, или Вестибюлем фонтана, который превосходит его по богатству убранства. Это комната с высоким потолком, все стены полностью отделаны изразцами (ил. 24). Над каминной доской и дверным проемом, выходящим в вестибюль покоев Мурада III, панели с глубокими резными куфическими письменами. Дверцы стенных шкафов слева и справа от камина инкрустированы перламутром, узором напоминающим посольский зал дворца Альгамбра в Гранаде.

Оказавшись под сводом огромного зала Приемов, сразу отмечаешь сочетание восточных и французских

мотивов в отделке. Искусно выполненная резная стеновая панель во французском стиле венчается куфической надписью, а разнообразные стулья и напольные часы в деревянных корпусах заставляют вспомнить стиль рококо. Это помещение предназначалось для больших развлекательных мероприятий гарема. Женщины здесь располагались на возвышении за колоннами, а на хорах, над ними, находились приглашенные со стороны музыканты с надежно завязанными глазами.

С правой стороны располагался трон султана традиционной конструкции с балдахином на четырех шестах. Из всех проводившихся здесь официальных церемоний, письменные свидетельства о которых дошли до нас, похоже, лишь одна была первой встречей нового султана со всем своим гаремом непосредственно перед началом церемонии «опоясывания мечом Османа Гази» в мечети Эйюба, аналогом европейской коронации. Описание этой церемонии представлено в работе Ф. Хаслака «Христианство и ислам при султанах» (Оксфорд, 1929).

Современная роспись парусов свода и арок не представляет особой художественной ценности и напоминает таковую во многих крупных мечетях Константинополя. В дальнем левом углу — Банный коридор, через который, направляясь налево, попадаешь в бани султана и в спальню Абдул-Хамида I, а направо — в покои Селима III. Декор комнаты Абдул-Хамида настолько перегружен элементами рококо, что нет буквально ни сантиметра поверхности без позолоченного или вырезанного из мрамора завитка. Фонтан, отделка камина, стенные шкафы и тронное возвышение — все несет на себе отпечаток вычурности и излишеств, присущих худшим образцам стиля Людовика XV. Это своего рода контрастный переход (за исключением, пожалуй, отделки камина, которая, скорее, вообще является образчиком рококо) к более спокойной отделке покоев Селима III. Вдоль трех стен стоят низкие диваны с шелковой и атласной драпировкой, расшитой

приятными цветочными узорами. Из северных и западных окон открывается вид на чудесные сады внизу.

По длинному переходу за стеной комнаты Селима попадаешь в пристенный павильон Османа III и соседние помещения. Здесь вновь отмечается сильное французское влияние, выраженное в отделке фасада, чрезмерно перегруженного элементами декора, он обращен на обширный, вымощенный плиткой внутренний двор с прудом прямоугольной формы посередине. Вдоль восточной стены — трельяж для виноградной лозы.

В целом павильон выполнен в итальянском стиле. Восточное влияние прослеживается здесь в характерных широких свесах крыши, которые вместе с опорным карнизом поднимаются волнами от каждого края фасада через дверной проем к центру. Две колонны перед дверью поддерживают волнообразной формы антаблемент с разнообразными скульптурными формами сверху. С каждой стороны дверного проема расположены по два разделенных пилястрами окна, забранные массивными решетками, которые венчают довольно простые пояски, а над ними — прямоугольные панели с резным орнаментом. Стены по обе стороны от центральной ниши разделены пилястрами, пространство между которыми украшено характерными пристенными фонтанами и настенной росписью с четкой перспективой, напоминающей фрески четвертого помпейского стиля.

Внешний фасад, если смотреть со стороны садов Сераля, отличается строгостью архитектурного стиля, а верхняя выступающая часть стен с павильоном на самом верху напоминает скорее тюрьму или фортификационное укрепление Средневековья. Отделка сведена к минимуму, однако в целом оставляет приятное впечатление. Из окон открывается замечательный вид на залив Золотой Рог и пролив Босфор, а до строительства уродливого здания железнодорожного вокзала все окрестности до самой водной глади занимали сады.

Внутри павильон разделен на три главные смежные комнаты, причем стенной павильон сам является час-

тью центральной комнаты, которая вдвое больше остальных. И вновь здесь сложно найти на поверхности стен или потолка место без дорогой отделки. Панели стен покрыты резными и живописными цветочными узорами самой причудливой формы и фресками с итальянскими видами. Одни панели украшены изразцами, составляющими замысловатые узоры, другие выложены так, что образуют ниши для трубок, подносов и тому подобного, как в кабинете Мурада III или в Багдадском павильоне. Зеркала и мебель, украшенные великолепной резьбой и позолотой, с обивкой из парчи и шелка — французские, в стиле Людовика XIV и Людовика XV.

Все здесь буквально кричит о безмерном богатстве, а изобилие отделки и буйство красок не просто свидетельствуют об отсутствии утонченного вкуса, но и граничат с пошлостью. Тем не менее павильон представляет собой характерный образец позднего турецкого искусства и чрезмерно вычурный вариант декора в стиле рококо, широко распространенного в то время во многих странах Европы.

Павильон Османа III находится на противоположной от зала Приемов стороне внутреннего двора, куда нам теперь необходимо вернуться, чтобы попасть в покои Мурада III, Ахмеда I и Ахмеда III. Помещение (см. план, поз. 86) образует вестибюль или холл перед большим кабинетом Мурада III. Его стены полностью покрыты изразцовыми панелями с цветочным рисунком, над которыми, чередуясь, идут карнизы с куфическим и цветочным орнаментом. Дверцы буфета и входная дверь инкрустированы перламутром.

По размерам кабинет Мурада III уступает в селямлик-е только залу Приемов султана. Купол кабинета хорошо виден на фотографии внутреннего дворика принцев (ил. 30). Помещение действительно оставляет приятное впечатление: изразцовые панели удачно сочетаются с несколькими блоками стенных ниш, по три яруса в каждой. В стене находится искусно выполненный фонтан каскад-

ного типа, а у камина стоят два трона под балдахинами, похожие на кровати. Интересен и сам камин с остроко-
нечным навесом высотой более 6 метров, по форме напо-
минающим макушку минарета, а на взгляд западного че-
ловека — остро заточенный грифель гигантского каран-
даша. По периметру комнаты на высоте около 2,5 метра
идет глубокий карниз в куфическом стиле.

На выходе из этой комнаты находятся два неболь-
ших, достойных нашего внимания кабинета: это биб-
лиотека Ахмеда I и столовая Ахмеда III. Общий план
библиотеки напоминает большую комнату Мурада III,
хотя облицовка здесь идет в основном по верхней ча-
сти стен, а остальное пространство занято стенными
нишами с двойными панельными дверцами, инкрус-
тированными геометрическими узорами, в которых ус-
тановлены книжные полки. Изящный облицовочный
плинтус придает довольно неожиданное для библиоте-
ки ощущение хорошей освещенности помещения. На
парусах свода сделаны крупные круговые надписи, над
которыми идут две строки мелким шрифтом, а снизу —
одна. От центра купола вниз свисают традиционные
шар и кисточка. Книги и манускрипты из библиотеки
Ахмеда I сейчас перенесены в новую библиотеку, на-
ходящуюся в Третьем дворе.

Слева от выхода из библиотеки расположена неболь-
шая столовая Ахмеда III, уникальная в своем роде. Она
отделана деревянными филенками и расписана вазами
с яркими цветами и блюдами, заполненными разнооб-
разными фруктами. Мозаичный поднос в центре поме-
щения исполняет роль подставки для стеклянной чаши
с фруктами и двумя обычными обеденными ложками.
Небольшая боковая дверь ведет в ту часть зала Приемов
султана, где располагаются женщины гарема.

Таким образом, беглый обзор (отчасти потому, что
все описанные помещения открыты для осмотра) охва-
тывает практически весь селямлик. Однако вне нашего
внимания пока остается самая интересная и таинствен-
ная часть комплекса. Я имею в виду Клетку. Попасть

туда можно по Золотой дороге, переходящей в коридор, известный под названием «Место сбора джиннов», или из холла покоев Мурада III. Недоступность для посетителей и зловещая притягательность этого места обязывают меня рассказать о нем подробнее.

Едва ли в каком-то другом дворце Европы найдется место, где разворачивались бы события более ужасающей жестокости и бесчеловечности, чем в Клетке селямлика. Появление этого помещения стало результатом слабости, порочности и ограниченности многих султанов, которые и привели сначала к упадку, а в конечном итоге и к падению Османской империи.

В огромном гареме Мурада III родились сто три ребенка, причем к моменту его смерти в живых оставались двадцать сыновей и двадцать семь дочерей султана. Возвратившись в столицу, старший сын и наследник, будущий султан Мухаммед III, лишил жизни девятнадцать своих братьев, а семерых беременных наложниц отца приказал зашить в мешки и бросить в Мраморное море, чтобы избавиться от возможных претендентов на трон! Правда, на этом столь радикальные меры закончились: впредь было решено не убивать принцев — по крайней мере, не делать это сразу, — а держать их взаперти в надежном месте на территории Серая, которое вскоре и стали называть Клеткой. Это было двухэтажное строение, скрытое в самом центре селямлика, окруженное высокой, вызывающей гнетущие мысли стеной. При Османе III (1754—1757) стену сделали несколько ниже и добавили окна. Несчастные узники были совершенно оторваны от мира и лишены какой-либо информации о внутренней жизни империи. Их образование ограничивалось сведениями, полученными в ходе общения со своим окружением, которое состояло из глухонемых слуг и немногочисленных стерилизованных женщин, составлявших гарем принцев. Хотя предпринималось все возможное, чтобы наложницы стали бесплодны — им удаляли яичники или заставляли применять маточные кольца, изготовленные вра-

чами Сераля из смеси мускуса, янтаря, безоарового камня, сока алоэ, кардамона, имбиря, перца, корицы и гвоздики, — случались и ошибки. Тогда родившегося ребенка, а иногда и его мать немедленно топили в водах Босорфа.

Трудно представить, что это была за жизнь. Вероятно, единственная аналогия — это одиночное заключение в тюрьмах некоторых стран в наше время. Но эти заключенные не оторваны от мира, их разуму и телу дозволено расти и развиваться. А некоторые принцы, как, например, Ибрагим, оказывались в Клетке с двухлетнего возраста. Другие, как Осман III, находились в заточении по пятьдесят лет, а Сулейман II — тридцать девять. Выйдя на свободу, они получали все, но при этом не умели говорить, а уровень их умственного и физического развития был удручающе низок. Те же немногочисленные счастливчики, которым удавалось избежать участи быть задушенными шнурком глухонемого слуги, в одночасье должны были возглавить империю, взяв в свои руки бразды правления одной из самых крупных и непростых с точки зрения управления стран Европы. Неудивительно, что случались эксцессы. Только чудом можно было посчитать, что после подобных испытаний на свободе оказывался полноценный человек. «Месть» миру выражалась по-разному: один бросался во все тяжкие, причем с той изощренной извращенностью, на какую только и способен воспаленный мозг, другой старался стереть из памяти прошлое, утопив его в потоках крови, без лишних раздумий пуская в ход ятаган.

Бывали и исключения, например Сулейман II. За тридцать девять лет заточения он стал настоящим мастером каллиграфии, все свое время он посвящал переписыванию Корана и молитвам. Получив в конце концов право на трон, а вместе с ним и полную бурь и тревог жизнь, он часто вспоминал о покое и уединении Клетки. Но случались здесь и поистине кровавые события. Приведу лишь два примера.

Ибрагим рос в Клетке в постоянном ожидании, что медленно откроется дверь, в его комнату войдут глухонемые со своим смертоносным шнурком и задушат его. Когда настал день кончины правящего султана Мурада IV, служители Серая спешили к Ибрагиму, чтобы сообщить добрую весть и провозгласить его султаном. Он услышал шум приближающейся толпы и вместе с наложницами успел забаррикадировать дверь. Обезумев от страха, он решил, что все объяснения и уговоры — это уловки слуг, готовящих для него западню. Только когда дверь взломали, а к его ногам бросили мертвое тело Мурада, он понял, что это правда. На мгновение Ибрагим оцепенел, смешанное чувство радости и страха переполняло его, а когда он по-настоящему осознал, что произошло, с победным криком «Наконец мясник империи мертв!» пустился вокруг трупа в безумную пляску.

Правда, и став султаном, Ибрагим не расстался с Клеткой навсегда. Девять лет позорного, полного разнужданного порока правления сделали свое дело: народ восстал, и его снова бросили в темницу. Ибрагим жил ожиданием того, что со дня на день его вновь возведут на трон. И однажды дверь открылась. Бывший султан и наложницы приготовились услышать радостную весть, но, увы, — от него отказалась даже собственная мать, и на этот раз его задушили.

Уже во времена не столь отдаленные от нас, в 1807 году, во время восстания янычар Селим III, заранее предвидя их требования, добровольно занял в Клетке место двоюродного брата Мустафы. Однако новый султан вскоре показал свою полную несостоятельность. Когда Байракдар¹ с янычарами походным маршем направился за помощью к Селиму, уже Мустафа, в свою очередь, приказал его убить. Убийцы вошли в Клетку, и после ожес-

---

Б а й р а к д а р Мустафа-паша — генерал-губернатор Силистрии; в 1808 году произвел государственный переворот, сверг ставленника янычар султана Мустафу IV и возвел на престол принца Махмуда, а сам занял пост великого визиря. (Примеч. пер.)

точной схватки Селим был задушен. Что есть силы Байракдар бил по воротам, требуя показать ему Селима. «Вот тот, кого ты искал», — был ответ убийц, бросивших мертвое тело султана к его ногам. Мустафу вернули в Клетку, а султаном стал Махмуд II.

Вот какими событиями богата история этого полного тайн и загадок здания селямлика.

Описывая Клетку, всегда отмечают, что это двухэтажное здание без окон на первом этаже, в котором двенадцать богато обставленных, абсолютно одинаковых комнат. Как было на самом деле, сказать не берусь, но сегодня здание выглядит по-другому; справедливо лишь то, что оно действительно двухэтажное. Скорее всего, в его архитектурном облике мало что изменилось, но очевидно, что описания основывались на слухах и догадках. Правда, неясно, как наследник престола и его гарем из двух десятков женщин (Меллинг приводит именно такую цифру и имеет в виду, вероятно, всех населяющих Клетку), а также его братья со своими гаремами, евнухи, глухонемые, шуты и так далее могли поместиться в здании, где всего четыре комнаты. Обстановка и отделка характерны для классического французского рококо начала XVIII века, так что перемены здесь были неизбежны. Однако признаков конструктивных изменений, проведенных в других частях Серая, в Клетке не видно. Возможно, здесь были помещения только для принцев, а гарем и все остальные жили на первых этажах зданий, находящихся напротив и выходивших на Золотую дорогу. Мне посчастливилось сделать три фотографии Клетки и внутреннего двора, так что есть возможность изучить этот участок во всех подробностях.

На фотографии (ил. 30) на переднем плане мы видим северо-западную часть здания. Весь фасад облицован, окна зарешечены, по всему периметру идет значительно выступающая вперед крыша. Справа виден купол покоев Мурада III, за которыми угадываются очертания внутреннего дворика Османа III. Ниже, где сейчас пустырь, за-

росший дикими акациями, инжиром и другими деревьями, можно различить участок, на котором, вероятно, первоначально находился фундамент Клетки. Изящная балюстрада — копия той, что венчает Ворота империи, так что безошибочно можно сказать, что она относится к тому же XIX веку. На фотографии (ил. 32), где гораздо четче заметна облицовка здания, удачно представлена другая часть Клетки. Здесь мы отмечаем эркер, под которым расположен выход из коридора Место сбора джиннов, ведущего к Золотой дороге. На фотографии (ил. 31) представлена другая сторона внутреннего двора, и видно, насколько близко к Клетке находятся комнаты в мезонине и на первом этаже. Я предполагаю, что именно здесь квартировал обслуживающий персонал Клетки. Другим местом для размещения довольно большого числа женщин, кроме этого, могли быть только давно снесенные постройки на другой стороне двора за балюстрадой. Лишь тщательное обследование основательно заросших кустарником руин могло подтвердить или опровергнуть данное предположение, но, к сожалению, провести его мне не удалось.

Не могу сказать и о том, какие постройки размещались на территории в северном направлении между Клеткой и крайней оконечностью внешних стен Сераля рядом с Багдадским павильоном. Тем не менее наверняка именно здесь, на пустыре внушительного размера, некогда и были строения селямлика, которые описывали ранее меня посетившие эти места: Николас де Николаи, Даллам и Бон, а в 1750 году — Флаше. Изучая внешнюю часть стены, окружающую этот участок, я обнаружил три дверных проема, заложенные кирпичами. Над центральным, который в два раза шире крайних, идет каменная перемычка с мутулами — плоскими наклонными выступами под выносной плитой карниза в дорическом ордере.

Другой и последний выход из этой части селямлика — через обитые железом двустворчатые ворота, выходящие к внешним садам у колонны готов. Судя по

всему, раньше посетители попадали в селямлик именно через них.

Таким образом, нам остается поговорить о мабейн, так называемой приемной селямлика — комнате, отделявшей мужскую и женскую половину дворца, и о зале Обрезания (о Багдадском и Ереванском павильонах и павильоне Священной мантии рассказывается в других разделах). О назначении и истории приемной не могу сказать ничего, кроме того, что построена она была при Селиме и каким-то образом соединялась с павильоном Священной мантии. В своей книге «За фасадом Блистательной Порты» доктор Миллер, ссылаясь на Ахмеда Расима, сообщает, что в более поздний период султанской Турции в этих комнатах султаны регулярно принимали пажей дворцовой школы (она называет их «Комнаты его присутствия») сразу после первой утренней молитвы. Реже здесь принимали членов тайного совета, великого визиря, муфтиев, двух войсковых судей и министра иностранных дел.

Итак, мы попадаем в зал в форме буквы «Г» с колоннами, опоясывающий с двух внешних сторон павильон Священной мантии. Терраса, выходящая в сад, с одной стороны граничит с приемной селямлика, с другой — с залом Обрезания.

Могут возникнуть некоторые сомнения по поводу того, как на самом деле использовался зал, однако осмотр подтвердил, что в помещении проводили обрезание принцев. Пройти сюда можно по-разному. Я, например, входил через маленькую дверь рядом с Ереванским павильоном, пересекая зал с колоннами, где Даллам устанавливал орган. Можно также пройти по Золотой дороге через приемную селямлика и, наконец, с террасы Багдадского павильона через небольшую дверь со стороны пруда с рыбками.

Зал Обрезания был построен Ибрагимом в 1641 году. В плане это квадратная комната, небольшая железная дверь с чеканкой ведет в зал с колоннами. Стены отделаны изящными изразцами. На первый взгляд изразца-

ми покрыт и сводчатый потолок, однако более внимательное изучение показывает, что на самом деле он в тон стен выкрашен краской. Облицовка сделана в разное время, но наибольший интерес представляют четыре майоликовых панно 1,2 метра в длину и около полуметра в ширину одного тона и рисунка, установленные по бокам двери. Майолика такого размера больше не встречается нигде.

В нижней части панели изображены два оленя, причем характер рисунка, по словам директора комплекса, уникален. Между окон двух внешних сторон — глубокие ниши с раковинами, скорее всего, из свинца, к которым подведена проточная вода, что и объясняет назначение помещения. В центре комнаты установлена жаровня с глубокой чеканкой.

Сразу за залом Обрезания — небольшая надворная постройка, в настоящее время используемая как склад. Похоже, возведена она относительно недавно, и сказать о ней нечего. Терраса, сейчас отделенная стеклянной перегородкой, прежде, без сомнения, выходила в зал с колоннами, а сверху укрывалась навесом, как это описывает Даллам. Здесь селямлик переходит в строения павильона Священной мантии, описанные в главе, посвященной Третьему двору.

Глава 9

БАНИ

Бани Сераля

Баня — неотъемлемая часть жизни любого жителя Турции — не важно, мужчина это или женщина, представитель знати или бедняк. Именно поэтому мы не можем ограничиться только упоминанием о том, что сегодня не осталось почти ничего от некогда многочисленных бань Сераля.

Эта тема заслуживает отдельного разговора. И для того, чтобы понять, что собой представляли большие бани, которые посещали пажи и невольницы гарема, нам следует отправиться в городские общественные бани и увидеть все своими глазами. Несомненно, некоторые бани Сераля отличались совершенством отделки и особой роскошью, но по существу разница была не-большая.

Больше нам повезло с личными банями — в двух смежных банях, известных как бани султана и султанши, сохранились искусно выполненная драпировка, диваны-софы, подушки и другие характерные элементы интерьера.

Ниже я подробно опишу их. К сожалению, кроме этих бань, никаких других в сколько-нибудь удовлетворительном виде не сохранилось. Некоторые позднее использовались не по назначению, и узнать их можно только по куполам с характерными отверстиями или по общей конфигурации здания.

Бань и ваннх комнат в Серале всегда было много, что и понятно, — ведь кроме султана и султан-валиде каждая кадина в своих покоях обязательно имела баню. Кроме того, во всех отдельных блоках селямлика и двора Дивана также были бани. Их количество со временем менялось, но в среднем было около тридцати. В помещения горячая вода подавалась под полами по помпейской системе или подводилась к стенным фонтанам, установленным по периметру комнат. Паровые котлы, как правило, изготавливали из меди — их образцы можно увидеть во дворце Альгамбра в Гранаде. Бойлерные размещались на одном уровне с баней, а если не хватало места, их устраивали в подвале, где хранился и большой запас дров.

В некоторых случаях здания настолько разрушены, что понять их назначение можно только обнаружив характерные куски мрамора, фрагмент или деталь фонтана.

Для того чтобы выяснить, что сохранилось до наших дней, нам следует обойти весь Сераль целиком, двор за двором. И, только проведя осмотр и познакомившись с дошедшими до нас немногочисленными свидетельствами современников прошлого, мы сможем представить былую пышность убранства, декора, обстановки, красоты и роскошь комнат отдыха.

На территории Первого двора, сразу направо при выходе из Ворот империи, находились бани больницы. Здание давно и полностью разрушено, хотя вряд ли они, входившие в состав комплекса зданий внешней службы, могли бы вызвать у нас особый интерес. Поэтому мы перейдем непосредственно во Второй двор. С левой стороны расположено то, что раньше являлось баней Бешир-аги. Справа, на месте кухни, среди развалин можно обнаружить несколько фонтанов и кранов для воды, однако признаки бань, которыми бы пользовался персонал кухни, отсутствуют. Стенные фонтаны необходимы для совершения омовения перед молитвой, и поэтому с высокой степенью вероятности можно пред-

положить, что челядь внутреннего дворца пользовалась городскими общественными банями.

Со стражами-алебардщиками, квартал которых располагался в левой части двора, дело обстояло иначе. Как мы уже знаем, их обязанности в основном были связаны с гаремом, и они имели свой собственный внутренний дворик, мечеть, столовую, спальни и бани. Взглянув на план Серая, вы вспомните, что бани алебардщиков находились справа от лестницы. Пристенные фонтаны были сделаны из белого мрамора, о чем свидетельствуют немногочисленные сохранившиеся фрагменты. Однако степень разрушения постройки столь значительна, что ничего нельзя сказать не только о характере отделки, но и о планировке помещений бань в целом. Из главного зала мы попадаем в смежное помещение, служившее, очевидно, тепидарием. Отхожие места устроены вдоль стены, граничащей с улицей.

Из бань собственно гарема, кроме бани султанши, сохранились лишь те, что располагались у выхода из дворика гаремных рабынь (см. план, поз. 44), и схожие с ними, что я «разыскал» среди руин так называемой больницы гаремных рабынь (поз. 58).

Сколько-нибудь подробное описание построек и здесь привести невозможно. Хотя первые сохранились значительно лучше, детали мраморной облицовки вряд ли позволят нам представить их первоначальный вид. Помещения были очень узкими, что позволяло установить в ряд лишь несколько стенных фонтанов, но не глубокий бассейн в центре. Тем не менее не исключено, что в центре главного зала некогда красовалась мраморная массажная плита. Все сказанное относится и к баням больницы, но степень их разрушения такова, что добавить что-то еще просто не представляется возможным.

Как уже отмечалось, личные бани султана и султанши — единственные в Серале, приведенные сегодня в надлежащий вид, их мы детально и рассмотрим. Именно здесь проходила граница между женской и мужской

половинами Сераля. Банный коридор соединял покои султанши с залом Приемов султана, из этого коридора был вход в обе бани. Баня султана — наиболее важная из двух и единственная открытая для осмотра посетителей. Сначала расскажем о ней.

Баня традиционно состоит из трех помещений, ярких и светлых. Высокие узкие колонны из белого мрамора венчаются капителями со «сталактитами». Попадая из коридора в небольшую комнату, практически лишенную внутреннего декора, трудно представить роскошную отдел стен и расшитые золотом и жемчугами портьеры, которые представлены в Музее Сераля. Полы устланы толстыми персидскими коврами, а вдоль стен стоят низкие диваны, обитые вышитой золотом и серебром тканью, с многочисленными подушками. Украшенные драгоценными камнями наргиле и кофейный сервиз завершают интерьер помещения, в котором легко узнать комнату для одевания и отдыха. В 1934 году была предпринята забавная попытка помочь туристам самим угадать истинное назначение комнаты: с правой стороны там установили диван с драпировкой белого цвета.

Слева — маленькая уборная традиционного для Турции типа. Справа от нее еще одна дверь, ведущая в зал Приемов султана.

Второе помещение — тепидарий. Из центрального коридора двери, обрамленные тонкими белыми колоннами, ведут в две маленькие комнаты. В левой комнате установлен мраморный стенной фонтан.

Третье и последнее помещение — калидарий — самая красивая комната из белого мрамора с элементами золочения по железу. Не требуется богатого воображения, чтобы определить ее назначение, так здесь много мрамора и железных деталей. Войдя в искусно позолоченную кованую дверь, вы сразу обращаете внимание на каскадный фонтан на противоположной стене. Оглядевшись, понимаешь, что горячая вода подается из бойлерной за стеной, поступает в приподнятую на мраморном возвышении длинную и узкую мрамор-

ную ванну, которая тянется вдоль всей центральной части стены; по краям ванны — сиденья, обращенные к входу, с высокими спинками и одним подлокотником. Отделка помещения — уже знакомые нам панели из белого мрамора. Перед ванной — передвижная мраморная ступенька с углублением. В каждом углу комнаты, по сторонам ванны, размещены великолепные пристенные фонтаны, окруженные четырьмя высокими колоннами, как во второй комнате. А ближайший к центру помещения фонтан стоит отдельно.

Слева от входа находится главный пристенный фонтан, где проводилась наиболее интимная стадия омовения. Он приподнят на полукруглой платформе и отделен от остального помещения золоченой перегородкой со сквозным орнаментом и дверью посередине. Небольшое окно справа, обрамленное четырьмя колоннами, выходит на левый угол фонтанной комнаты. На противоположной стороне расположен еще один пристенный фонтан, похожий по форме и размеру на главный. У него нет перегородки, а окно выходит на тепидарий.

Таким образом, мы видим, что в селямликке султана, как и в обычных общественных банях, практически в точности повторяется принцип ее деления на три помещения. Самая горячая вода поступает в ванную, а температура воды в фонтанах регулируется в зависимости от назначения. Во втором зале вода значительно прохладнее — чтобы поры кожи закрылись перед самой приятной банной процедурой — релаксацией в комнате отдыха с успокаивающим наргиле, присыпанными льдом дольками дыни, дымящимся черным кофе в украшенном драгоценными камнями финджане, хрустальным стаканом ароматного шербета и всем остальным, чего только может пожелать царствующая особа.

Помещения бани султанши расположены параллельно и настолько похожи на султанские, что вряд ли заслуживают отдельного описания. Вход туда не из Банного коридора, а из узкого прохода, идущего со стороны гарема. Обстановка первого помещения довольно про-

ста, так как практически лишена роскошного декора и диванов, некогда указывавших на высокий статус хозяйки. В отличие от комнаты отдыха султана здесь есть небольшое окно, выходящее в коридор. В левом углу при входе маленькая уборная.

Второй зал напоминает аналогичное помещение в бане султана. Здесь имеется мраморный пристенный фонтан и маленькое окно в третье помещение. Сразу отмечаешь, что ванна, несколько более широкая, чем у султана, но без боковых сидений, находится не посередине противоположной от входа стены, а вдоль всей правой стороны. Имеется только один фонтан слева от ванны. В остальном зал такой же, как и в бане султана: есть и кованая железная перегородка с позолотой, и пристенные фонтаны.

Вполне возможно, что в разрушенной ныне части селямлика за библиотекой Ахмеда I (см. план, поз. 88) находились и другие бани, однако ни следов, ни письменных свидетельств о них до нас не дошло. Известно, что во время правления Мурада III (1574—1595) существовало здание, по крайней мере, с двумя банями, но, кроме упоминания о том, что строились они греческими мастерами, никакими другими сведениями мы не располагаем.

Теперь я хотел бы рассказать еще об одной, и последней, бане Серая, так называемой бане Селима II, расположенной в правой части Третьего двора. Как видно на плане (поз. 103—104), здесь представлены несколько помещений различной конфигурации и размера. Главная комната с четырнадцатью массивными каменными пилонами использовалась в качестве одного из помещений дворцовой школы и называлась залом Кампаний. Пажам этого зала доверяли стирать постельное белье султана. Из этой комнаты попадаешь во вторую, такой же длины, но более узкую, именуемую сегодня «комнатой отдыха бани Селима II», в смежной помещались большие медные котлы. Далее, по правую руку, две квадратные комнаты одинакового размера и

похожие. Массивная каменная кладка и высокий свод свидетельствуют о том, что некогда они входили в большой и тщательно проработанный в конструктивном отношении банный комплекс, или по-турецки — хамам. Тем не менее со времени Селима I (1512—1520) дальняя из двух комнат использовалась для хранения казны, а другая называлась «комнатой отдыха бани Селима II». Сегодня в ней хранятся серебро и хрусталь дворца. Другие перестроены с учетом нынешнего назначения — демонстрации знаменитой коллекции фарфора.

Определение первоначальных функций этих помещений, то есть как одной из составных частей бань дворцовой школы, после прочтения отрывка из книги Тавернье — главы «Бани Серая», возможно, будет вызывать меньше сложностей. В любом случае это позволит читателю сделать собственное заключение: «Теперь я оказался в главной бане, примыкающей к комнате хаманджи-баши, главного смотрителя бани. Комната является частью апартаментов сеферлиса¹, ответственного за прачечную Великого синьора. Раздевалка — просторное помещение из легко обрабатываемого песчаника с достаточно высоким потолком — это одно из самых примечательных мест в Серале. Пол покрыт великолепными мраморными плитками квадратной формы. Из двух огромных окон, напоминающих скорее балконы, выходящих в сады, открывается великолепный вид на два моря. В центре, непосредственно под куполом, расположен фонтан, из которого вода поступает в две ванны. Первая, меньшая по размеру, из цельного куска белого мрамора с прожилками красного и черного цвета установлена выше второй. Из нее вода по

Сеферлис имеет два значения, касающиеся и военных походов, и собственно стирки. «Сефери» буквально означает «быть в военном походе» или «иметь отношение к путешествию». Пажи ведомства сеферлиса отвечали за стирку одежды султана как перед началом военной кампании или путешествия, так и после их завершения. Таким образом, связь значений очевидна. (*Примеч. авт.*)

шести медным трубам малого диаметра поступает во вторую ванну, также из мрамора, но уже из нескольких фрагментов камня разных цветов... С одной стороны фонтана находится вход в баню, а рядом коридор, где раздеваются в зимнее время. С левой стороны — короткая галерея, ведущая в помещения, где любой может облегчиться, причем каждое место снабжено небольшим краном для соответствующего омовения... В конце галереи — дверь, через которую вы попадаете в три зала с большим количеством ванн для челяди Великого синьора. Смежное с третьим залом просторное помещение с мраморным полом разных расцветок, выложенным в шахматном порядке, предназначено для пажей. В центре — небольшое возвышение, полого сходящее на нет по всему периметру; оно сделано для того, чтобы стекала вода, которой цирюльники моют им голову и бороду, и пол всегда был чистым. По обеим сторонам расположены массивные краны с двумя вентилями для холодной и горячей воды, поступающей в ванну или бассейн из белого мрамора таких размеров, что в ней свободно могут мыться три или четыре человека, не доставляя неудобства друг другу. В конце находится небольшое помещение, отделанное белым и черным мрамором, в котором цирюльники-профессионалы хранят все необходимое для работы: бритвы, точила, металлические инструменты для стрижки ногтей, массажные принадлежности. Напротив зала Цирюльников — еще три помещения, отделанные мрамором. Самое просторное из них отличается необычайной красотой отделки. Пол выложен белым и черным мрамором, а стены — квадратными плитками белого и голубого, причем каждая украшена изящным рельефом цветка; создается впечатление, что это эмаль. Углы плиток крепятся золотыми пластинами столь искусно, что в целом помещение выглядит очень приятно и необычно. В потолке имеется несколько отверстий диаметром около 15 сантиметров, прикрытых небольшими стеклами в форме колокольчиков; эти стекла сделаны по принципу венециан-

ских зеркал, чтобы ни у кого из любопытства не возникло желания забраться на крышу, лечь животом вниз и посмотреть, что происходит внизу. Свет в помещение поступает именно из этих отверстий и только тогда, когда в нем кто-то есть. Когда процесс заканчивается, дверь плотно закрывается, чтобы не выхолаживать помещение и не позволить посторонним увидеть выходящих, что было бы возможно, если бы, как принято у нас, вместо отверстий на потолке были окна внизу. Все остальные бани устроены по тому же принципу: свет поступает из отверстий в потолке, а попасть в помещение можно только через дверь, изначально закрытую, для сохранения тепла и конфиденциальности. Второе помещение — это тоже баня, но по красоте отделки оно уступает двум другим. Третье примечательно своим полом, выложенным небольшими камнями, чтобы при выходе не поскользнуться даже на мокром полу. Последнее помещение целиком отделано квадратами цветочной мозаики, покрытыми золотом и ляпис-лазурью. Именно сюда, выходя из бани, попадает Великий синьор; он всегда приходит сюда непременно один, чтобы побрить те места, о которых не принято говорить вслух».

Этот интересный, хотя и несколько путанный рассказ был написан около 1666 года на основании информации, полученной Тавернье в ходе его шестого путешествия, и дает нам представление о банях Серая в период правления Мухаммеда IV (1648—1687). Короче, но гораздо четче повествует о банях Эвлия-эфенди (1623—1640), побывавший в личных покоях Мурада IV в 1635 году: «Однажды вечером, когда я читал Коран, мне посчастливилось увидеть императорскую баню, с которой не сравнится ни одна баня в мире. Места вдоль четырех стен предназначены для пажей, а в центре, отгороженная, находится ванна самого императора. Со всех сторон из фонтанов и бассейнов по золотым и серебряным трубам струится вода, причем бассейны тоже отделаны благородными металлами. В некоторые из них

по одной трубе, смешиваясь, поступают одновременно и горячая и холодная вода. Мозаичный пол, выложенный разноцветными камнями, ослепляет блеском и великолепием. Стены распространяют аромат роз, мускуса, амбры, в курильницах постоянно горит алоэ. От сияния богато украшенных окон в помещении становится еще светлее. Стены сухие, воздух умеренно горяч, а все ванны сделаны из великолепного белого мрамора. В раздевалках сиденья из золота и серебра. Величественный купол первой раздевалки из яркого мрамора можно сравнить только с куполом в Каире. Эта баня, находясь на возвышении, оставляет ощущение устремленности в небеса. Окна выходят на море, на районы Скутари и Кази-кой. Справа от двери комнаты отдыха расположена комната для музыкантов, а слева — купол помещения казны».

Нам придется удовольствоваться лишь этими описаниями бань султана и его пажей. Очевидно, что конструкционные изменения зависели от личных пристрастий султана: могли достраивать новые комнаты, а просторные залы делить на несколько помещений. Лишь позднее, когда селямлик стал все больше приближаться к гарему, баню султана стали строить рядом с баней султанши.

Прочие бани султана в городе

К началу XIX века Сераль как основная резиденция уже наскучил султанам, и они все больше стали обращать свой взор на побережье Босфора. Наиболее живописные места отбирали для строительства дворцов, самых разнообразных по архитектурному решению и размерам, в зависимости от желаний султана. Естественно, в каждом дворце присутствовали большие бани с дорогостоящей отделкой. При этом со временем тенденция строительства бани из трех помещений уступила место европейскому варианту бани из одного зала с

мраморной отделкой в стиле рококо. В свою очередь, установка огромных зеркал требовала плоских, а не резных поверхностей стен.

Материал, которым отделана баня во дворце Долмабахче, — это исключительно египетский алебастр с прожилками: из него выполнены узоры, группы колонн, массивные карнизы и стенные панели. Венчает помещение купол из цветного стекла, а проникающий сверху свет подчеркивает великолепие полированного пола и серебряных деталей отделки комнаты. Схожие помещения, хотя и не столь изысканные, появились в период между 1853-м и 1874 годами во дворцах Бейлербей, Чираган и Йылдыз. Дворец Бейлербей был построен Абдул-Азизом в 1865 году на месте дворца, воздвигнутого Махмудом II (1808—1839), в котором еще сохранился традиционный вариант бани из трех комнат. Его можно считать связующим звеном между двумя типами бань. К счастью, у нас есть описание этой бани, вышедшее из-под легкого пера мисс Парду: «Через дверь темно-красного цвета, увенчанную золоченым карнизом в форме полумесяца, вы попадаете в небольшое помещение с чашей из чудного белого мрамора, в прозрачной воде которой «резвится» пара мраморных лебедей. Вода из этого прекрасного фонтана по системе скрытых от взора труб попадает собственно в ванны моющихся. Это полутемная комната, так как свет поступает сюда, пробиваясь сквозь звезды и полумесяцы из цветного стекла, подобно драгоценным камням, рассыпанным по мраморной крыше. Комната отдыха отделана украшенными вышивкой шелковыми драпировками. Одна из стен от основания дивана полностью занята огромным зеркалом в искусно выполненной раме из золота и глазурю, верхнюю часть которой украшает оттоманское оружие. Яркий атлас драпировки дивана настолько плотно покрыт шелковой вышивкой, что напоминает скорее кровать, устланную цветами. Многочисленные диванные подушки отделаны таким же красивым и дорогим материалом. Собственно баня — это просторное поме-

щение идеальных пропорций, стены, крыша и пол которого сплошь из мрамора, а фонтаны необычайно причудливы. Освещается баня так же, как и комната отдыха. Каждый шаг здесь отдается долгим приглушенным эхом, нарушая глубокую, полную мечтаний, тишину».

Общественные бани

До сих пор мы изучали только индивидуальные бани, предназначенные для личного пользования султана, его домочадцев или служителей дворца. Однако, не познакомившись с общественными банями, мы рискуем упустить из виду множество деталей, способных пролить свет на то, как большинство так называемого обслуживающего персонала дворца проводило здесь значительную по времени и по существу часть своей жизни. Учитывая, что данная работа главным образом посвящена гарему, основное внимание будет уделено женским баням, детальное описание которых практически полностью мы черпаем из отчетов путешественниц XIX века. В этом, собственно, нет ничего плохого, учитывая, во-первых, то, что такие последовательницы леди Мэри Уортли Монтегю, как мисс Парду и миссис Харви, оказались исключительно наблюдательными рассказчицами, и, во-вторых, то, что общественные бани мало изменились за прошедшие столетия. Традиции сохранились, и описание бани Бассано да Зары около 1520 года вполне соответствует тому, что я сам увидел в 1934 году. И на самом деле, как время может изменить поведение сотни обнаженных женщин, которые наслаждаются буквально каждым мгновением временной свободы, предаваясь пустой болтовне и обсуждению скандальных слухов!

Перед тем как мы перейдем собственно к описанию, следует заметить, что бани, как и вообще очень многое в Турции, не исконно турецкие, а византийские, но приспособленные или перестроенные на новый лад. А

те, в свою очередь, были скопированы с еще более ранних греческих или римских оригиналов. Тема чрезвычайно интересна еще и потому, что история «турецких» бань — это история взаимопроникновения Востока и Запада. Как справедливо заметил Уркхарт, «Риму мы обязаны и мечом завоевателя мира, и массажной щеткой». Непременный атрибут повседневной жизни миллионов стал отражением развития не только искусства и архитектуры, манер, обычаев, причуд и капризов простых горожан, но и подъемов и падений народов, взлета и упадка целых империй.

Возьмем, например, наиболее известные древние бани Константинополя — знаменитые бани Зевксиппа. Они расположены рядом с общественными садами между храмом Святой Софии и мечетью Ахмеда, рядом с ипподромом. Само название овеяно романтизмом. Именно здесь Геракл усмирил свирепых кобылиц фракийского царя Диомеда, а в ближайшей роще возвел алтарь в честь Юпитера. Есть и другие толкования названия бань, но этимологически это ничуть не хуже, зато насколько поэтично! Как бы там ни было, именно это место выбрал Септимий Север для строительства самых величественных бань, когда-либо возводившихся за пределами Рима. Это был знак примирения во искупление безжалостного уничтожения Византия в 196 году. Размеры здания были огромны, а коллекция бронзовых статуй не имела равных. Гиллий дает нам список, включавший большую часть из них, попутно рассказывая о том времени. Постепенно бани пришли в запустение, но были заново отстроены при Константине, восстановлены Юстинианом после восстания 532 года в Никее и стали еще красивее. Позже, когда уже Мехмед II вступал в разрушенный город, они лежали в руинах, но материал — разнообразные мраморы, граниты, колонны из порфира, отбитые капители и так далее — был настолько хорош, что султан приказал все это использовать для строительства мечети в свою честь на вершине Четвертого холма.

Однако если легендарный Геракл имел отношение к вполне реальным баням Зевксиппа, то по этой части у него есть серьезный соперник, да не кто-нибудь, а сама Венера! Агафий описывает некогда знаменитые бани, в которых она не просто почиталась как богиня-покровительница, а бывала в качестве обычной посетительницы! Гиллий рассказывает нам также о банях Дидимум, которые совместно посещали и мужчины и женщины, как во времена расцвета императорского Рима.

Среди не менее знаменитых в свое время бань, тоже так или иначе связанных с историей, следует назвать бани Анастасии, Ахилла, Аркадия, Блашерме, Карозия и Константина. Избежать разрушения удалось только последней, известной после реставрации при Мехмеде II как *Чукур хамами*, или Нижние бани. Существует два объяснения этого названия: во-первых, бани расположены в понижении склона Четвертого холма, неподалеку от церкви Святых Апостолов, во-вторых, считается, что они построены на месте цистерн Аркадия. Любопытна и история бань Константина. Со временем место, где стояли бани, застроили, и только в 1833 году М. Тексье вновь обнаружил их. Проведя тщательное исследование, он представил детальное описание всего найденного в своем труде «Византийская архитектура». Однако возрождение оказалось недолгим: в 1889 году это место вновь застроили и теперь, вероятно, навсегда. Очевидно, последним бани Константина видел Е.А. Гросвенор, так рассказавший об этом в своей замечательной книге «Константинополь»: «В августе 1889 года я оказался в единственном помещении, в которое еще можно было попасть. Спустившись по веревке, вместо лестницы, вниз, я увидел сводчатую комнату шагов 12 в длину, в которой не осталось и следа от былых украшений. А через неделю и оно было опечатано». И это достойно сожаления как с архитектурной, так и с археологической точек зрения: бани Константина — старейшие бани в городе, причем построены практически в полном соответствии с планами, выполненными самим Витрувием для бань Рима.

Завоевав византийский Константинополь, с банями турки поступили так же, как и с другими учреждениями покоренной империи: фундаменты и строительный материал разрушенных зданий использовали для возведения новых строений. В XVII веке, по словам Эвлии-эфенди, в городе насчитывалось 300 общественных и 4536 частных бань, а к концу XIX века осталось лишь около 130 общественных бань. Учитывая, что почти каждый путешественник считал своим долгом рассказать о личных впечатлениях от посещения турецких бань, думаю, будет полезным привести отрывок из самого раннего дошедшего до нас свидетельства, принадлежащего Бассано да Заре, и затем мы остановимся на интересующих нас деталях. А для того чтобы вы представили, как они выглядят в наши дни, я поделюсь и своими ощущениями от посещения горячих бань в Бурсе.

Находясь на службе в Серале, Бассано бывал в разных частях Турции и посещал множество бань, имея, таким образом, возможность сравнивать их размеры и внутреннюю планировку. Для детального описания он выбрал большую баню, вероятнее всего находившуюся в Константинополе: «По внешнему виду, в особенности это касается куполов, бани являются копией терм Диоклетиана в Риме, хотя и гораздо меньше их по размеру. Рядом с входом находится комната, по форме напоминающая церковь, только круглая, с куполом, покрытым свинцом. Она большая и просторная, почти как римская ротонда. В середине сооружен роскошный бассейн из прекрасного мрамора с фонтаном, из которого бьют четыре струи воды. Вокруг фонтана устроены кирпичные сиденья в три локтя длиной и так высоко, что, сидя на них, не достаешь ногой пола. Свод комнаты выполнен мраморными плитами. Все сиденья разделены стенкой в локоть высотой или деревянной перегородкой, достаточной для того, чтобы можно было облокотиться. Они шириной в четыре локтя, и желающие искупаться могут здесь раздеться. На сиденье кладется

циновка, которую накрывают ковром или гобеленом. Прежде чем войти в баню, необходимо обратиться к одному из зрителей, которые располагаются вдоль стен, а затем к кассиру, сидящему в углу на табурете, совсем как наши адвокаты. После этого вы можете раздеться, обращая особое внимание на то, чтобы не оставить открытыми неприличные места своего тела: бесстыдника поколотят и вышвырнут из бани вон. Раздевшись, вы соберете вещи в узелок, сверху положите шляпу, шапочку или тюрбан, в зависимости от того, что носите на голове, и оставите на одном из сидений. К вещам необходимо приставить слугу, потому что сами зрители могут украсть ваш кошелек или что-нибудь еще¹. Перед тем как снять рубашку, вы получите большое полотенце, чтобы завернуться в него (если у вас нет своего), и еще одно, поменьше, для вытирания. Прикрыв полотенцем причинное место, вы входите в первое помещение бани, в котором в зависимости от ее размера находятся до 15 слуг, по указанию начальника занимающихся каждый своей процедурой: бритьем, массажем или мытьем посетителя. Далее вы переходите в ряд помещений с повышающейся температурой; все они отделаны великолепным мрамором и порфиром. В каждой имеется две трубы с горячей и холодной водой, поступающей в мраморный бассейн. Лишняя вода исчезает через отверстия в полу. Наконец, вы входите в главное помещение бани, оно обычно очень просторное, а мраморный пол настолько гладок, что трудно удержать равновесие. Как и в других помещениях, потолок здесь в виде купола, снаружи покрытого свинцовыми листами, с плотно закрытыми стеклянными окнами. В середине комнаты купольный свод очень высо-

---

¹ Тевено в «Путешествии в Левант» пишет: «Сняв рубашку, вы заворачиваете ее вместе с другими вещами в салфетку и оставляете на сиденье. Можете быть спокойны за свои пожитки: баня — это средоточие свободы и безопасности, нечто священное, где вас никто не обманет, так как сам зритель бани обязан возместить утрату или кражу имущества». (Примеч. авт.)

кий. Зимой баню начинают топить в полночь (летом все моются прохладной водой), поэтому расходуется огромное количество дров. Топят баню сосновыми поленьями четырех-пяти локтей длиной, толщиной с бедро человека, добавляя немного дубовых дров. В центре этого помещения, именуемого «сердцем бани», на четырех мраморных шарах на высоте двух ладоней от поверхности расположена квадратная плита из мрамора, порфира и великолепного змеевика толщиной в ладонь и длиной больше человеческого роста. Каждому вошедшему слуги предлагают лечь на плиту лицом вниз, а сами начинают ходить по его спине, при этом особым образом выворачивая ему руки. Признаюсь, я так никогда и не согласился на эту процедуру, хотя меня не раз уговаривали.

Когда, по мнению слуг, вас хорошенько размяли и промассировали, вас переворачивают на спину и начинают выворачивать вам руки, до тех пор пока вы не поймете, что это была демонстрация силы Геракла. Закончив с массажем, вы по своему усмотрению отправляетесь в одну из свободных комнат. В одних от жары вы даже потеете, в других сами можете устанавливать нужную вам температуру воды: в «сердце бани» есть много маленьких комнаток-клеток, хорошо отделанных и украшенных, с мраморным бассейном, куда подведены трубы с холодной и горячей водой. Смешав воду, вы закрываете краны, ложитесь рядом с бассейном, а слуги моют вас и поливают этой водой из кувшина. Один из слуг закрывает проем комнаты полотенцем. Если все слуги заняты, вам придется проделать все это самому. В особенности это касается бедняков, так как в надежде получить на чай слуги стараются прислуживать богатым посетителям. Вас растирают чем-то похожим на мешок из грубой темной ткани, причем мыло вы должны приносить с собой.

В том случае, если вы хотите подстричься, побрить бороду или сбрить волосы в иных частях тела, вами займется другой специалист. Если же вы пожелаете удалить

волосяной покров без использования бритвы, в отдельном помещении вам предложат специальную пасту. Турки активно пользуются пастой, так как считают грехом иметь волосяной покров в интимных местах. Так что вы не встретите ни одного турка или турчанку с волосами в этих местах. Женщины гораздо суевернее мужчин и, увидев только пробивающийся волосок, тут же отправляются в баню.

Помывшись, вы меняете полотенце, которое носили в бане, его называют фута, на сухое, а слуга вновь омывает вам ноги. После этого вы возвращаетесь в первое помещение, где оставили свои вещи. Здесь очень влажно от постоянных потоков воды, но всегда, особенно зимой, в очаге горит уголь, чтобы просушить сразу несколько рубашек и полотенце. Вы садитесь, и слуга вновь моет вам ноги, а вы в знак признательности и благодарности кладете правую руку на его голову, а затем подносите ее к своим губам, точно так, как делаем мы, вручая письмо. Одевшись, вы сами решаете, как отблагодарить слугу, и отправляетесь к кассиру, чтобы заплатить. Фиксированной платы не существует, кто-то дает один аспер, кто-то два или три, но большинство платят четыре аспера».

Приведенный рассказ довольно подробен и не требует особого комментария. Однако можно остановиться на двух деталях, не упомянутых выше, а именно — на деревянных башмаках и традиции брить тело.

Почти с полной уверенностью можно сказать, что во времена Бассано деревянными башмаками в банях не пользовались, тем более что о них не упоминают ни Грело, ни Тевено. Вероятно, они появились в Константинополе под влиянием Венеции, где были известны в течение столетий. Вряд ли Бассано просто забыл о них. Во-первых, он пишет о том, как тяжело было держать равновесие на мраморном полу, во-вторых, упоминает мокрый пол в раздевалке, где слуга в очередной раз мыл ноги посетителю. А башмаки как раз и использовались для того, чтобы в отапливаемых снизу банях люди не

обжигали ноги о горячий мрамор и не скользили на мокром полу. Когда я сам попробовал обойти мраморный бассейн в одной из бань в Бурсе, то понял, насколько это нелегко и даже опасно. А в деревянных башмаках это можно сделать совершенно свободно. И наконец, в них вы оказываетесь гораздо выше потоков воды и нечистот, время от времени загрязняющих поверхность пола. В последнем я лично убедился, когда в турецкой уборной моего «отеля» в Бурсе мне под ноги неожиданно хлынули нечистоты из других комнат здания. К счастью, я был обут в эти высокие башмаки!

К XVII веку мастерские по изготовлению деревянных башмаков (налин) стали обычным явлением. Делали их из ореха или самшита, прибывая с каждой стороны кожаные ленты. На изготовление более дорогих шла древесина красных тропических пород, черного сандалового дерева; гвозди были серебряные, а цветная кожа расшивалась золотом. В гареме султана обувь была еще роскошнее: ее инкрустировали перламутром и черепаховым панцирем, а ленты украшали жемчужинами и бирюзой. В использовании высоких башмаков было и своеобразное кокетство — ведь в XVII веке венецианские котурны в высоту иногда доходили до полуметра. В XVI—XVII веках в Неаполе их носили все, о чем мы знаем из литературных произведений того времени. В Англии мастера этого ремесла упоминаются уже в 1400 году, а в 1469 году они организовали собственное цеховое братство. Практически до XVII века отсутствие мощеных дорог делало башмаки просто незаменимой дамской обувью, и мы можем предположить, что в Константинополь они пришли именно с Запада, так как обычные арабские или персидские башмаки на деревянной подошве были недостаточно высоки, чтобы носить их в бане.

Что касается удаления волосяного покрова с тела, то более подробное и примечательное описание мы найдем у Тевено (1656): «После того как вам выбрили подбородок и подмышки, вы получаете лезвие для само-

стоятельного продолжения процедуры. Вы удаляетесь в маленькую кабинку, вешаете в проеме простыню, чтобы все знали, что она занята, и спокойно приступаете к бритью. Если вы боитесь пораниться лезвием, то просите дать вам пасту, изготовленную из минерала, именуемого русма. Его измельчают до состояния порошка и, добавляя известь и воду, получают пасту. Паста накладывается на волосяной покров, и менее чем через четверть часа волосы покидают тело вместе с пастой, смоченной горячей водой. Для определения времени смыва необходимо самому проверять, удаляются волосы свободно или нет. Если опоздать, то после волос паста примется за вашу кожу. Русма — это минерал, напоминающий окалину или ржавчину железа. В Турции она применяется постоянно, что позволяет султану получать приличный доход. На Мальте русму заменяет орпимент, который для тех же целей смешивают с известью».

Скорее всего, русма — это сирийская доува и египетский нурах, о которых упоминают Бертон, а также Э. Лейн в своем замечательном описании каирской бани. Судя по замечанию о необходимости осторожного обращения с пастой, способной разъедать кожу, в состав русмы входит мышьяк. В Европе наших дней практически полностью отказались от использования депиляторов на основе сульфида мышьяка, учитывая его опасные свойства, и заменили их сульфидами кальция, стронция и бария. Преимущество депилятора перед лезвием бритвы очевидно, так как паста удаляет волос у основания волосяного мешочка, а бритва лишь срезает его вровень с поверхностью эпидермиса, после чего волосы начинают отрастать даже быстрее, чем прежде.

Использование щипчиков — дело более хлопотное и болезненное — было распространено, например, среди женщин Персии. У Тавернье мы читаем: «Невзирая на запрет Магомета, дамы прибегали к услугам своих рабынь, которые пинцетами и щипчиками (точно такими, какими мы избавляемся от усов) удаляли им воло-

сы. Пусть это было не так быстро и безболезненно, зато безопаснее, чем при наложении русмы. Наши султаны еще пока слишком утонченны, чтобы следовать примеру персиянок. Да и турецкие мужчины не спешат испытывать боль тогда, когда лезвие бритвы способно без проблем решить этот вопрос».

Удаление волосяного покрова наружных половых органов у мусульманок считалось абсолютно необходимым делом, причем более необходимым, чем бритье подмышечных впадин среди наших современников. Более того, волосы удалять было принято везде: даже в ноздрях и ушах. Таким образом, тщательное обследование тела госпожи регулярно проводилось рабыней или, возможно, подругой, которая, в свою очередь, представляла собственное тело для аналогичного осмотра. Естественно, что столь интимные взаимоотношения давали почву для обвинений в лесбийской связи, которые зачастую оказывались справедливы.

Авторы непрестанно уверяют нас, что мужья, желавшие видеть своих жен одновременно и чистыми и целомудренными, никогда бы не отпускали их в общественные бани (когда средства не позволяли им устраивать баню в собственном доме), если бы не религиозные каноны и санитарные нормы. Интересно обратиться к описанию женской бани Бассано да Зары, сделанному им в самом начале XVI века: «Большинство женщин отправляются в баню группой человек по двадцать и подружески моют друг друга: соседка — соседку, сестра — сестру. Причем общеизвестно, что в результате столь фамильярного совместного мытья и массажа женщины влюбляются друг в друга, причем совсем так же, как это происходит между мужчиной и женщиной. Я знал гречанок и турчанок, которые, завидев красивую девушку, искали случая помыться вместе с ней, только для того, чтобы увидеть ее обнаженной и поласкать. Именно поэтому женщины отправляются в баню, расположенную подальше от собственного дома, хотя принято посещать это заведение в своем районе. Причина подобных бес-

совестных поступков именно в мытье женщин в бане. Часто, придя в баню рано утром, они остаются там до обеда или до самого вечера, если оказались там сразу после обеда. Следует обязательно упомянуть, что благовоспитанные женщины не ходят в общественные бани, так как в их домах есть собственные великолепные бани.

Теперь я расскажу о том, как часто и как именно женщины среднего достатка ходят в баню. Большинство женщин посещают баню три-четыре раза в неделю, но обязательно не реже одного раза в неделю, иначе ее сочтут лишенной утонченного вкуса или просто грязнулей. Есть и по-настоящему серьезные причины, по которым женщина никогда не пропустит похода в баню. Во-первых, не совершив омовения, нельзя войти в мечеть. Во-вторых, это единственный повод, по которому женщине разрешено покидать дом. Так что, используя баню как удобный предлог, женщина на самом деле может отправиться куда угодно.

У турчанок принято иметь двух-трех рабынь-христианок или христианок, принявших ислам. Выйдя из дома, одна из них на голове обычно несет медный котелок, не очень большой, но довольно высокий и широкий, как ночной горшок. В него кладут хлопчатобумажную сорочку длиной до земли. В зависимости от качества ткани такая сорочка может стоить 4—6 скуди. Примечательно, что сразу после выхода из бани и мужчины пользуются ими — они хорошо впитывают влагу, и после такой рубашки можно сразу одеваться.

С собой также берут белое платье-рубашку, чистые длинные носки и массу полотенец. Наконец, котелок оборачивают льняным полотном с вышитым шелками и золотом листовным орнаментом. Непременные атрибуты — красивый ковер и прекрасная подушка. В бане первым делом на общественном ковре расстилают свой и снимают шелковые одежды. В одну из маленьких кабинок с возвышением для госпожи ставят котелок с вещами. Когда госпожа готова, она садится, и рабы-

ни, обступив ее со всех сторон, принимаются за мытье. Почувствовав, что уже достаточно, она удаляется в одно из довольно теплых помещений, а рабыни моют друг друга. Проведя в бане столько времени, сколько было нужно, рабыни укладывают пожитки в котелок, и все отправляются домой. Плата для женщин и мужчин одинакова. Кое-кто из женщин приносит с собой солидный запас еды, что и понятно — в бане разыгрывается хороший аппетит».

Должно быть, Бассано пользовался надежными источниками, так как рассказы женщин XVIII и XIX века мало что могут добавить к этому, разве что придать описанию больше яркости и красок благодаря их непосредственному участию в описываемом событии, а также живости пера.

Вот что пишет в 1717 году леди Мэри Уортли Монтегю: «В первом ряду на диванах, покрытых богатыми коврами и подушками, сидели госпожи, а за ними, во втором, расположились их рабыни. По одежде положение женщин в обществе различить было невозможно — все они находились в своем естественном состоянии, а проще говоря, были совершенно раздеты. Во всей красе, при всех изъянах. При этом ни у кого на лице не было и тени чувственной улыбки, никто не позволял себе непристойный жест. Они прохаживались с той величавой грацией, о которой поведал нам Мильтон, описывая нашу общую прародительницу. Многие были столь ладно скроены, что пропорциями тела напоминали богинь с полотен Гвидо или Тициана. Их кожа была ослепительной, и спадающие на плечи волосы, заплетенные во множество косичек, украшенных лентой или жемчугом, только подчеркивали ее белизну, давая исчерпывающее представление о красоте античных граций.

Здесь я утвердилась в своем предположении, нередко и раньше приходившем на ум, что и в том случае, если бы было принято ходить раздетыми, вряд ли бы можно было видеть лица этих женщин. Я почувство-

вала, что и они сами, с прекрасной кожей и великолепными формами, разделяют мое восхищение, хотя их собственные лица иногда уступали по красоте лицам тех, кто их сопровождал. Признаюсь в греховной мысли: как я хотела, чтобы господин Джервис [Чарльз Джервис, ирландский портретист и писатель] мог попасть сюда и остаться незамеченным. Представляю, насколько возросло бы его мастерство, если бы он увидел воочию так много обнаженных красавиц, причем в самых разнообразных позах: беседующих, за работой, пьющих кофе или шербет, а в основном — небрежно откинувшихся на диванных подушках, пока рабыни (хорошенькие девушки лет семнадцати—восемнадцати) самым причудливым образом убирают им волосы. Короче говоря, баня — это женская кофейня, где рождаются скандалы, обсуждаются новости и т. п.».

Спустя сто двадцать лет мисс Парду дает сходное описание, откуда и взят этот чудесный отрывок: «Поначалу я остолбенела: тяжелый, плотный зеленовато-желтый пар окутывал все пространство так, что я чуть-было не задохнулась. Дикие, пронзительные крики рабынь эхом прокатывались под сводами банных залов, казалось, вот-вот — и от шума оживет даже мрамор. На этом фоне еле слышны приглушенный хохот и шепоток их хозяек. Здесь было не меньше трехсот лишь частично прикрытых женщин — их простыни были настолько пропитаны влагой, что под ними легко угадывались очертания фигуры. Туда-сюда озабоченно сновали обнаженные по пояс рабыни, руками прикрывая грудь, балансируя со стопками вышитых и украшенных бахромой салфеток на голове вокруг группы красивых девушек — они смеются, щебечут, лакомятся цукатами, шербетом и лимонадом. Здесь же играли дети, которые, в отличие от меня, похоже, чувствовали себя прекрасно в столь тяжелой, насыщенной влагой атмосфере. И, венчая картину, неожиданно грянул многоголосый хор в сопровождении такой немыслимой и резкой турецкой мелодии, какую только можно вообразить. Она эхом

прокатилась по огромному залу, сравнивая, наверное, лишь с шумом вакханалии демонов, дополняя общую атмосферу фантасмагории, да так, что я засомневалась: происходящее — это наяву или видение помутневшего рассудка.

Закончив омовение, женщина-хозяйка направлялась во внешний зал и оказывалась на диване, где предупредительные рабыни укутывали ее в теплые одежды, поливая волосы духами. Еще мокрые волосы сворачивали и, не вытирая, покрывали роскошным платком из украшенного вышивкой муслина. Лицо и руки освежали туалетной водой, после чего, утомленная, она погружалась в дремоту, укрытая атласным или стеганым пуховым одеялом.

А в это время по залу, как на базаре, сновали старухи-торговки с шербетом, цукатами и фруктами, неусыпно оберегая свой товар. Негритянки разносили обед и чубуки своим хозяйкам. Здесь шепотом, чтобы никто не услышал, делились секретами. И все вместе это выглядело так странно, ново и привлекательно, что, без сомнения, любой европеец будет приятно удивлен и заинтересован посещением турецких бань — хамам».

Еще одно свидетельство мы находим в работе миссис Харви «Турецкие гаремы и жилища черкесов». Однако все главное уже сказано, и мы достаточно полно можем себе представить, как выглядела заполненная посетительницами женская баня.

Правда, стоит еще рассказать о бане невесты. Это церемония с участием процессии обнаженных девственниц и главной девственницы, которой судьбой предназначено разделить ложе с султаном. Она должна пройти ритуал, несколько отличающийся от того, за которым лично наблюдала леди Мэри Уортли Монтегю: «Замужние и вдовы расположились на мраморных диванах по периметру комнаты. Девственницы торопливо скинули свои одежды, и единственное, что прикрывало их наготу, были длинные волосы, украшенные жемчугом или лентой. Две из них в дверях встречали невесту, сопро-

вождаемую матерью и близкой родственницей. Это была красавица лет семнадцати в дорогих одеждах и сиянии драгоценностей, но сейчас она предстала перед всеми в своем естественном облике. Две другие девушки наполнили серебряные с позолотой сосуды духами и возглавили процессию. Остальные последовали за ними парами. Всего их было тридцать. Ведущая пара пела эпиталаму — свадебную песнь, им вторил хор процессии, а замыкающие вели прекрасную невесту. Она не поднимала глаз от пола, что только подчеркивало ее скромность. В таком порядке они проследовали через три помещения бани. Трудно передать красоту увиденного: почти все девушки великолепно сложены, а частое посещение бани буквально отполировало их белую кожу. Прodelав весь путь, невесту вновь подвели к каждой матроне. Они приветствовали ее и одаривали подарками: драгоценными камнями, украшениями, носовыми платками, другими галантерейными мелочами. Невеста, целуя им руки, выражала свою благодарность».

Интимные подробности этой прелестной церемонии, например депиляция, в этом рассказе опущены, однако мы можем восполнить пробел дневниковыми записями некоего Джона Ричардса, ныне хранящимися в Британском музее: «По торжественным случаям, к коим относится и подготовка девственницы к вступлению на ложе супруга, устраивается празднество в бане, куда приглашаются и друзья. Здесь девушка впервые удаляет со своего тела все волосы, что потом будет делать регулярно, как это и принято в жарких странах. Насколько благопристойна данная процедура, я сказать не могу, но мне говорили, что стоит это очень дорого».

Судя по описанию леди Мэри Уортли Монтегю, женщины мылись в бане полностью или почти полностью обнаженными, и это было привычным делом. А если мы поверим художникам, пытавшимся представить на наш суд «баню гарема», то в этом не останется и доли сомнения. Однако вопрос остается открытым, а узнать ответ было бы очень интересно: ведь находиться пол-

ностью раздетым было против всех существовавших в Турции правил, причем не только в бане общественной, но и в личной, если в ней мылись одновременно несколько человек. И относится это равно как к женщинам, так и к мужчинам. В этой связи любопытен рассказ о Махмуде I (1730—1754), который получал удовольствие от своего гарема самыми причудливыми способами. Согласно сообщению Флаше, среди его забав была и такая. Султан прятался у потайного окна и ждал появления в бане девушек, которым по традиции выдавались длинные сорочки. Все штука заключалась в том, что хитрец султан приказал удалить на одежде все нитки из швов, тщательно их проклеив. После того как девушки оказывались в бане, двери запирали, и султану оставалось только наблюдать за тем, как высокая температура и влажность делали свое дело. Реакция была разная: кто-то с удивлением смеялся, рассматривая, как платье разваливается на лоскутки, кто-то сердился. Возможно, это правдивая история — ведь Флаше слышал ее от своего друга, начальника черных евнухов, с которым султан, без сомнения, делился столь забавным опытом. Правда, следует помнить, что в гареме находились женщины самых разных национальностей, а их подготовка была исключительно жесткой — с полным соблюдением всех турецких обычаев и правил. В то же время предполагаемая скромность характера, подкрепленная неизменным фактором соперничества, могла стать препятствием к полному обнажению перед теми, кто был лишь соперниками в борьбе за первенство в глазах господина.

Что касается произведений художников, следует помнить, что изображенное на холсте вполне может оказаться плодом авторского воображения.

И тем не менее в нашем распоряжении имеется иллюстрация с интерьером женской турецкой бани (ил. 34) из работы Фазиля «История женщин», хранящейся в библиотеке Стамбульского университета. Мы видим, что женщины здесь практически полностью раздеты и не предпринимают попыток скрыть свою

наготу, а служительницы бани обнажены по пояс. Следует также обратить внимание на чермерно высокие деревянные башмаки посетительницы, стоящей в бане в полном облачении.

Горячие бани Бурсы

Итак, мы представили описание бань, до сих пор сохранившихся в Серале, упомянули бани султана в других дворцах и остановились на рассказе об общественных банях в разные исторические периоды.

Теперь нам осталось рассмотреть бани горячих природных источников Бурсы, и сделаем мы это по вполне определенным причинам. Бурса сыграла заметную роль в истории Сераля. Это был город, в который султаны удалялись «на лечение», чтобы отдохнуть после боевых действий или от чрезмерного распутства, полегчить при острых приступах ревматизма и других болезнях.

Именно здесь турки впервые познакомились с феноменом бани и по достоинству это оценили. К моменту переноса столицы в Адрианополь они уже хорошо знали, что это такое, а учитывая жесткое предписание Корана соблюдать чистоту, «турецкая» баня самым естественным образом была «обречена» на существование. Что же касается Бурсы, то здесь все оказалось еще проще: не было необходимости вновь изобретать гипocausta римлян — отопительные системы, проложенные в стенах или под полом. Сама природа снабжала жителей горячей водой, а им оставалось лишь направлять ее в соответствующие бани и бассейны, охлаждать до необходимых температур и возводить над источниками постройки.

И хотя город Бурса серьезно пострадал от набегов захватчиков, представляя сегодня лишь жалкую тень былого могущества, бани здесь работают исправно. Вы и сейчас можете поплавать в бассейне бани Рустема-

паши, наслаждаясь красотой византийских и турецких арок, великолепием разноцветного фаянса.

По тем или иным причинам в последнее время мало людей приезжает в Бурсу (возможно, одна из них заключается в том, что гостиницы «Анатолия» больше не существует!). Однако не далее как в 1934 году мэр города с гордостью демонстрировал мне не менее шестидесяти визитных карточек гостей, подтверждая рассказ о том, что люди до сих пор приезжают в его город! Какие бы несчастья ни обрушивались на Бурсу за прошедшие века, город сохранил красоту и очарование. И даже несмотря на то, что жилье, обстановка и жизнь здесь далеки от представлений о современном удобстве, каждый путешественник, отправляясь в Константинополь, непременно посетит и Бурсу. Пусть его не интересуют бани, но разве возможность увидеть знаменитую Зеленую мечеть или усыпальницы первых султанов не стоят расходов и неудобств путешествия?!

Давайте теперь кратко поговорим об истории Бурсы, после чего я перейду к детальному описанию собственно бань и поделюсь личным опытом и ощущениями, испытанными мною на царских водах.

Бурса, как называют этот город турки (известны также варианты написания Брусса и Бруса), был основан царем Прусием Вифинским, когда Ганнибал искал у него укрытия после поражения Антиоха III Сирийского при Магнесии в 190 году до н. э. Город, который в течение многих лет оставался резиденцией царей Вифинии, в честь основателя получил название Пруса. После поражения Митридата Пруса оказалась под властью римлян и считалась вторым городом в Вифинии после ее столицы Никомедии. Тем не менее город процветал и при римлянах, а бани все больше привлекали к себе внимание. Около 111 года Плиний Младший был назначен на должность императорского легата в Вифинии и прославился возведением важных общественных сооружений в этой римской провинции. В их числе были и общественные бани, о чем свидетельствует его пись-

мо императору Траяну, в котором он говорит, каким украшением Прусы в будущем станут бани. И хотя главным городом провинции оставалась Никомедия, слава о горячих источниках распространялась все шире, а у главного источника был воздвигнут храм в честь Эскулапа и Гигиеи. Известно, что в III столетии сюда на лечение приезжали римские патриции.

Во времена Константина бани уже пользовались истинной популярностью, и несколько византийских императоров лечились в Прусе на царских водах. По-настоящему широкомасштабное строительство бань принял Юстиниан, возведя здесь дворец и караван-сарай для приезжих. Местность вокруг источников была известна как Пития, но позже, во времена Константина VII Багрянородного, ее стали называть Сотерополис — град Спасителя — в благодарность за целительную силу воды. Среди влиятельных персон, побывавших в Прусе, была и императрица Феодора, супруга Юстиниана I. В 525 году в сопровождении эскорта из четырех тысяч слуг она в золотом паланкине предприняла двухнедельное путешествие, уверовав в живительную силу источников, в водах которых вылечился ее муж.

Как город Бурса продолжала процветать и развиваться при римлянах и византийцах вплоть до середины X века, когда после годичной осады она была захвачена войсками Саифа аль-Даула из Алеппо. Правда, греки ее быстро отбили, восстановили и укрепили городские стены. Вскоре сюда устремили свои взоры турки-сельджуки, в чьих руках город и оказался к началу XI века. После того как в 1204 году крестоносцы овладели Никеей, сельджуки оставили Бурсу, вернув себе город только в 1326 году после десятилетней осады при султани Орхане. С этого момента мощь и значение Бурсы постоянно растет. Султаны сделали ее новой столицей, и после жизни, наполненной походами и схватками, обосновались здесь, чтобы сделать город достойным центром новой империи. Сюда съезжались со всех угол-

ков Ближнего Востока войны, художники и поэты, архитекторы и историки. Постепенно турки познали всю непреходящую ценность бани, и времена Чингисхана — в грязи и без мытья — закончились. Мало-помалу греческие традиции и культура стали восприниматься завоевателями. И наконец, с переносом столицы в 1453 году в Константинополь турки приняли все особенности византийского уклада: уединенную жизнь императора во дворце, паранджу, гарем, евнухов, церемониальные одеяния, еженедельное посещение мечети, свинцовые крыши зданий, красные чернила для написания государственных документов и многое-многое другое. Иными словами, общество обрело устойчивые формы бытия.

Однако до окончательного завершения этого процесса было еще далеко, а Бурсе пока не суждено долго пребывать в мире и согласии. В 1361 году Мурад I переносит столицу в Адрианополь, правда, с одной лишь целью — продолжить завоевания своего отца в Европе. При этом сердцем Османской империи оставалась Бурса, где находились первые мечети, школы и усыпальницы первых султанов. Но кровавый Тамерлан уже предпринял свой поход, и вскоре после поражения султана Баязида в 1396 году, в самом начале XV века Бурса была разграблена и разрушена. Не прошло и десяти лет, как город вновь подвергся разграблению — на этот раз войском эмира Карамана. Уже в наше время пожары и землетрясения уничтожили то, что восстанавливали Селим I и Сулейман. Тем не менее все эти несчастья не коснулись знаменитых бань Бурсы. И, оказавшись здесь, у стен столь почтенного «возраста», чувствуешь, как граница между прошлым и настоящим рушится, воображение переносит и в Бурсу времен Сулеймана Великолепного, и Орхана Завоевателя, и Юстиниана Законодателя.

Бани Бурсы находятся в двух километрах от города, если направляться в сторону Муданьи, недалеко от деревушки Чекирдже, которую некогда, как отмечалось выше, именовали Пития. Все прилегающие окрестнос-

ти здесь буквально пропитаны отложениями серы и железа из пяти источников, берущих свое начало у подножия горы Олимп.

Два главных железистых источника снабжают бани Эски-Каплийя и Кара-Мустафа, а два главных сернистых — бани Йени-Каплийя и Бейюк-Кюкюртлу. Через полтора километра на северо-восток, в сторону порта Муданья, вы увидите перед собой примечательный архитектурный ансамбль — здания с причудливыми куполами. Вот как описывает увиденное Турнефо в своем «Путешествии в Левант»: «Самое большое здание великолепно: у него четыре купола, покрытые свинцом, а отверстия в них закрыты стеклянными колокольчиками, наподобие тех, что наши садовники используют для укрывания дынь».

Речь здесь идет о бане Йени-Каплийя, построенной (или восстановленной) Рустемом-пашой, великим визирем и зятем Сулеймана в знак благодарности за избавление султана от подагры. Температура воды здесь очень высока, так как в источнике она поднимается до 90 градусов по Цельсию. Справа от этой бани находится совсем небольшая женская баня Кайнарья, а буквально в нескольких шагах слева — баня Кара-Мустафа. С южной стороны дороги — сернистые бани Бейюк и Кючюк-Кюкюртлу; температура в источниках здесь доходит до 80 градусов. По дороге на Чекирдже, в некотором отдалении от остальных, расположилась баня Эски-Каплийя. Рядом — мечеть и тюрбе (усыпальница) Мурада I, напоминающие нам о важности банной традиции уже в ранний период истории Османской империи. Считается, что именно в этой бане в VI веке побывали Юстиниан и Феодора. Температура воды, поступающей в бассейн, не превышает 48 градусов, так что здесь не требуется такого количества холодной воды, как, например, в бане Йени-Каплийя. По архитектурным особенностям бани мало чем различаются. Везде первое помещение — самое большое, второе — самое маленькое, а третье, парная, — средних размеров.

Но есть, несомненно, и свои особенности. Так, Эски-Каплийя интересна византийскими капителями, на которые опираются пяты арок свода, а Йени-Каплийя знаменита замечательным цветным фаянсом и типичными турецкими арками. В обеих я провел немало времени, и рассказ о моих впечатлениях в полной мере относится и к ним.

Войдя в первое помещение, я сразу почувствовал перемену атмосферы, но не столько от перепада температур, мало ощутимого в теплый день, сколько от чего-то другого, что сразу и не назовешь. Оглядевшись, я постепенно начал понимать, в чем тут дело. Во-первых, комната была очень просторной, с двумя огромными куполами и высокими стенами. Во-вторых, это тишина, возможно, именно тишина и поразила меня больше всего. И наконец, странные обернутые полотенцами фигуры, которые напоминали мумий, ожидавших часа своего захоронения. Тишину нарушали лишь всплески воды в мраморном фонтане, расположенном в центре, и нечастое пошаркивание посетителя, направляющегося в деревянных башмаках в следующее, более теплое помещение. Вдоль стен располагались кушетки для тех, кто победней, и кабинки для тех, кто побогаче. В дальнем конце стояли большие деревянные рамы для сушки полотенец, а на нескольких веревках, натянутых через весь холл, тоже висели полотенца.

Я прошел в кабинку и разделся. Укладывать и завязывать вещи характерным узелком нужды не было — ведь никто не войдет. Правда, я отметил, как на длинных скамьях двое военнослужащих сложили свои вещи в аккуратный узел, а сверху водрузили на него головные уборы, то есть сделали все так, как и описал Бассано около 1520 года. Я обернулся по пояс полотенцем, вставил ноги в ленты башмаков и отправился во вторую комнату — римский тепидарий. Здесь температура уже заметно выше, и, хотя присутствует и пар, к атмосфере быстро привыкаешь. В центре фонтан с горячей водой и большими медными кувшинами, чтобы обливать себя

с головы до ног. Правда, меня предупредили, что эту процедуру следует проводить после парной, а не сейчас.

Я осмотрелся: помещение было раза в два меньше первого и с одним куполом. По левую и правую руку от центра располагались небольшие комнатки для массажа, депиляции и уборные. Посетители, решившие «все делать по правилам», зовут массажиста, который незамедлительно отводит свою «жертву» в отдельное помещение. В Эски-Каплийя это обычно уголок между византийскими колоннами, а в Йени-Каплийя, где свободного пространства предостаточно, — в отдельную комнату.

Итак, я незамедлительно окунулся в небольшую мраморную ванну, где «варился» минут двадцать в воде, температуру которой мог еле-еле выдержать. После этого я оказался на мраморной плите, где и начался собственно массаж. Состоит он из двух этапов — массаж перчаткой и руками. Первый вполне приятен, причем новичок по-настоящему удивлен, когда видит триумфально демонстрируемые ему куски старой кожи и грязи, удаленные с его спины. Далее перчатка снимается и начинается мануальный массаж. Слабаку этого не пережить: сильные пальцы прорабатывают лопатки до тех пор, пока они не захрустят, а позвоночник испытывает такое давление, что выдержать его без стонов или желания сразу ответить обидчику помогает только мысль о последующем мщении. Массажиста хочется называть уже не другом, а не иначе как извергом рода человеческого, по каким-то неведомым причинам решившим не оставить у меня ни одной целой косточки. Но пытка на этом не кончается: руки и ноги вытягивают и выворачивают так, что я был очень удивлен, что их попросту не оторвали. После такого понимаешь, каково приходилось жертвам инквизиции.

Но все самое худшее когда-нибудь кончается, и следующий этап стал величайшим облегчением: с головы до ног меня покрыли пеной и оставили приходить в себя. Что, собственно, к моему удивлению и удовлет-

ворению, через некоторое время и произошло. Мне объявили, что теперь я могу пройти в третье, и самое жаркое помещение. В Йени-Каплийя температура воздуха действительно чрезмерно высока, и притом пару здесь некуда деться. Войдя, я сразу почувствовал необъяснимое ощущение: нечто среднее между любопытством и опаской, если не сказать самый настоящий страх. Все здесь выглядело по-иному: воздух стал непомерно тяжелым, фигуры, лежавшие или медленно передвигавшиеся, напоминали тени из преисподней. И я, как Одиссей или Эней, вопрошал: кто они, эти странные и молчаливые привидения, окутанные паром, неожиданно возникавшие и пропадавшие во мраке. Неожиданный лязг медного кувшина, шарканье башмаков и плеск воды в бассейне привели меня в чувство. По мере того как глаза стали привыкать к полутьме и густому пару, я начал осматриваться: что же мне теперь делать — ведь со мной никого не было, меня сюда просто впихнули и оставили!

Как ни старался, я не мог отделаться от ощущения, что нахожусь где угодно, только не на нашей привычной земле. Страх и тревога охватили меня: как бы не выдать себя неверным шагом и не услышать в туманной пелене потусторонний смех, выставляющий на всеобщее осуждение мое невежество и неуклюжесть. Но все оказалось лишь плодом воображения. Я двинулся в глубь зала и постепенно начал обходить вокруг центральный мраморный бассейн. Я шел мимо обнаженных фигур, лежавших на полу, сидевших на краю бассейна или на корточках по углам, стоявших под струями пристенных фонтанов и взиравших на мир, словно фигуры с греческих ваз, волшебством чародея ставших вдруг ростом с настоящих людей. Время остановилось, и я, как какой-нибудь лотофаг¹, уже не думал о завтрашнем дне, а просто получал удовольствие от тепла и расслаб-

---

Л о т о ф а г — представитель племени пожирателей лотоса, дающего забвение прошлого, описан в «Одиссее». (Примеч. пер.)

ления, которое может дать только баня. Поистине, чтобы перемещаться в такой атмосфере, требовались усилия Геракла. Но постепенно, еле передвигая ноги, я смог подойти к бассейну, медленно погрузился в воду и ощутил, что значит плавать практически в кипящей воде. Затем оцепенение отступило, я вышел во вторую комнату, и мне показалось, что по сравнению с парной в ней холодно. Постепенно, благодаря нескольким ушатам прохладной воды, я адаптировался и, отойдя в дальний угол, снял полотенце, которым был обернут. Меня обернули вновь уже в три полотенца, четвертое на манер тюрбана водрузили на голову, а пятое вложили в руки, чтобы я вытирал пот, который до сих пор ручьем струился по моему лицу.

И вот теперь настал час воздания: по телу разлилось ощущение удовольствия, чистоты и свежести, возносящее простого смертного на небеса блаженства. Лежа на кушетке, я представлял себя настоящим султаном и, по-восточному хлопнув в ладоши, попросил принести сигареты и кофе. Все беды и невзгоды были мгновенно забыты. Провожая взглядом поднимавшиеся к небесам колечки дыма от сигарет, я мечтал только о том, чтобы воскуренный мною фимиам достиг трона Зевса на Олимпе, у подножия могущественной обители которого я сейчас и лежал.

Глава 10

ТРЕТИЙ ДВОР

По размеру Третий двор примерно в два раза меньше Второго. Он состоит из нескольких зданий дворцовой школы (сейчас здесь размещается музей), здания личной казны султана, павильона Священной мантии и святых реликвий и мечети (сейчас здесь новая библиотека). К Третьему двору также относятся два отдельно стоящих здания — уже знакомый нам Тронный зал и библиотека Ахмеда III.

Начнем с двух последних. Тронный зал представляет собой одноэтажное здание прямоугольной формы со скатами, значительно выдающимися за пределы здания и поддерживаемыми мраморной колоннадой, идущей вокруг всего здания по принципу греческого периптера. В ней двадцать два пилона, среди них несколько из гранита. Небольшой уклон поверхности от Ворот блаженства потребовал обустройства спуска в дальней части здания — это двойная лестница по десять ступенек в каждом марше. Несмотря на то что здание перестраивалось во времена правления Мустафы II, Ахмеда III и Абдул-Меджида, общая планировка сохранилась, а некоторые помещения дошли до нас без изменений с XV века. Здание поделено на две части: большую, со стороны гарема, — Тронный зал, или зал Аудиенций, и поменьше, — очевидно, это приемная, в которой послы и другие важные персоны ожидали встречи с султаном. Первоначально приемная была отделана листами золота и серебра. Но и сейчас на стенах неплохо сохрани-

лась изразцовая отделка второго периода, а особое внимание стоит обратить на чудесную облицовку камина, которая, по описанию Бона, «была полностью покрыта листовым серебром и инкрустирована золотом». Примечателен и каскадный фонтан, устроенный с учетом специфики помещения так, чтобы шум воды, падающей из одной чаши в другую, заглушал беседу, не предназначенную для ушей слуг.

Как упоминалось ранее, трон больше всего походил на низкую кровать с четырьмя столбами. На его колоннах и балдахине до сих пор сохранились элементы дорогой отделки. Раньше трон был буквально усыпан драгоценными камнями и золотыми украшениями, а над головой султана находилась роскошная шелковая кисточка, замысловато украшенная драгоценностями. Трон стоит в левом углу зала; слева от него — камин, а справа — каскадный фонтан.

По Тавернье, для трона существовало восемь разных покрывал, до времени хранившихся в казначействе. Первое — из черного бархата с жемчужной отделкой, второе — из белого бархата с рубинами и изумрудами, третье — из фиолетового бархата с бирюзой и жемчугом, еще три — из бархата разных расцветок, расшитого золотом, и два — из золоченой парчи. Выбор тронного покрытия определялся статусом посла.

Следует упомянуть, что в переходе между двумя помещениями находился очаровательный пристенный фонтан, отделанный чудесной плиткой и увенчанный *тугрой* — монограммой султана.

Непосредственно за Тронным залом, но чуть левее, была библиотека Ахмеда. Некоторые авторы считают, что здание было возведено в 1767 году Мустафой III, но, возможно, еще раньше на этом месте располагались другие постройки. Это здание крестообразной формы; к нему ведет двойная лестница с каменными ступеньками. Через великолепную бронзовую дверь мы попадаем в вестибюль, занимающий одно крыло здания. Другое крыло представляет собой помещение с окнами

во всю стену, рядом низких диванов и украшенное изразцовыми панелями поверху. Два боковых крыла, немного более просторных, чем первые, тоже отделаны изразцовыми панелями. В них стоят массивные книжные шкафы со стеклянными дверцами. Двенадцать мраморных колонн поддерживают высокий купол, с которого свешивается огромный светильник. Жаровня, подставки для Корана, несколько кресел и стульев, два-три стенных книжных шкафа, один большой ковер и несколько ковров поменьше завершают интерьер. По поводу библиотеки было высказано немало самых невероятных предположений, но последние исследования манускриптов (всего их около пяти тысяч) показали, что экземпляров исключительной ценности среди них нет. По заключению Стивена Газели, автора работы «Греческие манускрипты в Старом Серале Константинополя», наиболее интересен манускрипт Критоболуса — единственный греческий оригинал — свидетельство падения Константинополя.

По замечанию Чарльза Уайта, сделанному им в 1845 году в книге «Три года в Константинополе», по сравнению с другими библиотеками города книги библиотеки Ахмеда отличаются большим разнообразием в охвате тем и предметов. Он отмечает наличие великолепного издания сборника притчей Саади «Гулистан». В библиотеке имеются списки Корана, сделанные халифами, и коллекция портретов султанов, выполненных на широких полотнах с оригиналов формата кварто ($1/4$ листа), из книги, где кроме изображений султанов и их многочисленных детей имеются предисловие и не-большой панегирик каждому из властителей империи.

Библиотека закрыта для посетителей и, как я понял, практически не содержит печатных книг. Все они размещены в здании напротив через двор (см. план, поз. 98), которое раньше было мечетью внутренней службы. Мы вернемся к нему чуть позже.

Можно предположить, что в 1719—1720 годах Ахмед III основал свою личную библиотеку в помещении

где-то между мечетью и двориком Клетки, и именно в ней хранились редкие рукописные книги. Правда, я не могу сказать определенно, связана она с библиотекой Ахмеда I (см. план, поз. 88) или нет.

Представляется, что в Серале всегда было две главные библиотеки, одна — для султана, другая — для пажей. Первое упоминание о наличии двух отдельных библиотек содержится в рукописи Иеросолимитано (1611), цитата из которого уже приводилась нами. Одна из них находилась в мужской части Сералья и называлась общественной, другая — во внутренней части и именовалась личной. В общем она напоминала библиотеку Ахмеда III. Вот что пишет Иеросолимитано: «По обеим сторонам стоят два стальных шкафа со стеклянными дверцами, в них — около 20 томов, иллюстрированных цветными рисунками, которые султан собирается читать. Шкафы довольно низкие, чтобы, сидя по-турецки, можно было видеть книги через прозрачное стекло и легко доставать их для последующего чтения.

Над шкафами находятся открытые полки, на которые каждую среду утром кладутся три кошелька с только что отчеканенными монетами (один — с золотом, два — с серебром) для пожертвований и подаяний.

В библиотеке для слуг и пажей очень красивые книги на любой вкус и на многих языках. Например, там имеются 120 томов о Константине Великом шириной 2 и длиной 3 локтя каждый, написанные на листах пергамента не толще шелка. Есть и манускрипты с текстами Ветхого и Нового Заветов, жития святых, писанные золотом, в тисненых переплетах с серебром и позолотой, украшенные драгоценными камнями невероятной стоимости. Прикасаться к этим книгам запрещено».

Некогда в Серале было много небольших библиотек, так как каждая ода имела свое собственное собрание книг. Еще сравнительно недавно довольно много книг и манускриптов можно было видеть в вестибюле Тронного зала. А несколько лет назад было принято решение собрать все книги в одну новую библиотеку и об-

ставить ее по-современному. Для этих целей выбрали неиспользуемую ныне мечеть дворцовой школы, которая одной своей стеной выходит на Третий двор, а прилегающая к ней маленькая мечеть Ахмеда была переоборудована в отличный читальный зал, где студенты имеют возможность пользоваться любыми из двенадцати тысяч томов, составляющими, судя по распространенной информации, фонд новой объединенной библиотеки. Здание прямоугольной формы со сводчатой крышей выстроено из красного кирпича. Оно хорошо освещается двумя этажами сплошных окон. Недавно у западного крыла была сооружена невысокая цементная пристройка со старинным фонтаном посередине.

По сообщению Халила Едема, который исследовал здание с архитектурной точки зрения, первоначально оно было квадратным, а центральный купол с каждой стороны на более низком уровне имел купола меньшего диаметра. Непосредственно позади новой библиотеки расположена мечеть гарема, а решетчатое окно соединяет два этих здания.

За исключением группы зданий, известных под общим названием павильон Священной мантии и казначейство, все остальные сооружения на территории Третьего двора относятся к дворцовой школе. Это разнообразные залы, спальня, комнаты, учебные классы, бани и т. п.

Перепланировка и прочие изменения в зданиях школы оказались настолько масштабны, что, даже зная историю исключительного во всех отношениях государственного военного образовательного учреждения, сегодняшнему исследователю будет нелегко восстановить его прежний архитектурный облик. На месте бывших помещений од сегодня находятся экспозиции с коллекциями фарфора, стекла, одежды или какой-нибудь из офисов музейной администрации. Даже если провести самую тщательную инспекцию всех помещений, современные перегородки, увеличенная высота потолков за счет разобранного верхнего этажа, другие изменения в интерьерах не позволят соотнести ни одно из них с

описанными в источниках ушедших времен. Возможно, единственное исключение — это так называемые бани Селима II. Тем не менее нам необходимо хотя бы в общих чертах познакомиться с дворцовой школой, игравшей заметную роль в жизни Серая и в значительной степени нейтрализовавшей пагубность порядков во времена правления гарема.

Среди современных авторов, без сомнения, наиболее интересные описания представлены в работе профессора А.Х. Либера «Управление в Османской империи во времена Сулеймана Великолепного» и в книге доктора Барнетт Миллер «За фасадом Блистательной Порты». Заслуживают внимания свидетельства таких представителей XVI века, как Спандуджино, Юнис-бей, Рамберти, Джеффро, Наваджеро и Менавино.

Среди еще более ранних авторов можно выделить Анджиолелло (1473—1481), но наиболее полное описание мы, вероятно, найдем у Бобови (1665). Предваряя дальнейшее исследование, я представлю краткую характеристику дворцовой школы, заостряя внимание на зданиях, которые сохранились на территории Третьего двора до наших дней.

Выше я уже рассказывал об истоках создания корпуса янычар, отмечая отличительную особенность системы набора — насильственное обращение детей христиан в ислам с последующей специальной подготовкой и обучением будущей профессии. Система не могла возникнуть в одночасье, и первые султаны из числа купленных или похищенных рабов набирали лишь телохранителей. Со временем число их росло, они оформлялись организационно и профессионально. Причем обучались не как единое войсковое формирование — человека направляли в соответствующее подразделение в зависимости от его физических данных и умственных способностей.

Так, образованные мальчики благородного происхождения с приятной внешностью и хорошим телосложением направлялись для подготовки в качестве буду-

щих пажей двора султана или становились спагами — рекрутами элитного корпуса регулярной кавалерии. Остальные — аджем-огланы — направлялись во внешнюю службу Сералья и в корпус янычар.

Первоначально школа пажей султана находилась в Адрианополе, а возможно, и в Бурсе, но после завоевания Константинополя и строительства дворца на холме Сераль Мехмед, самый образованный человек своего времени, решил основать большую школу государственной службы. По его замыслу курс обучения в школе должен был сочетать полноценную интеллектуальную, военную и физическую подготовку. Лучшего руководителя, служившего примером, чем сам Мехмед, найти было нельзя. Он был не только отличным знатоком языков, истории и философии, искусным наездником и стрелком из лука, но и признанным мастером военной стратегии, а также великолепно разработал систему обеспечения войск снаряжением и продовольствием. Так была создана государственная школа пажей султана, учебный план которой не имел себе равных в то время во всей Европе.

Некоторые особенности дворцовой школы делают ее уникальной во всей мировой истории образования, и об этом следует рассказать особо. Во-первых, здесь не было ни одного турка. В школе учились мальчики из Австрии, Венгрии, России, Греции, Италии, Боснии, Богемии и даже из Германии и Швейцарии, а также грузины, черкесы, армяне и персы. Более того, все они были рабами, то есть не имели ни семьи, ни иного будущего, кроме того, что им предложил их теперь единственный господин и наставник — султан. Добившись таким образом абсолютной преданности трону, султан осознал, насколько недооценимую роль может сыграть эта высокообразованная и вышколенная молодежь не только в качестве чиновников постоянно расширявшей свои границы империи, но и в противостоянии трона и янычар, сдерживать которых с каждым годом становилось все труднее.

Во-вторых, процесс обучения был долгим и напряженным, а школа была заинтересована в своем учени-

ке на протяжении всей его жизни. В наши дни, окончив университет, выпускник работает по профессии или уходит в бизнес и практически прерывает связь со своим учебным заведением. Окончив частную привилегированную среднюю школу, молодой человек не связан с ней ничем, кроме старого корпоративного галстука. Выбирая карьеру в армии или на флоте, он отправляется в Сандхерст или Дартмут, где его общее, религиозное или культурное образование никого не интересует. В придворной школе султана процесс образования был непрерывным и всеобъемлющим, причем во всех аспектах: интеллектуальном, физическом и религиозном. Другими словами, эта школа включала по объему знаний все ступени обычной средней и частной привилегированной школ, университет, армейский колледж и колледж ВМФ. Так что, возможно, этот пример — единственный в истории образования.

Однако в Серале всем ученикам места не хватало, и на его территории проживало от пятисот до восьмисот ичогланов, или, как их называли, «внутренних». Дворцы Адрианополя и Галаты использовались как «внешние дома»; в них жило от трехсот до четырехсот учеников. Очевидно, по сравнению с проживавшими в Серале они занимали более низкое положение, а их школы считались подготовительными, откуда только ученики, добившиеся наибольшего успеха, могли рассчитывать на дальнейшее продвижение. В самом Серале тоже было два так называемых подготовительных отделения — Большая и Малая палата. Так что, скорее всего, учащиеся «внешних» школ все-таки не могли попасть на службу в Сераль и сразу после окончания учебы получали должности чиновников низшего звена.

При Мехмеде в Серале было четыре оды, или палаты (класса), служащих, но к концу правления Ахмеда I (1617) их число возросло до шести:

1. Хас-ода — Палата султана (хас — «соответствующий», «истинный» или «личный» и, таким образом, «королевский», то есть относящийся к султану) — выс-

шая, наиболее привилегированная. В ней было тридцать девять служащих, а сороковым членом являлся сам султан. Со времени правления Селима I члены этой Палаты стали хранителями святых реликвий в павильоне Священной мантии.

2. Хазын-ода — Палата казны. Палатой и отрядом из шестидесяти—семидесяти служащих руководил белый евнух хазынедар-баши. В их обязанности входило охранять казну, производить расчеты и вести бухгалтерию.

3. Кылер-ода — Продовольственная палата. Кухонной службой руководил кылерджи-баши; в разное время в ее состав входило от семидесяти до ста человек. Обязанности службы заключались в контроле пищи султана и его сопровождении во время отъездов из дворца.

4. Бюйюк-ода — Большая палата, первоначально именовалась йени-ода — Новая палата. Изменение, очевидно, вызвано созданием Сулейманом Малой палаты. Обе эти палаты занимались исключительно образовательным процессом пажей, которым в соответствии со способностями и достижениями в учебе жаловали должности в высших палатах.

5. Кючюк-ода — малая палата. Во главе большой и малой палаты стоял икинджи-оглан, евнух Вторых ворот. В большой палате было от ста до двухсот, а иногда до четырехсот человек; в малой — около двухсот пятидесяти ичогланов. К концу XVIII века обе палаты были упразднены.

6. Сеферлы-ода — Палата кампаний. Основана Ахмедом I или десять лет спустя — Мурадом IV. По существу, в иерархии эта палата занимала четвертое место и комплектовалась (от семидесяти до ста пятидесяти человек) учащимися большой и малой палат. Пажи сеферлы-ода обстирывали султана во время военных кампаний и руководили военным оркестром. В связи с так называемыми «баниями Селима I» я уже рассказывал об этой палате. Три последние оды находились под общим руководством сарай-агаши, являвшегося помощником директора всей школы.

Кроме вспомогательных школ в Адрианополе и Галате, была еще одна, основанная Ибрагимом-пашой, главным визирем Сулеймана, названная его именем. Однако она и школа в Адрианополе, в отличие от галатской, были упразднены султаном Ибрагимом. Общее число пажей в Серале всегда оставалось в пределах трехсот—девятисот человек. Стандартный курс обучения не мог быть меньше четырнадцати лет и обязательно включал в себя изучение турецкого, арабского и персидского языков. Такие дополнительные предметы, как кожевенное дело, изготовление колчанов, луков и стрел, соколиная охота, собаководство, музыка, мытье головы, маникюр, стрижка волос и искусство создания тюрбана, как правило, выбирались по желанию.

Распространено было и денежное поощрение учащихся, что, несомненно, было хорошим стимулом к овладению науками. Вот как пишет Менавино об учащихся Бюйюк, или Йени-ода: «В первый год обучения мальчики в день получали 2 аспера, во второй — 3 аспера, в третий — 4, и так каждый год их жалованье увеличивалось. Дважды в год им выдавалась одежда ярко-красного цвета, а на лето одеяние из белой материи».

Дисциплина была жесткой, однако бастинадо, битье палкой по пяткам, разрешалась только раз в день. Белые евнухи наблюдали за пажами день и ночь, принимая все меры предосторожности, чтобы не допустить между ними противоестественных взаимоотношений. Хорошо известно, что некоторые султаны женщинам предпочитали мальчиков или дополняли ими свой гарем, а текст из архива банка Святого Георгия в Генуе лишь подтверждает это: «Белые евнухи выглядят как сморщенные, мумифицированные, худые и старые женщины. В их обязанности входит прислуживать Великому синьору, когда он покидает свой дворец, и следить за порядком среди белых пажей. В основном это дети христиан, украденные у родителей; в год их бывает от 300 до 400 человек. Некоторые мальчики очень красивы и носят дорогие одежды. У них полные щеки, а под-

веденные брови соединяются на переносице. О них рассказывают немало странного, но здесь такое поведение в порядке вещей, так что на это не обращают особого внимания».

Рико посвящает этой теме небольшую главу и отмечает, что пажи разработали особый язык жестов и знаков для общения, которым и выражали свои чувства. Он подчеркивает, что в случае разоблачения их избивали до полусмерти и изгоняли из Серая. Следует напомнить, что до 1542 года гарем находился за пределами Серая и все строения на территории Третьего двора были предназначены для султана и дворцовой школы. Это может объяснить, почему гарем располагается на такой небольшой площади вдали от главных дворов.

У каждой палаты был собственный зал, спальни и классные комнаты. Постепенно комплекс расширялся: добавились консерватория, две мечети, общее помещение для преподавателей и старших пажей, офисы администрации школы, бани Селима II и библиотека Ахмеда III. Большинство этих зданий исчезло после пожаров 1655-го и 1856 годов, но план подскажет, что сохранилось до наших дней.

Кроме библиотеки и павильона Священной мантии, о котором речь впереди, самым старым сохранившимся помещением остается Сеферлы-когушу (см. план, поз. 103), зал Кампаний («когушу» в современном понимании означает «зал», а «ода» — скорее «комната», «палата» или «школа»). Эта комната, а также та, что находится сразу за ней, относились к помещениям бани. Сегодня здесь выставлена замечательная коллекция китайского фарфора. В следующей комнате (поз. 104), которая также входила в комплекс бани, представлены экспонаты из серебра и стекла. Следующие пять комнат в этой стороне двора были отведены под казну султана. В наши дни это территория Музея Серая, в котором выставлены самые разнообразные предметы искусства: от персидских тронов и тронов других государств из золота, украшенных жемчугами и рубинами,

до чайников и кофейных наборов, часов и предметов мебели, клинков, трубок, сигаретниц, туалетных приборов, шахматных фигур, роговых чернильниц, образцов восточной каллиграфии, вышивки, резьбы по слоновой кости, черепаховой инкрустации и многого другого. И хотя формат данного издания не позволяет детально рассказать о разнообразных коллекциях Дворца, непременно стоит упомянуть о замечательном собрании керамики.

О нем было сказано немало противоречивого, и лишь недавно мы смогли узнать о реальном положении вещей — в 1930 году вышла публикация профессора Циммермана, руководителя мероприятий по подготовке коллекции к демонстрации. Соответствующая комиссия была сформирована еще в 1912 году, сразу после Балканской войны, но из-за начала Первой мировой войны выставка открылась только в 1925 году. Первое описание коллекции было отрывочным и входило в официальный путеводитель по Сералю. Затем, наконец, в 1934 году появились статьи Р.Л. Хобсона и сэра Персиваля Дэвида. Это наиболее примечательные публикации, и именно из них почерпнуты следующие сведения.

Выставка восточной керамики Сералья является третьей в мире по количеству экспонатов. Первой, находящейся абсолютно вне конкуренции, остается коллекция, представленная в Запретном городе в Пекине, вторая — дрезденская. Таким образом, любому серьезному исследователю для полноты знаний следует приехать в Стамбул и познакомиться с многочисленными уникальными экспонатами.

По сообщению сэра Персиваля Дэвида, самое раннее упоминание о фарфоре в Стамбуле относится к 1504 году, когда во время правления Баязида II проводилась инвентаризация Дворца. В списке значился двадцать один предмет, в основном — блюда. Следующая инвентарная ведомость датирована 1514 годом (правление Селима I) и содержит уже шестьдесят два предмета, привезенных из дворца Хештебешт в Тебризе. И только после прихода к

власти Сулеймана Великолепного (1520—1566) коллекция начала становиться действительно крупным собранием. Она расширялась благодаря тому, что султан сам интересовался китайским фарфором, а также за счет новых завоеваний и подношений от эмиссаров иностранных государств, искавших благосклонности монарха. Затем мы не встречаем упоминаний о фарфоре до 1680 года, когда отмечается наличие крупной коллекции, хранящейся частично в помещениях казны, частично — на кухне.

В правление Абдул-Меджида (1839—1861) коллекция хранилась в казне, а при Абдул-Хамиде (1876—1909) некоторые предметы были перевезены во дворец Йылдыз. Правда, после смещения последнего все вернулось на территорию Серая. Сегодня коллекция насчитывает около десяти тысяч предметов, из которых тысяча триста — селадоны¹, две тысячи шестьсот предметов — фарфор эпохи династии Мин (1368—1643), китайский и японский фарфор периода следующих династий. Завоевание Персии, Сирии и Египта значительно пополнило коллекцию, о чем говорят многочисленные экспонаты голубого и белого цветов. Примечательны представленные в большом количестве зеленые селадоновые тарелки, которыми ежедневно пользовались в Серале. Выбор цвета не случаен — по распространенному на Ближнем Востоке суеверному представлению, именно он выявлял наличие в пище яда.

Хотя большая часть коллекции представлена предметами эпохи династии Мин, немало здесь и прекрасных экспонатов времен династий Юань (1280—1368) и Сун (960—1279).

Продолжая обследование строений дворцовой школы, мы знакомимся с двумя крупными зданиями, занимающими почти всю дальнюю северо-восточную часть двора. Первое — Продовольственная палата, в которой в наше время размещается администрация Серая. Я

С е л а д о н — разновидность китайского фарфора с бледной серо-зеленой глазурью. (Примеч. пер.)

побывал там только дважды, но директор лично внес в мой план здания все необходимые правки. Перестройка полностью изменила первоначальную декорировку, хотя в любом случае она должна была быть довольно скромной. Доктор Миллер, основываясь на сообщениях Менавино, Бадоаро и Бобови, дает следующее описание: «Здесь хранились всевозможные лекарства, а главное — сильнодействующие противоядия; редкие и дорогие специи, парфюмерия и душистые вещества из Египта, Аравии и Индии; огромные свечи из Валахии для освещения селямлика, гарема и дворцовых мечетей. В большом количестве здесь были собраны джемы, мармелад и прочие сладости; тут же находился запас питьевой воды из источника Святого Симона в Старом дворце. Здесь были и восхитительные сиропы, производимые на заказ в Большом Каире, из которых в дальнейшем делали напитки для султана, и крупные куски амбры от паши Йемена, использовавшиеся для приготовления знаменитых шербетов».

Второе строение, соединенное с первым переходом, который одновременно связывает Третий и Четвертый двор, — это Палата казны. Как мы уже упоминали, по значимости это была вторая палата после Хас-ода. Сегодня в этом помещении музейное хранилище, и оно закрыто для посетителей.

Северную часть двора занимает хранилище казны, в помещении которого прежде располагался кылычдар (сылыхдар), или хранитель меча султана, а затем сокровищница павильона Священной мантии. В плане это квадратное здание, разделенное на четыре части. Позже мы вернемся к нему. Следующее строение, протянувшееся до новой библиотеки, — это палаты султана и другие комнаты. Изначально оно находилось рядом с Ереван-кешк, а существующее ныне здание было перестроено в XIX веке Абдул-Меджидом. Главный зал — это помещение прямоугольной формы, крыша которого покоится на шести колоннах, соединенное специальным переходом с павильоном Священной мантии. Сре-

ди смежных комнат есть небольшой кабинет начальника оды и больница для членов палаты султана. Остальные пажи пользовались большой больницей в Первом дворе.

Этим исчерпывается перечисление строений дворцовой школы. Рассмотрим теперь павильон Священной мантии. Хотя хранение и почитание реликвий как форма идолопоклонства едва ли соответствует духу ислама, искушение иметь глубоко почитаемые осязаемые свидетельства жизни Пророка до конца еще не изжито. Справедливости ради следует отметить, что таких реликвий немного (если сравнивать, например, с Буддой), да и находятся они не в Аравии, а в странах, принявших ислам полностью или частично значительно позднее. Так, в индийском Байджпуре, на плоскогорье Декан, свято чтут хранящиеся в специальной шкатулке два волоска из бороды Пророка. Шкатулку, правда, никогда не открывают. А в провинции Синд, в городе Рохри¹, единственный волос Пророка находится в золотом ларце, украшенном драгоценными камнями, в храме, воздвигнутом специально по этому поводу в 1745 году. Раз в году его демонстрируют народу, причем благодаря хитроумному механизму волос самостоятельно поднимается и опускается. Говорят, что три волоска из бороды хранятся в знаменитой мечети Брадобрея, расположенной к северо-западу от Кайруана, самого интересного города Туниса. Мечеть построена в честь Абу Джам эль-Белави, который на самом деле был не брадобреем, а одним из последователей Пророка. Правильное название — мечеть Сиди Сахаб, то есть Сиди-спутника. Все три волоска погребены вместе с усопшим: по одному на каждом веке, а третий — под языком. Так как этот человек всегда держал волоски при себе, по нелепой случайности его посчитали брадобреем Пророка. Как мы узнаем позже, остальная часть бороды Мухаммеда находится в Серале.

Территория современного Пакистана. (Примеч. пер.)

Следы, якобы оставленные ногой Пророка, как и следы Будды, в большом количестве есть во многих уголках Индии, причем они существенно различаются как по размеру, так и по форме ступни. Кроме этих сравнительно незначительных реликвий, есть и по-настоящему ценные. Например, в Каире хранятся регалии халифов, и среди них — знамя Пророка и плащ, а также, по некоторым сведениям, и его меч. Завершив в 1516—1517 годах подчинение Сирии и Египта кровавой резней пятидесяти тысяч каирцев, Селим I сам получил титул халифа, а вместе с ним и священные реликвии. Жестокость завоевателя уживалась в нем с религиозной покорностью и раскаянием глубоко верующего человека: все время пребывания в Египте он проводил в мечетях и святых местах. Знамя Пророка, Санкак-шериф, было отправлено в Дамаск, чтобы брать его с собой во время ежегодного паломничества в Мекку. Остальные реликвии (какие конкретно, доподлинно неизвестно) попали в Константинополь, где находятся и по сей день. Все они сразу оказались в Серале в специально возведенном здании, известном как павильон Священной мантии. И до того как через семьдесят пять лет здесь же появилось знамя, мантия Пророка оставалась наиболее ценной реликвией.

Как уже отмечалось ранее, всегда имелись серьезные сомнения по поводу того, кому принадлежали реликвии. Ясность, похоже, есть только в отношении мантии и знамени. Что же касается более мелких предметов, то здесь возникают разногласия, так как неизвестно, принадлежали ли они самому Мухаммеду или одному из «четырех его спутников» — Абу Бекру, Омару, Осману или Али. Наиболее полное и достоверное свидетельство XVII века принадлежит Тавернье, который получил информацию от людей, многие годы прослуживших в казначействе. Причем один из них вообще являлся его главным хранителем и, значит, по роду службы участвовал в церемониях, связанных с реликвиями. Тавернье описывает мантию, знамя, печать и два меча. Из современ-

ных исследований, по моему мнению, лучшим является работа Уайта. В его список входят: мантия, знамя, борода, зуб и след ноги. Последний он видел собственными глазами. Рассмотрим теперь все по порядку.

1. Хирка-шериф, или Священная мантия. Считается, что Мухаммед подарил ее арабу-язычнику по имени Кааб ибн Зухайр, одному из шести человек, которых Пророк решил обратить в свою веру. Он бросил им вызов, заявив, что те не смогут создать книгу прекраснее Корана. Пятеро признали, что не способны на это, и стали новообращенными. А Зухайр упорно продолжал критиковать святую книгу, удалился в пустыню и жил там в пещере. Раскаявшись, он написал поэму, ставшую настоящим шедевром. За это Пророк снял с себя мантию, сотканную в его гареме, и накинул на плечи поэту. И он, также обращенный в новую веру, стал одним из самых преданных приверженцев Мухаммеда, а его поэма дошла до потомков. Мантию Пророка дети поэта продали Муавии I, основателю первой мусульманской династии халифов из рода Омейя — династии Омейядов. Затем при династии Аббасидов она оказалась в Багдаде, далее — в Каире, где ею завладел Селим I, и, наконец, появилась в Константинополе.

По поводу цвета мантии единого мнения нет. Существуют описания, что она была зеленого, черного, белого цветов, даже — в полоску. Однако некоторые служители дворца уверяли доктора Миллер, что на самом деле она была кремовая.

Тавернье говорит, что мантия Пророка была из белого камлота¹, сотканного из козьего пуха, с широкими рукавами. Вот как он описывает церемонию, непосредственно связанную с мантией: «Великий синьор достал мантию из сундука, с большим уважением поцеловал ее и передал капы-аге. Офицер охраны послал за

К а м л о т — плотная шерстяная ткань из черных и коричневых нитей; некоторые источники связывают происхождение названия с арабским названием сорта верблюжьей шерсти. (*Примеч. пер.*)

хранителем казны, в сопровождении которого старшие пажи внесли в зал большой золотой котел. Мне рассказывали, что он очень вместительный, — в него входит не меньше одной шестой бочки. В некоторых местах с внешней стороны котел украшен изумрудами и бирюзой. Емкость наполнялась водой так, чтобы до края оставалось расстояние в шесть пальцев толщиной. Капы-ага на некоторое время опускал мантию Магомета в котел, ждал, пока она намокнет, а затем сильно отжимал, но так, чтобы ни одна капля не пролилась на землю. Далее полученная вода разливалась во множество венецианских хрустальных бутылей по полпинты каждая. После этого капы-ага запечатывал бутылки Большой печатью Властителя. Впоследствии мантию сушили, а в 20-й день священного месяца Рамадан в присутствии его величества реликвию убрали в сундук».

На следующий день бутылки вместе с листом бумаги, несущим оттиск печати Пророка, отсылали султаншам и другим важным персонам Константинополя. Бумажный лист мочили в воде, которую после этого потребляли в больших количествах. Доктор Миллер, ссылаясь на Бобови, добавляет, что церемониальная вода — это роса, собиравшаяся пажами из продовольственной службы в апреле. Считалось, что она обладает лечебными свойствами, помогая при лихорадке и некоторых других заболеваниях. Также эту воду наливали в рот умершему в качестве талисмана, дабы преодолеть страдания загробной жизни. Со временем церемония упростилась и стала соответствовать первоначальной практике, возникшей в XVI веке.

2. Санкак-шериф, или Священное знамя. По мнению некоторых арабских историков, изначально знамя служило пологом в палатке Айши, любимой жены Пророка. Однако по установившейся традиции считается, что это один из витков с тюрбана врага Мухаммеда по имени Бурайдат, который был обращен в новую веру. Посланный верхушкой Мекки против Мухаммеда, он, вместо того чтобы атаковать войско Пророка, пал

перед ним ниц, развернул тюрбан, прикрепил ткань к древку копья и передал ему в знак того, что посвящает себя делу Пророка и его славе. Как и мантия, знамя оказалось у Селима и было отправлено им в большую мечеть Дамаска. Ежегодно знамя несли во главе процессии паломников в Мекку. Мурад III, понимая его политическое значение, направил знамя в Венгрию для поднятия боевого духа своей армии. По завершении кампании уже Мухаммед III, только что взойшедший на трон (1595), доставил знамя в Константинополь. С тех пор оно стало символом Османской империи и выставлялось на всеобщее обозрение, только когда султан или великий визирь лично присоединялись к действующей армии, а также в случае опасности общенационального масштаба (как в 1826 году) или при объявлении войны. Последний раз это произошло в 1915 году, в момент объявления священной войны против стран Антанты.

Судя по всему, полотнище снято с древка и хранится в сундуке из красного дерева, инкрустированном черепашиным панцирем, перламутром и драгоценными камнями. Здесь же находится и знамя, как полагают, принадлежавшее Омару. Знамена завернуты в сорок разных покровов из дорогих тканей. Сама святыня — из зеленого шелка с надписью, вышитой золотом.

Связано ли количество покровов знамени с числом служителей Хас-ода, исполнявших роль хранителей реликвий, я сказать не могу. Кстати, Уайт добавляет, что и у мантии было сорок специальных покровов, однако возможно, что на самом деле это не так. Ключи от сундука хранились у кызлар-аги как главного смотрителя святых мест. Уайт говорит, что видел древко, стоявшее у стены. Оно было увенчано пустотелой серебряной сферой с позолотой, внутри которой находился список Корана, сделанный, как считают, рукой Омара. Еще один список, сделанный Османом, завернут в полотнище другого знамени. Доссон описывает, что хранилище Корана Османа выполнено в форме яблока, там же находятся и ключи от Каабы, врученные Селиму Шари-

фом¹ Мекки. Тавернье же сообщает, что знамя хранилось в стенном шкафу в спальне султана.

3. Мюхюр-шериф, или Священная печать. Единственное свидетельство о наличии печати и церемонии, связанной с ней, мы находим у Тавернье: «Около дивана в Зимней комнате, главном помещении хранилища реликвий, в стене устроена ниша, в которую помещена небольшая коробка из черного дерева около 15 сантиметров в длину и ширину. В ней хранится печать Магомета, помещенная в кристалл, отделанный по краю слоновой костью. В длину он около 10 сантиметров, в ширину — примерно 7 сантиметров. Сам я видел только оттиск печати на листке бумаги, но человек, показавший его, не позволил мне прикоснуться к бумаге, а сам смотрел на оттиск печати как на великую реликвию. Раз в три месяца пажи Палаты казны убирают помещение, меняя при этом ковры. Именно тогда часнадар-баши открывает коробку и расшитым платком достает печать, исполненный уважения и поклонения реликвии. Старший паж держит золотой кубок, украшенный алмазами и сапфирами, в его верхней части находится что-то вроде чаши с прекрасными благовониями, аромат которых распространяется по всей комнате. Паж держит кубок двумя руками и постепенно поднимает его над головой, а все находящиеся рядом мгновенно падают ниц, выражая таким образом свое почитание реликвии. После того как все поднимутся, паж опускает кубок на уровень чуть ниже подбородка. Главный хранитель казны держит печать перед собой, окруженную пеленой от воскуренных благовоний, а все находящиеся в помещении подходят к нему по очереди и целуют кристалл, покрывающий одну из самых драгоценных реликвий, принадлежавших их Пророку».

Тавернье не удалось выяснить, как выглядела сама печать, из какого материала она сделана, что на ней

---

¹ «Шариф» в переводе с арабского «благородный», «знатный».
(Примеч. пер.)

выгравировано. В четырнадцатый день месяца Рамадан на пятьдесят листов бумаги наносят оттиск печати «специальными смолистыми чернилами, которые готовят в фарфоровом блюде. Меченосец султана руками натирает ими печать и штампует листы», а затем рассылает их вместе с «водой мантии» уважаемым людям столицы.

4. Сакал, или Борода. Считается, что бороду Пророку сбрил после смерти его любимый брадобрей Салман в присутствии Абу Бекра, Али и еще нескольких ближайших последователей, участвовавших в церемонии воскурения благовоний. Говорят, что в длину она была около 7—8 сантиметров, светло-каштанового цвета, без признаков седины. Хранится борода в герметичной, богато украшенной стеклянной раке.

5. Зуб Пророка. Зуб является одним из четырех, которых лишился Пророк после удара боевым топором в ходе битвы при Бадре. Считается, что архангел Джабраил во главе трех тысяч ангелов сражался на стороне Пророка. Два из трех зубов потеряны, а четвертый якобы находится в тюрьме¹ Мухаммеда I.

6. След ноги Пророка. Именно этот след ступни на квадратном куске известняка видел Уайт. По преданию, след Пророк оставил в момент, когда помогал строителям поднять тяжелый камень при возведении храма в Каабе. По другой версии, Мухаммед оставил его, когда левую ногу занес в стремя, садясь на любимого коня.

Как мы уже говорили, Тавернье описал два меча. Один, как считается, принадлежавший Омару, очень простой меч в ножнах, завернутых в зеленую материю. Другой — короткий, достойный поклонения, так как именно им «человек по имени Эбу-Нислум за распространение ереси наказывал неверных, по закону Магомета разрубая их на куски».

Тавернье также приводит описание нескольких помещений, входивших в комплекс павильона Священной мантии, однако из-за разрушений и неоднократных пе-

---

Усыпальница, мавзолей. (Примеч. пер.)

рестроек оно мало что может нам дать. Главный вход через колоннаду Третьего двора ведет к богато декорированным воротам, известным как Ворота фонтана. Оттуда вы сразу попадаете в самую южную из четырех квадратных комнат с купольным потолком. Это, скорее всего, приемная с фонтаном посередине. Из трех остальных я побывал только в северной и смог лишь мельком через забранное решеткой окно увидеть зал в форме буквы «Г». Насколько можно было судить, внутренние стены отделаны изящными изразцами, а массивные портьеры, вероятно, скрывали витрины с реликвиями меньшего значения. С потолка свешивались светильники, а полы были устланы роскошными коврами. Было довольно темно, а учитывая то, что меня вели в зал Обрезания, мое представление об обстановке оказалось фрагментарным. Вышел я тем же путем, что и вошел, — через небольшую дверь, поднявшись по невысокой лестнице в углу Четвертого двора позади Эманат хазынеси (см. план, поз. 109). Это здание, а также Хасодаси и павильоны, начинающиеся на выходе из зала с колоннами, были связаны между собой как архитектурно, так и церемониально, вместе составляя комплекс павильона Священной мантии. Рассказать о том, какую роль эти помещения играли в разное время, не представляется возможным. В следующей главе я кратко остановлюсь на Ереван-кешк, входящем в состав Четвертого двора.

Глава 11

ЧЕТВЕРТЫЙ ДВОР

Хотя последняя описываемая нами часть Серая сегодня и называется Четвертый двор, но, скорее, по традиции и относится по большей части лишь к территории, примыкающей к павильону Абдул-Меджида.

Более того, строения, конструктивно связанные с павильоном Священной мантии и мраморной террасой, ведущей к великолепному Багдадскому павильону, не являются составной частью какого-то другого двора, а Меджидие-кешк, возведенный в стиле позднего Луи-Филиппа, вряд ли вообще можно считать исторически связанным с Сералем.

Учитывая непревзойденные по красоте виды на Мраморное море, Босфор и Принцевы острова, этой части Серая самой природой было предназначено стать чудесным садом, а сменявшие друг друга султаны лишь состязались в искусстве сделать его еще прекраснее. С самого начала возведения дворца павильоны строились на самых высоких участках, в окружении цветов и деревьев. Здесь ощущалось каждое дуновение морского бриза, и султаны, оставив заботы о государственных делах и семейных неурядицах, могли в полной мере насладиться покоем и уединением.

Даже мельком взглянув на план, можно понять, что этот сад предназначен исключительно для султана, — он буквально отрезан от остальных зданий Серая. Окна казны и Продовольственной палаты и их двери, со стороны заднего фасада все же выходившие в сад, на-

дежно закрывали, как только женщинам гарема позволялось погулять или устраивался праздник тюльпанов. С другой стороны связь с гаремом закрывал павильон Священной мантии, так что пажи дворцовой школы оказывались запертыми на территории Третьего двора. Как мы уже знаем, некоторых посетителей могли тайно направлять в сад через небольшую дверь. А строения, главным образом в северной части, являлись, очевидно, летними павильонами, которые со временем либо пришли в негодность, либо были снесены для строительства в 1639 году Багдад-кешк и смежной с ним мраморной террасы султана Ибрагима.

О наличии обширного пространства, занятого заросшими ныне фундаментами давно заброшенных строений, протянувшихся от зала Обрезания и Багдадского павильона до внешних стен Сераля, мы уже упоминали в главе, посвященной селямлику.

Прежде чем рассказать о садах тюльпанов Ахмеда III, ставших столь известными в первой четверти XVIII века, я коротко остановлюсь на сохранившихся зданиях так называемого Четвертого двора. Из предыдущей главы мы знаем, что Ереван-кешк соединялся с павильоном Священной мантии. Он находится на самом высоком холме Сераля, и со времени правления Мехмеда II на этом месте всегда размещались строения, исполнявшие роль уединенных летних вилл в непосредственной близости от селямлика. Здесь постоянно можно было наслаждаться великолепным видом окрестностей и чудным ароматом садов.

Весной 1635 года Мурад IV предпринял Анатолийскую кампанию, ставившую своей целью изгнание персидских еретиков из городов Османской империи, все еще находившихся в их руках. В результате похода был покорен и Ереван — столица Ереванского ханства к северу от горы Арарат в Закавказье. А на обратном пути жестоко наказывались губернаторы провинций, замеченные в малейшем неуважении к султану. Считается, что в Ереване Мурад был поражен красотой одного па-

вильона и по возвращении в столицу приказал выстроить точно такой же в своем саду. Участок выбрали в самом видном месте Сераля. И хотя название павильону было дано в честь взятия Мурадом Еревана, его еще именуют Сарик-одаси, или зал Тюрбана. Ереван-кешк — сооружение крестообразной формы, которое можно назвать уменьшенной копией Багдад-кешк. Однако учитывая, что это уже не самостоятельное здание, так как одной стеной с большими окнами он был соединен с хранилищем казны, нам сложно судить о его первоначальной форме. Внутри имеется кабинет с куполообразным потолком, который освещается двойным рядом довольно узких окон. Крыша свешивается над карнизом и обеспечивает надежную тень как в центре кабинета, так и на балконах, построенных в перекрестках конструкции. На месте балкона, выходившего на сад тюльпанов, устроен небольшой эркер, именуемый «окном с диваном». Верхняя часть внешних стен покрыта изразцовыми панелями, а их внутренняя отделка напоминает изразцовое покрытие Багдад-кешк второго периода с прекрасными образцами искусства каллиграфии.

В 1638 году Мурад IV предпринял свою последнюю и самую значительную военную кампанию против персов, закончившуюся взятием Багдада. В свое время, в 1534 году, Сулейман Великолепный уже брал город, и вот теперь Мурад вновь овладел им, продолжая любопытную традицию Востока — покорение великого Багдада, древнего города халифата, лично властителем империи.

Мурад умел ценить архитектуру и здесь, в Багдаде, увидел, по его мнению, прекраснейшее сооружение в мире. Так после триумфального возвращения в Константинополь по его приказу рядом с Ереванским павильоном был выстроен Багдадский.

В плане это строение крестообразной формы, как и Ереван-кешк, однако окружающая его сводчатая галерея с широкими навесами крыши образует еще один

выдающийся вовне крест, придавая всему сооружению вид восьмиугольника за счет небольших эркеров, устроенных в нескольких перекрестьях конструкции. Присутствуют и другие дополнения, также изменившие первоначальный облик здания. Так, например, если смотреть на павильон со стороны мраморной террасы, можно увидеть, что справа, со стороны сада, сводчатая галерея закрыта. Облицовка изразцами и ажурные оконные переплеты повторяют декорировку главного павильона, образуя своего рода внешнюю переднюю. Одно время здесь размещалась библиотека. С левой же стороны галерея открыта, и, обходя ее в этом направлении, мы вскоре увидим, что далее, вплоть до приемной на южной стороне, она забрана стеклянными панелями. План поможет уточнить расположение зданий.

Вместе Ереванский и Багдадский павильоны представляют собой образцы великолепного турецкого архитектурного стиля, в основе которого оригинальные персидские работы XVII века. Изразцовая отделка достигает здесь небывалого мастерства. Причем если Багдад-кешк декорирован изразцами от основания до крыши, то Ереван-кешк — лишь наполовину. При этом общее впечатление от внешней отделки можно описать в двух словах — гармония и симметрия. А изящество и легкость подчеркиваются тонкими колоннами с капителями, повторяющими мотивы лотоса. В Багдадском павильоне клинчатый камень вплоть до свода — это цветной мрамор с зазубренными краями, а пазухи свода украшены круглыми медальонами, инкрустированными красным по белой мраморной поверхности. Позолоченный купол с высоким фонарем наверху поддерживается арками свода, перекрывающими проемы всех четырех направлений крестообразной конструкции. Позолоченный шар, некогда выполнявший функции светильника, свисает на длинной цепи из центра купола. Внутреннее изразцовое покрытие достойно самой высокой оценки. Среди оттенков наибольшего внимания заслуживают зеленый, темно- и светло-голубой на белом фоне. Среди узоров преобладают

цветочные, а майоликовые панно по обе стороны камина с изображением цветов граната и крупных листьев в двуручных вазах — истинный шедевр. Необходимо упомянуть и великолепные изображения птиц, их красные клювы контрастируют с более светлой поверхностью поля.

Красивый бронзовый камин выполнен в привычном стиле с навесом, причем он невысок, чтобы было тепло людям, разместившимся на низких софах и диванах. Бассано отмечает, что поленья располагали вертикально, а не поперек друг другу, как это принято у нас, чтобы усилить тягу и уменьшить задымление. Высокий дымоход в форме минарета пронзает крышу с одной из сторон. Широкий карниз с куфическими письменами идет по всему периметру комнаты, в специальных нишах стоят диваны, украшенные дорогой вышивкой. Между диванами и за ними расположены стенные шкафы, дверцы которых инкрустированы слоновой костью и перламутром. В инкрустированных аналогичным образом нишах выставлены образцы китайского фарфора. В них, вероятно, размещали трубки, парфюмерию и другие предметы. Окна в ажурных переплетах идут вдоль всей верхней части павильона: попарно в нишах и по одному между ними. В середине помещения стоит стол или жаровня, правда, лишь в качестве декоративной детали. На протяжении веков павильон использовали по-разному: как место для курения, под библиотеку, приемную и даже в качестве тюрьмы.

Между Багдадским павильоном и залом Обрезания проходит широкая мраморная терраса с хавузом, бассейном, слева она доходит до Ереван-кешк. Направо, если смотреть на зал Обрезания, на четырех тонких колоннах покоится искусно выполненный из золоченой бронзы навес. Судя по надписи, это Ифтарие (ифтар — пища, принимаемая во время Рамадана), именно здесь Ибрагим ужинал после захода солнца. Здесь же султан раздавал милостыню во время празднеств по случаю обрезания сыновей. Официальный путеводитель по Се-

ралю приводит две интересные иллюстрации. На первой султан стоит перед Ифтарие, а несколько человек на коленях собирают брошенный к бассейну бакшиш. На другой мы видим тех же людей перед хавузом, а за шеренгой из девяти чиновников, на диванах, — высокогородных принцев, вероятно, после операции, и самого султана, беседующего, скорее всего, с главным врачом.

Нынешний хавуз — это все, что осталось от так называемого «водяного сада», который, по свидетельствам авторов прошлого, располагался именно в этой части Сераля. Со стороны террасы он открыт, а с двух других ограничен окнами зала колонн и Ереван-кешк. В центре установлен чудный пирамидальный мраморный фонтан. Отражение в его водах мерцающих отсветов мраморной балюстрады и колонн придает всему величественному ансамблю верхней террасы ощущение спокойной прохлады. Пройдя по нескольким мраморным ступеням вниз, мы попадаем в сады. Они идут террасами на разных уровнях по всему Четвертому двору, на северо-востоке упираясь в павильон Мустафы-паши (см. план, поз. 118) и усеченную башню Хекимбаши-одаси (поз. 119), в которой располагался главный врач. Как мне удалось узнать, сады тюльпанов были разбиты между Ереванским павильоном и Хекимбаши-одаси (поз. 113, 119), а оранжерея — на нижней террасе за павильоном Мустафы-паши, она протянулась на север вплоть до мраморного бассейна прямоугольной формы, находившегося ниже Багдадского павильона.

Еще один бассейн, несколько меньших размеров, разделяет Мустафа-паша-кешк и Хекимбаши-одаси на следующем уровне. Этот павильон состоит из двух помещений разной площади, соединенных между собой длинным пролетом лестницы, ведущей в оранжерею. Здание покоится на нескольких тонких мраморных колоннах, увидеть которые можно только со стороны нижних садов. Кто и когда возвел строение, неизвестно, а имя визиря Мустафы-паши соединилось с ним во

время более поздних восстановительных работ. Первая дата, связанная с этим павильоном, судя по надписи, — это 1704 год, когда при Ахмеде III проводилась реставрация. Существует еще одно название этого строения — павильон Дивана, однако как оно возникло, нам также неизвестно. Несомненно, его главная отличительная черта — это массивное окно и диван перед ним. Окно выходит на нижние сады, а слово «диван» в названии употреблено для того, чтобы подчеркнуть вспомогательную роль помещения, что-то вроде передней в доме. Внутреннее убранство в целом выполнено в стиле Людовика XV, что говорит само за себя. Считается, что здесь хранилась печать великого визиря.

Соседнее Хекимбаши-одаси — двухэтажное здание с забранными массивными решетками окнами на самом верху под трехступенчатым карнизом, напоминающее скорее тюрьму, чем пристанище главного лекаря султана. Как уже отмечалось, прежде оно являлось основанием высокой башни, а традиция относит его ко времени правления Мехмеда II. В стенных шкафах здесь можно увидеть коллекцию медицинских инструментов.

Полным контрастом всему остальному на территории Четвертого двора можно назвать Третьи ворота и Меджидие-кешк, расположенные в юго-восточном углу двора. Более уместными они казались бы где-нибудь в Версале. Павильон Абдул-Меджида, или Новый павильон, как его иногда называют, был сооружен в середине XIX века французским архитектором на месте более ранних строений — так называемого Зонта и павильона Третьего поместья. В настоящее время здесь представлено довольно пестрое собрание французской мебели всех периодов, однако преобладают предметы эпохи Второй империи.

На каминной доске в стиле Людовика XV выставлены многочисленные часы с позолотой, изящные вазы из золоченого серебра, канделябры, шкатулки с инкрустацией, изображения знаменитых триумфальных ко-

лонн и т. д. Здесь же, в центре, выставлены разнообразные предметы мебели с украшениями из золоченой бронзы, а также собрание портретов султанов, которые пока не доступны для обозрения посетителей. Вряд ли стоит говорить о непревзойденных по красоте видах, открывающихся из этого павильона. В последние годы империи его использовали в качестве дома-приемной для важных гостей Серая, где им предлагали кофе, сигареты и варенье из лепестков роз.

Стоит упомянуть о небольшом павильоне Одеаний в Четвертом дворе, там, очевидно, облачались в церемониальные одежды для торжественных встреч, а также мечети для служителей павильона Священной мантии.

Пожалуй, нам осталось поговорить о садах и знаменитом фете, празднике тюльпанов, проводившемся в период правления Махмуда I. Большинство султанов заботились о садах Серая, старались либо разбить новый, либо пополнить уже имеющийся дотоле неизвестными видами растений или деревьев. Так, Ибрагим любил тюльпаны, а, например, Мухаммед IV предпочитал лютики, отростки и семена которых ему поставляли паши всех областей Сирии и островов Средиземного моря. В больших количествах выращивали и другие цветы: розы, гвоздики, гиацинты, сирень, — причем не только в этом саду, но и в саду Летнего дворца. Так что в свое время это, несомненно, было великолепное зрелище. А сегодня о былой красоте напоминают лишь отдельные элементы изгороди да несколько отдельно стоящих деревьев.

Очевидно, увлечение тюльпанами достигло своего расцвета при Ахмеди III. Именно тогда эта страсть начала влиять даже на государственные дела, так как траты на проведение праздника были столь велики, что граничили с безрассудной расточительностью, подрывавшей бюджет страны. Сам же праздник тогда считали чуть ли не более важным, чем общенациональные. При следующем султани, Махмуде I, культ тюльпанов сохранился, хотя и в более сдержанной форме. Как раз на его правление приходится наблюдение, сделанное

Флаше во время праздника, посвященного этому замечательному цветку: «Проводится праздник в апреле. Во дворе Нового Серая устанавливаются деревянные рамы [«галереи»], по обеим сторонам которых амфитеатром укладывают ряды полок для ваз с тюльпанами. Между вазами располагают лампы. К верхним полкам подвешивают клетки с канарейками, а привязанные к ним стеклянные шарики, заполненные водой разного цвета, создают столь причудливую игру света, что даже днем создается ощущение яркого ночного праздника. Довольно продолжительный проход сквозь деревянные конструкции позволяет рассмотреть искусно выполненные сооружения: то тут, то там выставлены самые разнообразные пирамиды, башни или беседки.

Мастерство создателей столь гармоничных ансамблей делает их настолько живыми и реальными, что, очутившись в таком прелестном уголке, представляешь себя чудесным образом перенесенным во дворец мечты.

В центре всего — павильон Султана. Именно здесь выставляются подарки вельмож двора. Все они предназначены его величеству, причем под каждым указано, кто является дарителем. И это хорошая возможность выказать свое страстное желание угодить. Амбиции и соперничество — основа создания чего-нибудь нового, необычного. В любом случае даже отсутствие оригинальности с лихвой можно заменить великолепием и богатством подношения.

Когда все готово, Великий синьор объявляет калвет [состояние полного уединения либо для себя одного, либо с гаремом]. Все ворота Серая, ведущие в сад, закрываются, и бостанджи охраняют их снаружи, а черные евнухи — внутри. Вслед за султаном из гарема в сад направляются султанши. Руководит процессией во главе с черными евнухами их начальник, кызлар-ага. Женщины, как пчелиный рой, отовсюду бросаются к цветам, беспрестанно останавливаясь, только заведя сладкий нектар. Женщин в гареме много и на любой вкус. Кыз-

лар-ага уверял меня, что веселье, сопровождающее такие мероприятия, мастерство и умения, проявляемые девушками, не могут не изумлять. Так что маленькие шалости, о которых говорят поэты, слагая вирши о забавах Купидона и нимф, — лишь бледное подобие этого праздника. Каждая здесь стремится выделиться, каждая — само очарование, но цель у всех одна. Вряд ли где-либо еще можно увидеть, до какой степени изощряется в угодливости и до какой степени откровенна в достижении своих целей становится молодая женщина, соблазняя возлюбленного. Грация в танце, мелодичность голоса, элегантность наряда, остроумие беседы, самозабвенный порыв, чувственность, любовь, причем самая сладострастная (я бы еще добавил безудержное кокетство), — все это в один порыв: во что бы то ни стало добиться расположения султана.

В заключение старшая кадина представляет султану девушку, понравившуюся ему больше всего, которая, не жалея себя, все отдала ради успеха, проявила все свои таланты, доказывая, что умеет доставлять удовольствие. Брошенный ей султаном платок стал наградой за ее старания.

Портьера, занавешивающая диван, на котором сидит султан, закрывается, а кызлар-ага остается на страже, чтобы по первому знаку отдернуть ее, и все женщины — танцующие, поющие, играющие на музыкальных инструментах — сразу подходят к павильону, чтобы выразить свое уважение султану и поздравить новую фаворитку.

Праздник продолжается еще какое-то время, прерываемый кызлар-агой для того, чтобы раздать девушкам драгоценности, мелочи и безделушки. Подарки распределяются в соответствии с тем, какое удовольствие каждая смогла доставить своему господину. Правда, следует отметить, что Махмуд всегда следил за тем, чтобы они имели достаточно высокую ценность, дабы девушки могли вернуться в гарем, исполненные чувства благодарности и удовлетворения.

Праздник завершается. Придворные вельможи и главные чиновники империи по очереди, в соответствии со своим чином, свидетельствуют ему свое почтение, а весь Сераль украшается праздничными огнями».

Информацию о Серале Флаше главным образом получал от своего друга, кызлар-аги. Так что его рассказ можно считать еще одним свидетельством в пользу существования обычая выбирать себе наложницу, бросая ей носовой платок.

Выходя из сада через Третьи ворота, посетитель вскоре оказывается у колонны готов, стоящей здесь будто для того, чтобы напомнить нам о древней славе этого глубоко врезающегося в море мыса, обойти который, не заметив, просто невозможно.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	10
<i>Глава 1.</i> Предшествующие описания Сералья	27
<i>Глава 2.</i> История холма Сераль. Павильоны и стены	58
<i>Глава 3.</i> Первый двор	91
<i>Глава 4.</i> Второй двор, или двор Дивана	108
<i>Глава 5.</i> Черные евнухи	141
<i>Глава 6.</i> Гарем-I	173
<i>Глава 7.</i> Гарем-II	199
<i>Глава 8.</i> Селямлик	222
<i>Глава 9.</i> Бани	234
<i>Глава 10.</i> Третий двор	270
<i>Глава 11.</i> Четвертый двор	292

Пензер Норман

ГАРЕМ

История, традиции, тайны

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 11.03.2005
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96
Уч.-изд. л. 14,59 + 1 альбом = 15,48
Тираж 5000 экз. Заказ № 1699

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Норман Пензер

Гарем

ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ, ТАЙНЫ

Норман Пензер — магистр гуманитарных наук, член Королевского географического общества (Великобритания).

В книге рассказывается об истории возникновения института гарема и периоде его расцвета. В Османской Турции эту сторону придворной жизни окружала плотная завеса тайны. Сложный этикет, жесткие, почти монастырские правила, полная изоляция от внешнего мира порождали множество далеких от реальности слухов. Автор увлекательно повествует о том, что в действительности происходило за высокими стенами Серая. Вы узнаете об иерархии султанских наложниц, жен и призванных наблюдать за ними евнухов. Перед вами предстанет загадочная, тщательно скрываемая от посторонних глаз повседневная жизнь гарема, обитатели которого имели значительное влияние на политику государства.

ISBN 5-9524-1592-X

ЦЕНТРОЛИГРАФ®